

Фонд содействия ветеранам органов госбезопасности
«КУОС-Вымпел» имени Г.И. Бояринова

Валецкий О.В.

АРМИЯ

Боснии и Герцеговины

в 1992–1995 гг.

www.kuos-vympel.ru

Книга издана при поддержке **Фонда содействия ветеранам органов госбезопасности «КУОС-Вымпел» имени Героя Советского Союза Григория Ивановича Бояринова** и его Санкт-Петербургского регионального подразделения. Это общественная организация боевых офицеров спецназа госбезопасности, с честью и достоинством выполнивших в период службы свой конституционный и гражданский долг так, как этого требовали интересы государства. Визитной карточкой Фонда стало участие его членов в легендарной, не имеющей аналогов в истории спецслужб операции «Шторм-333» 27 декабря 1979 года, ознаменовавшейся героическим штурмом дворца «Тадж-Бек» в г. Кабуле (Афганистан). Все сотрудники Фонда имеют государ-

ственные награды за участие в выполнении специальных заданий руководства страны в Афганистане и ряде других стран. Завершив военную службу, ветераны-спецназовцы, **верные единой данной присяге**, реализуют свою активную жизненную позицию и в общественной жизни, в рамках созданного ими Фонда.

ВАЛЕЦКИЙ О.В.

АРМИЯ
Боснии и Герцеговины
в 1992–1995 гг.

Москва

Издатель А.В. Воробьев

2020

УДК 355/359
ББК 68
В15

Книга издана Фондом содействия ветеранам
органов госбезопасности «КУОС-Вымпел»
имени Героя Советского Союза Григория Ивановича БОЯРИНОВА
www.kuos-vympel.ru

ВАЛЕЦКИЙ О.В.

В15 Армия Боснии и Герцеговины в 1992–1995 гг. / Фонд «КУОС-Вымпел»; Центр стратегической конъюнктуры. — М.: Издатель А.В. Воробьев, 2020. — 232 с.

ISBN 978–5–93883–422–4

Политический кризис в бывшей Социалистической Федеративной Республике Югославии (СФРЮ), обострившийся в конце 1980-х — начале 1990-х годов, привел к распаду многонационального государства и возникновению нескольких вооруженных конфликтов. Центральное место среди них занимал конфликт в Боснии и Герцеговине (БиГ), получивший название Боснийская война (1992–1995 гг.). В этой бывшей республике СФРЮ столкнулись между собой три населяющие ее национальные общины: боснийские мусульмане, боснийские хорваты и боснийские сербы, и все они пытались отстаивать свои национальные интересы с оружием в руках. В представленной книге автор рассматривает вопросы, связанные с появлением регулярных армий современного типа, когда сами государственные органы начали создавать структуры иррегулярных войск, которые могли бы бороться на государственных границах с противником, ведущим как раз такую перманентную войну на этнической и религиозной основах.

Книга предназначена интересующимся новейшей историей Балкан.

ОБЛОЖКА: 1. Алия Изетбегович, Сакиб Махмулин на параде Армии Боснии и Герцеговины // global-politics.eu. 2. Колонна «мусульманского» подразделения Армии Боснии и Герцеговины // eadaily.com.

© Валецкий О.В., 2020

ISBN 978–5–93883–422–4

© Воробьев А.В. & Центр СК, оформление, 2020

Научное издание

Подписано в печать 20.09.2020. Формат 60x88/16. Усл.-печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 9,47. Тираж 500 экз.

Издатель Воробьев А.В. 7720376@mail.ru. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36

Типография ООО «Поли Принт Сервис». Москва, ул. Бутырская, д. 86. Тел. 8(495)191-11-95

Изготовление любой печатной продукции // info@ppsprint.ru // ppsprint.ru

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вооруженные силы боснийских мусульман и создание ими Армии Боснии и Герцеговины.....	4
2. Война между хорватскими и мусульманскими войсками в Боснии и Герцеговине в 1993–1994 годах.....	120
3. Моджахеды в Боснии и Герцеговине.....	171
ЛИТЕРАТУРА.....	229

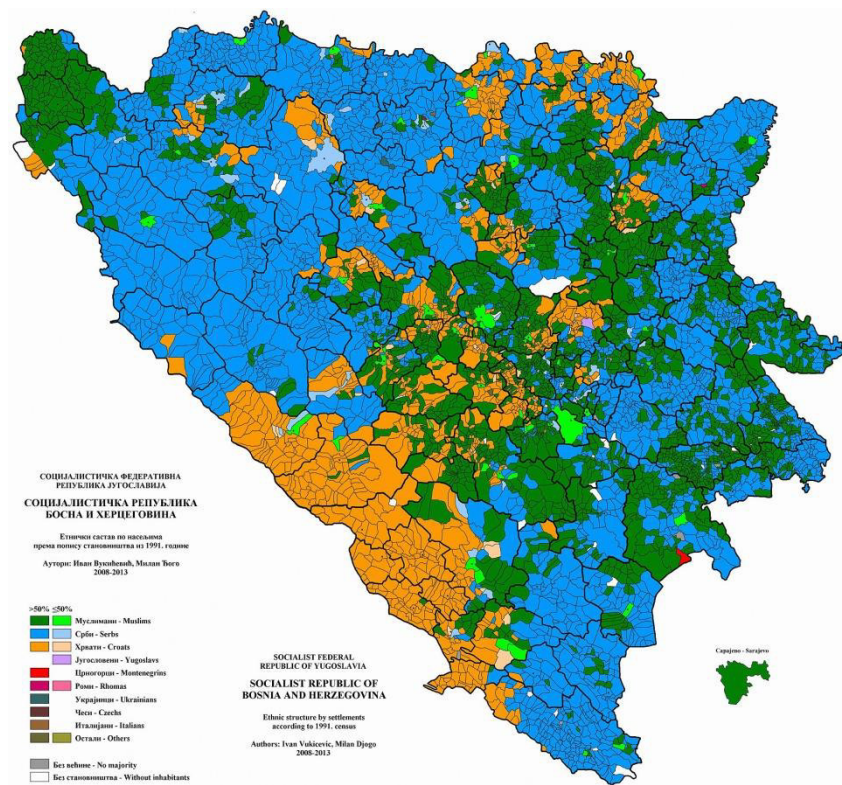
1. Вооруженные силы боснийских мусульман и создание ими Армии Боснии и Герцеговины

Югославская война представляет собою прекрасный пример организации перехода народного, условно говоря, «ополчения» в армию, вполне согласуется с доктриной «партизанской войны». В самом деле, организация партизанской войны есть путь к созданию параллельных государству силовых центров, обладающих вооруженной силой и способных эту силу применить. В Югославской войне действия в многонациональной среде как раз и требовали создания такой вооруженной структуры, которая могла бы действовать методами «партизанской войны», характерной для всех гражданских войн, ведущихся на этнических, политических или религиозных основах. В таких войнах веками служили многим полководцам войска «союзников», уступавшие им часто в подготовке и вооружении, но, однако, хорошо служившие для решения боевых задач по контролю занятых территорий, обеспечению коммуникаций и борьбе с «партизанами» противника.

С появлением регулярных армий современного типа сами государственные органы начали создавать структуры иррегулярных войск, которые могли бы бороться на государственных границах с противником, ведущим как раз такую перманентную войну, основанную на этнических и религиозных базах. Проще говоря, для армии нужны были воинские формирования, способные контролировать ход «народных» войн и действия участвующих в них «партизан». Партизанскими действиями в данном случае являются действия «народных масс» на территории, занятой противником, по дестабилизации его власти, как путем индивидуальных действий, так и путем диверсионной деятельности отдельных отрядов и, наконец, создания целых не подконтрольных противнику районов. Как раз примером такой «партизанской» войны и являются действия боснийских мусульман с началом войны в Югославии.

Босния и Герцеговина была сложным театром боевых действий как из-за горного характера местности, так и из-за своего этнического состава.

ФОТО 1. Этническая карта Боснии и Герцеговины в 1991 году // Иван Вукичевич и Милан Джого

Этническая карта Боснии и Герцеговины была довольно пестрой: мусульмане (исторически мусульмане были сербского происхождения, но в 1974 году, по инициативе Иосипа Броза Тито, «мусульмане» стали национальностью в СФРЮ) составляли большинство в 45 общинах (административных формированиях) Боснии и Герцеговины, сербы в — в 34 общинах, а хорваты — в 20 общинах. В общей сложности из 109 общин довоенной Бос-

нии и Герцеговины сербы составляли большинство в 34 общинах общей площадью 21050 кв. км. При этом еще в 14 из 26 общин, в которых никто не имел абсолютного большинства, сербы были самым многочисленным народом, это давало еще 9000 кв. км, тогда как общая площадь Боснии и Герцеговины составляла 51020 кв. км. Из этого следовало, что сербские общины составляли около 59% общей площади Боснии и Герцеговины, что в принципе и было очевидно в обычной жизни: сербы составляли более высокий процент среди сельского населения, а мусульмане — среди городского.

ФОТО 2. Босния и Герцеговина

В силу своей патриархальности Босния и Герцеговина, несмотря на старания коммунистической власти СФРЮ, сохраняла свое деление по национальным общинам. Это проявилось с началом «демократизации», и так, в ходе первых многопартийных выборов в Боснии и Герцеговине 18 ноября 1990 года, партия боснийских мусульман — СДА — получила 35% голосов, партия сербов — СДС — 30% голосов, партия хорватов ХДЗ — 18% голосов, тогда как остальные партии как гражданского, так и коммунистического толков получили всего 15 процентов голосов. При этом «национальные» партии СДС, СДА и ХДЗ перед выборами оформили коалицию, с помощью которой и поразили на выборах партию «Союз коммунистов Боснии и Герцеговины — Партия демократических перемен» (Савез комуниста Босне и Херцеговине — Странка демократских промјена), созданную в 1990 году как наследницу Союза коммунистов Югославии после распада последнего на его 14 съезде 22 января 1990 года. Благодаря этой коалиции коммунисты потерпели поражение, получив всего 6% голосов, и в парламент Боснии и Герцеговины прошли депутаты по спискам «национальных» партий. В Парламент (Скупштину) Боснии и Герцеговины тогда было выбрано 99 мусульман, 83 серба, 50 хорватов и всего 7 «югославов» (то есть лиц, в графе национальность писавших «югослав»).

Вскоре коалиция «национальных» партий распалась, и в парламенте произошло объединение СДА и ХДЗ против сербской партии СДС. Высшим органом исполнительной власти в Боснии и Герцеговине был Президиум БиГ, в который избиралось по два представителя от сербов, хорватов и мусульман и один из числа «остальных» народов. После выборов 1990 года в его составе были Биляна Плавшич и Никола Колевич, выбранные от сербской партии СДС, Степан Ключич и Франьо Борас от хорватской партии ХДЗ и Алия Изетбегович с Фикретом Абдичем от партии боснийских мусульман СДА. Как представитель остальных народов был выбран член СДА Эюп Ганич — мусульманин из Санджака (область на юге Сербии) и уроженец города Нови Пазар в Сербии. Впрочем, ХДЗ в меньшей мере была заинтересована в событиях в Сараево, стремясь к объединению хорватских территорий в Бос-

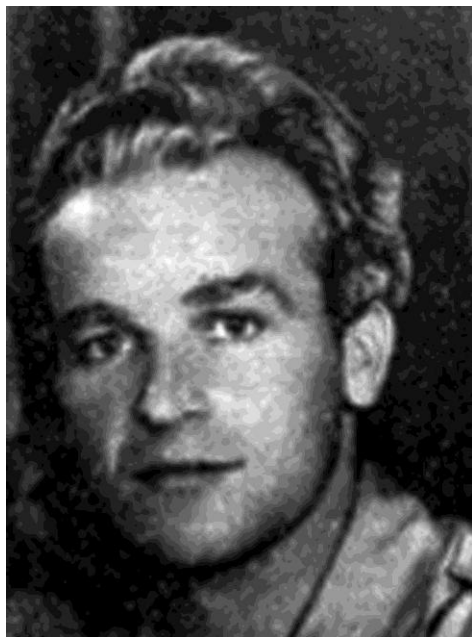
нии и Герцеговине с Хорватией, и поэтому в трехчленный президиум Боснии и Герцеговины от хорватов был выбран Степан Ключич, который являлся сторонником «либерального» крыла в ХДЗ и выступал за союз с США.

ФОТО 3. Слева направо: Степан Ключич, Радован Караджич и Алия Изетбегович // www.frontal.rs

За руководством же СДС и его политическим лидером Радованом Караджичем стоял официальный Белград, который считал, что Босния и Герцеговина в случае своего отделения от СФРЮ не может сохранить контроль над всей своей территорией и тем самым остаться суверенной державой [1]. Лидер партии боснийских мусульман Алия Изетбегович был исламским радикалом еще в молодости; как член организации «Молодые мусульмане» и сотрудник редакции «Мухаджир», был в 1946 году осужден на три года лишения свободы. Как политический диссидент, он в бывшей СФРЮ подвергался политическим преследованиям и еще в 1970 году написал «Исламскую декларацию», в которой призвал к восприятию ислама не только как религии, но и как политического строя. Однако он понимал слабость своих сил и до осени 1991 года стремился к политическим переговорам ради сохранения конфедерации с Сербией и Черногорией, ибо Хорватии и ее президенту Франьо Туджману не доверял.

ФОТО 4. *Алия Изетбегович в молодости // Bosanski veb portal
u Švjcarkoj // www.camo.ch*

Однако позднее верхушка СДА изменила свое мнение под влиянием советов и указаний извне, и тогда на заседании парламента (Скупштини) Боснии и Герцеговины 14 октября 1991 года был принят меморандум, предусматривающий, что Босния и Герцеговина может остаться в составе Югославии, если в ней останется Хорватия. Последнее, впрочем, было невозможно, так как в Хорватии уже шла война. Лидер сербской партии СДС Радован Караджич открыто пригрозил на заседании парламента (Скупштини) БиГ 15 октября 1991 исчезновением мусульман, когда хорватские и мусульманские депутаты собирались принять декларацию о суверенитете БиГ, если те попытаются проголосовать за выход Боснии и Герцеговины из состава СФРЮ. Караджич сразу же после своего заявления вместе с группой депутатов СДС покинул заседание парламента БиГ. Изетбегович все же добился принятия в парламенте декларации о независимости Боснии и Герцеговины голосами оставшихся депутатов и заявил

в ответ на уход сербских депутатов, что эта независимость достигается без согласия СДС.

Радован Караджич 24 октября созвал новое заседание уже только сербских депутатов парламента Боснии и Герцеговины, которое 21 декабря 1991 года в Баня-Луке провозгласило Сербскую Республику Боснии и Герцеговины, а в ноябре провели референдум, на котором сербы в Боснии и Герцеговине выступили за сохранение Югославии.

ФОТО 5. Территориальная организация ЮНА в 1991 году // www.srpskioklop.paluba.info

Командование ЮНА, во главе с министром обороны СФРЮ генералом Велько Кадиевичем и начальником генерального штаба

ЮНА генералом Благое Аджичем, используя опыт боевых действий в Словении и в Хорватии в 1991 году и понимая, что война неизбежна, создало к тому времени 2-ю Военную область со штабом в Сараево. Этот штаб был создан на базе штаба 5-й Военной области, охватывавшей ранее территории Хорватии и Словении и частично Боснии, передислоцированной из Словении и Хорватии. Командующим 2-й Военной областью стал генерал Милутин Куканец, переведенный сюда из Скопье, где он занимал должность командующего 3-й Военной областью, а его заместителем стал генерал Добрашин Прашчевич, до этого занимавший должность заместителя командующего 5-й Военной областью. При этом части ЮНА, дислоцированные в Подринье и в Герцеговине, находились в зоне ответственности созданной тогда же 4-й Военной области со штабом в Подгорице, чьим командующим стал генерал-полковник Павел Стругар. С началом войны в Боснии на территорию Подринья были введены силы 37-го корпуса (штаб в городе Ужице в Сербии), также подчиненного штабу 4-й Военной области.

Северную часть Боснии и Герцеговины (Посавина, Центральная Босния, Подринье и Семберия) охватывала зона ответственности 1-й Военной области со штабом в Белграде, чьим командующим был генерал-полковник Живота Панич, и на территории Боснии и Герцеговины ей подчинялись силы 17-го корпуса со штабом в Тузле, во главе с генерал-майором Миланом Недельковичем, а также дислоцированные в соседней Сербии силы 24-го корпуса (штаб в Крагуевце). Территория 2-й Военной области охватывала большую часть территории Боснии и Герцеговины (Боснийскую Краину, Сараевско-Романийскую область, Среднюю Боснию и часть Западной Герцеговины). На этой территории Боснии и Герцеговины были дислоцированы силы 5-го (штаб в Баня-Луке, командующий — генерал Момир Талич) и 4-го (штаб в Сараево, командующий — генерал Воислав Джурджевац) корпусов ЮНА. С воздуха их прикрывали силы 5-го воздушного корпуса, дислоцированные на аэродроме Маховляны под Баня-Лукой и на авиабазе ВВС Югославии Желява под Бихачем.

ФОТО 6. *Истребитель МиГ-29А на авиабазе Желява*

Авиабаза Желява была одним из самых современных военных аэродромов, на котором в подземных ангарах базировались самолеты всех типов, находившихся на вооружении ВВС Югославии, в том числе истребители МиГ-29А и истребители-бомбардировщики J-22 Орао и учебно-боевой Г-4 Галеб, могущий действовать и как легкий штурмовик.

ФОТО 7. *Истребитель-бомбардировщик J-22 Орао на авиабазе Желява*

После подписанного с руководством Хорватии перемирия, командованием ЮНА в Боснию и Герцеговину были передислоцированы выведенные из Хорватии части ЮНА. В частности, сюда были выведены силы 10-го корпуса, чей штаб во главе с генерал-майором Шпиро Нинковичем находился в Бихаче, тогда как в Герцеговину из Хорватии был выведен 13-й Риекский корпус ЮНА со всеми танковыми и артиллерийскими частями.

ФОТО 8. *Генерал Момчило Перишич (слева) с президентом Сербии Слободаном Милошевичем (в центре) // Журна «Vreme» // www.vreme.com*

Его штаб во главе с генералом Момчилом Перишичем был дислоцирован в Мостаре, тогда как в Восточной Герцеговине, в казармах в Требинье и Билече были дислоцированы силы отдельной оперативной группы, в которую входили части ЮНА и местной сербской ТО. В самопровозглашенной Республике Сербской Краине был дислоцирован 9-й корпус ЮНА, которым командовал генерал-майор Саво Ковачевич, чьи части также приняли участие в боевых действиях в Боснии и Герцеговине. По разным данным,

силы ЮНА в Боснии и Герцеговине насчитывали тогда от 450 до 600 танков, приблизительно такое же число БМП и БТР, свыше тысячи орудий (в том числе самоходных) полевой артиллерии, свыше сотни РСЗО, около тысячи противотанковых средств (ПТРК и противотанковых пушек), 400–500 зенитных артиллерийских установок разных типов, свыше тысячи минометов, а также 80 боевых самолетов и 50 вертолетов. Эти войска насчитывали около восьмидесяти тысяч человек личного состава, абсолютное большинство которых были сербы, многие из них были привлечены в ЮНА мобилизацией или добровольческим набором.

Территориальная Оборона Боснии и Герцеговины находилась еще под контролем ЮНА, к тому же осталась без запасов оружия, вывезенных ЮНА с помощью начальника ТО Боснии и Герцеговины генерала Вукосавлевича, в соответствии с планами Единство (1, 2, 3), проводившимися еще в предвоенной Югославии министром обороны СФРЮ генералом Велько Кадиевичем [2]. К тому времени в ЮНА офицерский состав был преимущественно сербским, т.к. с началом войны в Хорватии из частей ЮНА в Боснии и Герцеговине стали массово убирать офицеров и подофицеров не-сербской национальности, при этом не делая различия в их политических взглядах, и лишь хорошие связи с КОСом и с СК-ПЮ обеспечивали офицеру, не являющемуся сербом, сохранение его должности [3]. В самом Сараево и в его окрестностях находились: штаб 4-го (Сараевского) корпуса; 49-я моторизованная бригада; танковый, инженерный, химзащиты, военно-полицейский батальоны; противотанковый, ракетный (РСЗО), зенитно-артиллерийский дивизионы; легкий арtpолк ПВО и диверсантский отряд [3]. В Високо находился противотанковый полк. В Киселяке — артиллерийский полк. В Мостаре — 10-я моторизованная бригада, вертолетный и истребительно-бомбардировочный полки, ряд тыловых и учебных частей [3].

Также были дислоцированы в остальной Боснии и Герцеговине: в Добое — 6-я моторизованная бригада, арtpолк, штабы партизанской 11-й дивизии и партизанской 19-й бригады, в Дервенте — 327-я моторизованная бригада и 18-я партизанская бригада, в Травнике — 428-я горная и 14-я партизанская бригады, в

Бырчко — 395-я моторизованная и 22-я партизанская бригады, в Хан-Пиеске — 216-я горная бригада, в Приедоре — 343-я моторизованная, 11-я и 16-я партизанские бригады, в Бихаче — 1-я моторизованная бригада, 171-й авиаполк и батальон воздушного наблюдения, в Требинье — 472-я бригада морской пехоты, в Билече — школа резервных офицеров, в Фоче — 19-я партизанская бригада, в Тузле — штаб 17-го (Тузланского) корпуса, 92-я моторизованная бригада, два инженерных батальона, диверсантский отряд, арtpолк, зенитно-артиллерийский дивизион, в Баня-Луке — штаб 5-го (Баня-Лукского) корпуса, 16-я моторизованная бригада, 329-я танковая бригада, 589-я ракетно-артиллерийская бригада, артиллерийский, танковый, инженерный полки, батальон военной полиции, противотанковый дивизион и учебный центр танковых войск, штаб 10-й партизанской дивизии, в Зенице — 605-й полк химзащиты, в Биелине — штаб 38-й партизанской дивизии и полк связи, в Хаджичах (под Сараево) — инженерный батальон [3].

Правительство Боснии и Герцеговины к осени 1991 года стало терять контроль над частью своей территории, где она переходила во власть органов, контролировавших СДС Сербских автономных областей — САО, созданных осенью 1991 года, и подчиненных им вооруженным сербским отрядам. К февралю 1992 года этот процесс привел к полной потере власти, и вооруженные отряды местных сербов стали приобретать больше полномочий, нежели местная милиция, при этом открыто сотрудничая с ЮНА. Когда в ночь с 8 на 9 сентября 1991 года в Боснии и Герцеговине в городе Босанска Отока был арестован министр внутренних дел САО Краина Милан Мартич, то СДС Боснии и Герцеговины, пригрозив Изетбеговичу, добился того, что тот при посредничестве Ава Хебиба — помощника министра внутренних дел Боснии и Герцеговины — выпустил Мартича.

Впрочем, к войне стремились и хорваты, и 18 ноября 1991 года ими была провозглашена Республика Херцег-Босна, и практически тогда в Боснии и Герцеговине реализовывался тайный договор из поселка Караджерджево в Воеводине между президентом Сербии Слободаном Милошевичем и президентом Хорватии Франьо Туджманом, достигнутый 25 марта 1991, о разделе сфер интересов

Белграда и Загреба. Руководство СДС Боснии и Герцеговины поддержало этот договор. Так, согласно интервью журналу «Слободна Босна» бывшего министра внутренних дел Хорватии Иосипа Больковца, на встрече в Загребе 8 января 1992 года руководства СДС Боснии и Герцеговины во главе с Николой Колевичем и ХДЗ во главе с Франьо Туджманом, Франьо Борасом, Иосипом Манолличем, Звонко Леротичем, Гойко Шушком и Миланом Рамляком, договор из Караджерджева был подтвержден и Туджман согласился на замену Посавины на территории тогдашней САО Краины [4].

20 декабря 1991 года парламент Боснии и Герцеговины голосами хорватских и мусульманских депутатов принял резолюцию с обращением к ЕС признать независимость Боснии и Герцеговины, а 25 января 1992 года парламент Боснии и Герцеговины провозгласил референдум, прошедший 29 февраля — 1 марта 1992 года, и хотя большинство сербов по призыву СДС его бойкотировали, на референдуме большинство голосов было подано за независимость Боснии и Герцеговины. Вопрос о том начнется или не начнется война, зависел от Евросообщества, которое отложило признание итогов референдума в связи с начатой 16 марта в Лиссабоне конференцией по урегулированию конфликта. После трех дней переговоров Изетбегович подписал декларацию, согласно которой предусматривалось политическое деление Боснии и Герцеговины по национальному признаку, что вызвало волну обвинений в его адрес среди мусульман из-за того, что «Алия предал Боснию».

Новая конференция, прошедшая 30 марта в Брюсселе, положение не изменила, и к апрелю 1992 года Босния и Герцеговина, как республика бывшей СФРЮ, уже не существовала и единственной территорией, которую хоть как-то контролировало правительство Боснии и Герцеговины, было Сараево. Впрочем, СДА с самого своего возникновения готовилась к войне и сразу приступила к созданию собственного военного крыла. К началу 1992 года она располагала вооруженными силами в Боснии и Герцеговине, названными «Патриотска лига» (Патриотическая лига).

Руководил их деятельностью политический штаб, созданный при главном руководстве СДА Боснии и Герцеговины, а при нем находился главный военный штаб, непосредственно командовав-

ший операциями. Политическим штабом руководил вышеупомянутый Омер Бехмен, а также Эюп Ганич, директор военного института UNIS из Сараево и выходец из Санджака, а другой «санджаклия», Сефер Халилович, руководил военным штабом. Членами военного штаба были Мехо Каришик, Сефер Халилович, Авдо Хебиб, Мустафа Хайрулахович, Мунир Бисич, Сулейман Врань, Рифат Биляц, Ирфан Левакович, Салко Полимац, Алия Лончарич, Зиях Рашидагич, Зичро Суевич, Дерво Харбинья, Атиф Шаронич, Хайрудин Шуман [5].

ФОТО 9. Эмблема вооруженных отрядов организации «Патриотска лига»

Этим штабам подчинялись региональные (9) и общинные (103) штабы, также в составе «Патриотской лиги» возникло несколько боевых отрядов «зеленых беретов» (командир Эмир Швракич), добровольческие отряды «мухаджиров», ряд специальных интендантских и медицинских подразделений, а также силы специального назначения «Босна» (командир Керим Лунчаревич) [5]. В составе

«Патриотской лиги» были местные хорваты и даже сербы, но в относительно небольшом количестве, так как «Патриотска лига» была мусульманской организацией, да и присягала она «мусульманскому народу». Вооружалась «Патриотска лига» главным образом через Хорватию, пользуясь каналами СДА, и там же проводилось обучение значительного количества бойцов «Патриотской лиги», как в составе хорватской полиции, так и в составе ЗНГ (Збора Народне Гарде-Корпуса Народной Гвардии), то есть попросту обучение шло в составе хорватских вооруженных сил в ходе боевых действий этих сил против ЮНА и сербских вооруженных сил в Хорватии.

Само решение о создании «Патриотской лиги» было принято 10 июня 1991 года на совещании верхушки СДА, проводимом в Доме милиции в Сараево, но лишь в октябре 1991 года началось создание вооруженных подразделений лиги. Отряды «Патриотской лиги» держались вместе лишь благодаря авторитету тех или иных лиц (Дерво Харбиня, Юка Празина, Керим Лучаревич, Зияд Козич, Самир Ништович, Эмин Швракич, Абдулах Каришик, Вахид Каравелич, Сенад Машич, Хайро Османогич, Заим Бацкович, Алия Мердак, Ахмо Йорданович, Расим Гачанович, Фарид Нечо, Атиф Шаронич), которые представляли интересы региональных кланов из Сараево и Подринья, и землячества «санджакли», соответственно, в большей мере руководствовались своими личными интересами и интересами своих кланов.

До начала войны в руководстве «Патриотской лиги» так и не возникло единого плана действий, и если одни предлагали делать упор на массы, то другие — на диверсантские группы. «Тайная» директива по обороне Боснии и Герцеговины, принятая руководством «Патриотской лиги» 25 февраля 1992 года, была неосуществима, так как предполагала освобождение Боснии и Герцеговины за 67 дней путем блокады путей сообщения, захвата казарм и соединения сил регионов. Насколько она была тайной, можно судить по тому, что она практически сразу оказалась в руках офицеров управления военной безопасности ЮНА [3]. Хотя к началу войны в «Патриотской лиге», согласно данным генерала Рамиза Дрековича, насчитывалось около 170 тысяч человек, лишь половина из них была вооружена [3].

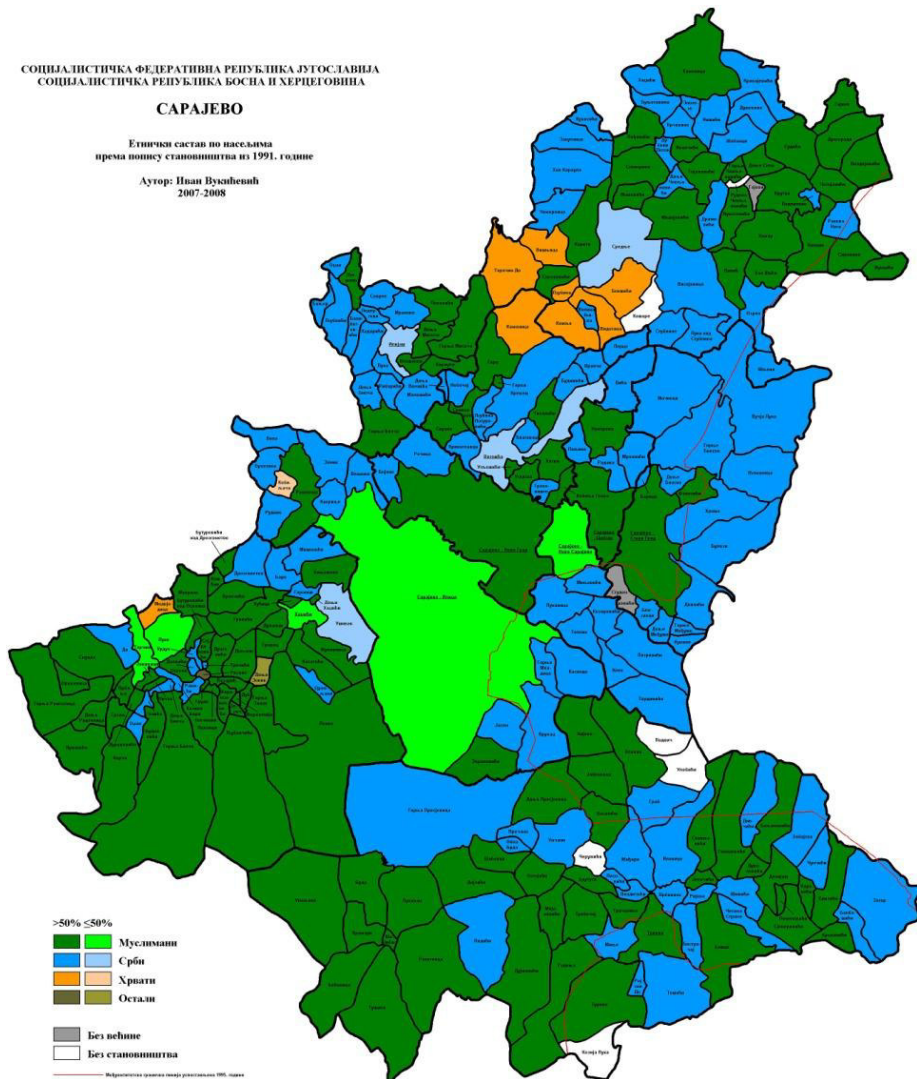
Впрочем, сам тогдашний начальник управления военной безопасности ЮНА генерал Александр Васильевич в своем интервью в журнале «Нин» от 12 июня 1992 года заявил, что «Патриотска лига» в конце 1991 года насчитывала лишь около 90000 человек. В особенности плохо были вооружены и подготовлены боснийские мусульмане в Боснийской Краине, где они также были раздроблены и сами изолировались от офицеров ЮНА мусульманской национальности [6]. Однако руководство СДА от неминуемого поражения спасли события в Сараево, которые в начале войны сыграли ключевую роль в событиях в Боснии и Герцеговине.

В условиях анархии гражданской войны СДА оказалась достаточно оперативной, чтобы суметь завоевать влияние в местном обществе. Можно, конечно, делать многочисленные замечания по поводу методов, применявшихся СДА, но в тех условиях влияние могло завоеваться только насилем. Сам Сараево в довоенной Югославии был городом «бандитским», и это сыграло свою роль в событиях весны 1992 года. Помимо этого, большая колония выходцев из Санджака (область на юге Сербии и севере Черногории, населенная «сербскими» мусульманами), тесно связанная с бандитской средой, поддержав своих земляков в СДА, дала последней дополнительные силы.

Сараево имело более чем полумиллионное население, где сербы составляли 38% от общего числа и являлись большинством в сараевских общинах Вогоша, Илияш, Илиджа, Пале, Ново-Сараево. В этих общинах сербская власть была установлена практически сразу, за исключением некоторых улиц или поселков с населением преимущественно мусульманским (поселок Храсница в общине Илиджа) или смешанным, как, например, Гырбовица (городские кварталы Ново-Сараево). Исторически главным центром мусульман был центр Сараево Башчаршия и поселки вокруг него. Однако с 60-х годов началась массовая городская застройка сараевской котловины вдоль реки Милячки от района Марьин Двор до подножья горного массива Игман. Вот здесь-то и начали строиться новые дома, как многоэтажные государственные, так и одно-двухэтажные частной застройки, в которых процент мусульман значительно вырос. Большую роль сыграло то, что тогдашняя местная социалистическая власть поощряла заселение сюда мусульман из остальной Бос-

нии и Герцеговины, да и из всей Югославии. В особенности это касалось выходцев из области Санджака, называвшихся здесь «санджаклии». Они буквально заплотнили сараевские районы Буча-Поток, Буляков Поток, Соколович-колония, Храсно-Бырдо.

ФОТО 10. Этническая карта Сараево в 1991 году // Иван Вукиевич

Потомственные жители Сараево — «сарайлии» — и мусульмане, и сербы, и хорваты — с раздражением смотрели на агрессивных «санджаклий», а последние с началом вооруженных столкновений в Сараево буквально выскочили политически на поверхность. Ждать долго не пришлось, ибо на обеих сторонах уже имелись вооруженные отряды боевиков и нужен был лишь повод к началу войны.

Первого марта 1992 года трое мусульманских боевиков появились в узкой улочке перед сербской православной церковью Святых Архангелов Михаила и Гавриила в районе исторического центра Сараево — Башчаршии. Здесь, как заранее было известно, должна была быть сербская свадьба, а на свадьбы сербы прибывают традиционно со своими национальными флагами.

Около церкви их поджидало трое боевиков-мусульман, и руководителем этой тройки был Рамиз Делалич, сараевский бандит (убитый в июне 2007 года в самом Сараево), о котором открыто говорилось как о человеке Здравко Мустача, довоенного шефа Управления государственной безопасности СФРЮ. Боевики с Делаличем во главе убили серба Николу Гардовича, священника Раденко Миковича ранили, а сербское знамя сожгли.

В ответ в этот же день 1 марта сербы, по указанию СДС, установили баррикады в Сараево. Очевидно, что «кровавая свадьба» произошла не случайно и СДА явно ожидала шага сербских вождей по блокированию баррикадами въездов и выездов в Сараево, что и произошло на следующий день. В ответ и СДА, точнее, «Патриотская лига», организовала блокады не только в Сараево, но и по всей Боснии и Герцеговине. Все это сопровождалось вооруженными межнациональными столкновениями.

В это время руководство СДС находилось в центре Сараево в отеле «Холидей-Инн», недалеко от Гырбовицы, надеясь на защиту «сербского» МВД, так как к тому времени милиция неофициально разделилась на сербскую и мусульманскую. 2 марта в Сараево, на бульваре Братства и Единства, сербская милиция разгоняла демонстрации выстрелами в воздух, а в ночь с 3 на 4 марта она же блокировала город. Алия Изетбегович потребовал от командующего 2-й Военной области ЮНА генерала Куканьца убрать сербские баррикады. Последний дал свое согласие и вынес предложение

ние о создании совместных патрулей милиции и военной полиции ЮНА. Баррикады были убраны 5 марта, но милиция, формально еще единая, фактически уже разделилась окончательно на «сербскую» и «несербскую». Распад милиции, впрочем, был вызван не только политикой, но и тем, что довоенное МВД Боснии и Герцеговины было полностью коррумпировано и планомерно заполнялось сверху людьми явно низкой морали, а его глава, Алия Делимустагич, вел двойную игру, сотрудничая как с ЮНА и с Белградом, так и с Алией Изетбеговичем.

После раскола в МВД силы «Патриотской лиги» и верной Изетбеговичу милиции напали на СУП (Станица унутрашних послова — отделение внутренних дел) Ново-Сараево и убили милиционера Перо Петровича, серба по национальности. Несмотря на то что баррикады в Сараево были убраны, они оставались еще во многих «општинах» (территориальная единица в бывшей Югославии) Боснии и Герцеговины, являясь источником конфликтов, вплоть до вооруженных. То, что ожидало Боснию, было уже понятно 1 апреля 1992 года, когда, согласно указаниям ДБ Сербии, в Биелину вошли добровольческие отряды СДГ Желько Ражнатовича — «Аркана». Добровольческие отряды были привлечены, так как Белград не желал слышать обвинения в агрессии в свой адрес, но и на местных сербов положиться не мог, в силу важности задания. В Биелине мусульмане имели свои отряды организации «Патриотска лига», но вооруженные в основном стрелковым оружием.

Хотя местное командование «Патриотской лиги» отказалось сдать оружие и дало приказ своим силам вступить в бой против СДГ и местных сербов, но они не смогли долго сопротивляться хорошо подготовленным и вооруженным «аркановцам» и местным добровольцам под командованием Любиши Савича — «Маузера», которых поддерживала артиллерия ЮНА. Так, 1 апреля этими отрядами при поддержке сил 17-го корпуса, в том числе дислоцированной здесь 17-й партизанской дивизии, в которой основную массу военнослужащих составляли местные сербские резервисты, блокировавшие город, был взята автостанция. Весь город был взят 3 апреля, а силы «Патриотской лиги» отступили в сторону Тузлы вместе с той частью гражданского населения Бие-

лины, которое не хотело оставаться под сербской властью и не верило ЮНА.

При этом руководство соседних городов Бырчко и Тузлы, находившихся в руках партии «Союз коммунистов Боснии и Герцеговины — Партии демократических перемен» (Савез комуниста Босне и Херцеговине — Странка демократских промјена), под давлением своих коллег — сербских депутатов и двуличной политики депутатов ХДЗ — препятствовало посылке помощи в соседнюю Биелину. В итоге сопротивление «Патриотской лиги» было полностью сломлено 4 апреля, и в городе добровольцами СДГ и местными сербскими боевиками начались «зачистки» мусульман, в особенности тех, кто по тем или иным причинам представлял для них угрозу, или тех, кто имел денег больше положенного. Фотографии погибших и оставшихся лежать мусульман (в том числе женщин, детей и стариков) на улицах быстро оказались в Сараево благодаря одному американскому фоторепортеру, оказавшемуся тогда в Биелине.

ФОТО 11. Сербская добровольческая гвардия в Биелине в апреле 1992 года // Журнал «Soldier of Fortune» (April 1994)

Изетбегович потребовал вмешательства ЮНА, но появление военных патрулей на улицах Биелины 3 апреля ничего не изменило. Прибывшая в Биелину делегация президиума Боснии и Герцеговины в составе Фикрета Абдича, Биляны Плавшич и Ерко Доко обнаружила, что мусульмане либо бежали из города, либо прятались по домам. Командование Территориальной Обороны соседнего с Биелиной поселка Янья, увидев, какую судьбу пережили мусульмане в Биелине, 5 апреля добровольно сдало оружие ЮНА, и поселок заняли сербы. В отличие от Биелины, город Градацац, к западу от Тузлы, попал в руки мусульман быстро, а силы ЮНА и местные сербы отошли к Добою.

События в Биелине послужили причиной объявления Изетбеговичем мобилизации 4 апреля сил ТО, причем сделал он это по требованию Эюпа Ганича, ставшего к тому времени его неофициальным заместителем, что означало фактическое подчинение всех сил и средств ТО «Патриотской лиге». Большую роль в начале войны сыграл многотысячный митинг в центре города в первых числах апреля, на который прибыли тысячи людей из всей республики. Демонстрация 5–6 апреля поначалу начиналась мирно. На ней собралась большая масса людей, как местных, так и приехавших на заказных автобусах со всей Боснии и Герцеговины. В первых рядах демонстрантов были не только мусульмане, но и хорваты и сербы. Выдвигавшиеся лозунги скорее носили пролетарский характер, нежели демократический. Хотя проводились они под «антивоенными» лозунгами, кроме лидеров СДА, выступали тут и представители других партий (как мусульмане, так и сербы, и хорваты), и даже один из тогдашних лидеров СДС Владимир Сребров, также выступивший против войны, правда вразрез с линией своей партии.

Колонны демонстрантов несли портреты Тито и знамена СФРЮ. В ходе митинга был создан комитет «национального спасения». Кто-то направил демонстрантов на Гырбовицу к школе милиции, в районе Враца. Сербские снайперы открыли по ним огонь, и первыми жертвами на мосту Вырбаня, на самом переходе на Гырбовицу, стали мусульманская студентка Суада Дилберович и служащая, сербка по национальности, Олга Сушич. Как потом было

сообщено в СМИ, огонь по демонстрантам на мосту Вырбаня открыли сербские снайперы из отеля «Холидей Ин».

Местные боевики отряда под командованием Юсуфа — «Юки» Празины достаточно быстро вступили в перестрелку как с охраной СДС, находившейся в отеле, так и с некоторыми сербскими группами, вошедшими в город для эвакуации руководства СДС. Хотя руководителям СДС удалось уйти, в чем немалую роль сыграли тогдашний министр внутренних дел мусульман Алия Делимустагич и его заместитель, серб Момчило Мандич, еще контролировавшие милицию, но шесть человек из охраны СДС и боевиков из упоминавшихся сербских групп попали в плен к боевикам «Юки», лично ворвавшегося в отель. Впоследствии пленные были обменены на пленных «мусульманских» милиционеров, взятых в боях за школу МВД в районе Враца на холме над Гырбовицей, когда сербская милиция под командованием Каришика при поддержке местных сербских боевиков 5 апреля окружила, а затем с боем взяла школу милиции в районе Враца, взяв несколько десятков пленных.

Ночью ЮНА вывела технику на позиции вокруг города и взяла под контроль сараевский аэродром. На следующий день Евросообщество объявило о признании результатов референдума и суверенитета Боснии и Герцеговины, а в ответ Караджич провозгласил независимость Сербской Республики Боснии и Герцеговины, однако со столицей в Сараево, которое было названо городом под неприятельской оккупацией. Как «председништво» (то есть Президиум), так и правительство Боснии и Герцеговины тогда покинуло большинство сербских представителей, за исключением меньшинства «лояльных» Изетбеговичу сербов: Богича Богичевича, члена правительства Боснии и Герцеговины Мирко Пеяновича и старого «титового» партизана и председателя СУБНОРа (Союза ветеранов армии Тито) Боснии и Герцеговины Белобырка и других подобных представителей, которых сами сербы называли «алиины сербы».

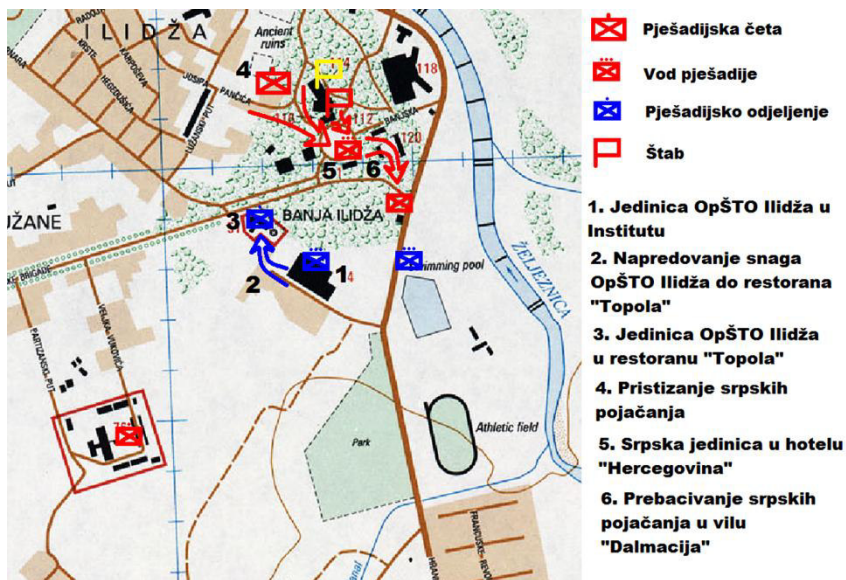
В Сараево сразу же начались бои между силами «Патриотской лиги» и сербскими отрядами, а по всему городу шли аресты неблагонадежных.

ФОТО 12. Боевик организации «Патриотска лига»

Силы «Патриотской лиги» заблокировали главный выезд из Сараево через туннель Лапишница, тогда как сербские отряды добровольцев спустились с Враца и Еврейского кладбища в городские кварталы района Гырбовица и 10 апреля вступили в бой у зданий «Лорис» и «Электропривреды» с силами «Патриотской лиги». Начались бои и в районе поселка Жуч, в районе поселка Илиджи, в районе Еврейского кладбища, за олимпийский микрорайон «Добриня», за высоту Моймило. В последнем случае мусульмане, вступив в бой с подразделением ЮНА, смогли захватить эту стратегически важную высоту, с которой просматривались Сараевский аэродром и штаб Сараевского корпуса. Хотя в районе Илиджи мусульманам удалось пробиться через сербскую оборону, но они были остановлены у здания школы местными сербами и силами ЮНА и при отступлении понесли большие потери.

ФОТО 13. Апрельские бои на Илидже под Сараево

Несмотря на большие потери, мусульманское командование выполнило поставленную цель и установило линию обороны города. Уже тогда иные сербские бойцы проявляли недисциплинированность и склонность к грабежам, благодаря чему была упущена возможность занять город, не имевший линий обороны. Стоит заметить, что после взятия сербскими силами зданий центра подготовки МВД в районе Враца здесь собрались сотни местных сербских бойцов, главным образом из МВД. Однако спуститься несколько сот метров вниз на Гырбовицу, где в городских кварталах нельзя было часто найти больше сотни сербских бойцов, желающих было куда меньше. Между тем от Гырбовицы, точнее, от ее границы по реке Миляцка до казармы ЮНА «Маршал Тито», где практически в окружении находилось несколько сот военнослужащих, главным образом из учебного центра сухопутных войск ЮНА, было пару сотен метров. За казармой находился район Пофаличи, в котором жило тогда много сербов, и даже ими был организован отряд самообороны, а дальше, за высотами Хум и Жуч и за поселками Кобилья Глава и Жуч в 4–6

километрах лежала Вогоща, один из центров вооруженных сил сараевских сербов, а дальше находились так же подконтрольные сербам Илияш, Илиджа и Райловац, причем в последнем находились казарма и полигон центра подготовки ВВС ЮНА. Путь до Вогощи лежал не через городские кварталы, а по лесистым горам, совершенно не подготовленным противником к обороне, да почти им тогда и не контролируемым.

Так что сербское руководство могло и без прямой помощи ЮНА отрезать противника в старой части Сараево от сараевских новых районов тем самым лишить руководство СДА поддержки оттуда агрессивных «санджаклий» и, в конце концов, заставить его капитулировать или хотя бы отказаться от войны. У «Патриотской лиги» тогда катастрофически не хватало оружия, и нередко ее бойцы шли в атаку без него, беря оружие у раненых товарищей или у убитых. Попытка захвата военных складов в поселке Фалетичи, где хранились десятки тысяч стволов, закончилась для мусульман провалом, а 12 апреля ЮНА вывезла оружие со склада совместно с местными сербами. Правда, большего успеха «Патриотская лига» достигла в захвате военной фабрики «Претис» в Вогоще 6 апреля, где боевикам удалось захватить около восьми сотен ручных противотанковых гранатометов. Что касается ЮНА, то иные генералы всерьез считали, что все Сараево можно «умиротворить», если боевые самолеты несколько раз над ним пробьют звуковой барьер [7].

Между тем в это время шли полномасштабные бои в Подриње на границе с Сербией в городе Зворник. В Зворнике, в котором мусульман было около 70% населения, 8 апреля началась хорошо спланированная операция МВД Сербии, в которой важную роль играли местные сербские милиционеры, коллективно оставившие свои рабочие места за две недели до начала боевых действий. Их противник — силы «Патриотской лиги» в Зворнике — имели тогда всего полторы сотни вооруженных добровольцев, и хотя 23 марта смогли поставить под контроль местное отделение милиции, в котором остались лишь милиционеры мусульманской национальности, но поддержки населения не имели, тогда как руководство општина Зворник считало, что ЮНА их защитит от «четников», и потому всячески противилось созданию сил «Патриотской лиги» [5].

Хотя 7 апреля у поселка Дони Вукови (община Калесия) силы «Патриотской лиги» остановили конвой с оружием ЮНА из семи грузовиков и захватили большое количество оружия и боеприпасов, однако на события в Зворнике это не повлияло, ибо уже 8 апреля началась сербская операция. Важную роль в этой операции сыграли отряды СДГ Желько Ражнатовича — «Аркана», отряд «Жути осе» Воина Вучковича, четнический отряд СРС под командованием Драгана Цветиновича — «Стене» из Лозницы и отряды добровольцев организации СНО (Српска Народна Обнова), пользовавшиеся государственной поддержкой Сербии и уже обкатанные в ходе боевых действий в Хорватии в 1991 году.

Спротивление сил «Патриотской лиги» в Зворнике было оказано лишь стихийно образовавшейся группой местных добровольцев под командованием Самира Ништовича, закрепившихся в поселке Кула-град [5]. Операция сербских сил по захвату поселка Кула-град длилась с 11 по 15 апреля, но без успеха для сербов, потерявших нескольких погибших, в том числе заместителя командира СДГ Желько Ражнатовича «Аркана» — Игоря Окиеновича. При этом позиции на Кула-граде обороняла всего сотня мусульман, вооруженных стрелковым оружием и гранатометами. Помощь из Тузлы они не получили, и лишь из Живиницы к ним прибыло подразделение численностью в 95 человек, которое после нескольких дней боев было приказом сверху выведено назад в Живиницы [8]. После этого к наступлению на поселок была привлечена ЮНА, и после нескольких атак 26 апреля Кула-град был взят, тогда как мусульмане смогли отступить из Кула-града в сторону Калесии.

Тем самым если для захвата Зворника сербским силам пришлось потратить лишь два дня, то осада Кула-града длилась с 8 по 26 апреля. Получи мусульмане здесь вовремя подкрепление из Тузлы и Калесии и задержки уходивших беженцев, возможно, им бы удалось отстоять Кула-град. Однако местное мусульманское население Зворника вступать в ряды «Патриотской лиги» не хотело и смотрело с балконов на осаду поселка Кула-града, после чего это население было отправлено в лагерь местными сербскими силами [5]. При этом, что самое поразительное, мусульманское село

Джуличи, через которое отступили силы мусульман из Кула-града, как раз до этого и сдало оружие ЮНА, но потом было сожжено местными сербскими силами [8]. То есть на сербской стороне велась по сути двойная политика различных целей и методов, и командование ЮНА, очевидно обнаружив, что не имеет особых шансов на успех, перестало вмешиваться в процесс командования местными сербскими силами и отрядами добровольцев, взятыми под контроль республиканским руководством Сербии, к чему последнее и стремилось.

Точно так же развивались события в Рогатице, где местное руководство СДА до последнего избегало обострения отношений с сербами, а многие местные мусульмане сдавали оружие, полученное ими от СДА, тогда как милиционеры-мусульмане вели себя пассивно. В Рогатицу же сербские войска вошли не просто с целью захватить власть, она у них уже была, а с целью изгнать всех мусульман. Сопrotивление местных боевиков СДА, вооруженных лишь стрелковым оружием и ограниченным количеством гранатометов и взрывчатки, было быстро сломлено. Политическое руководство и имамы, также как и представители старой партийной номенклатуры, за малым исключением, предпочитали бежать в Усти-Прачу (под Горажде). Единственное серьезное сопротивление, согласно книге «Боснийские воины» Шефко Ходжича, было оказано стихийно возникшей группой в селе Полюн, находившейся на высоте Люн над Рогатицей. Лишь после совместной операции ЮНА, отряда специальной милиции из Пале Райко Кушича и местной сербской ТО село Полюн пало, и местные боевики, многие из которых были несовершеннолетними, ушли в сторону Усти-Прачи вдоль реки Прача, вместе с беженцами из самой Рогатицы и соседних сел. Тогда колонны беженцев теряли много людей в сербских засадах и на минных полях. Те, кто из Рогатицы уйти не смог, оказались в лагерях.

То, что дело идет к началу войны в Сараево, в апреле было уже ясно, и в апреле ЮНА начала эвакуацию по воздуху семей военных из Сараево, но 14 апреля был закрыт сараевский аэропорт Бутмир. Сам штаб 2-й Военной области надо было срочно перемещать из центра города в преимущественно сербскую Луковицу,

в казарму «Слободан Принцип — Селя», где находился штаб Сараевского корпуса. Дело, однако, затянулось в силу бюрократических препон, тем более что командование 2-й Военной области оставалось пассивным, не обеспечив безопасность ни собственного штаба, находившегося на площади «б апреля», ни дома ЮНА, ни военной больницы, ни казармы «Маршал Тито», находившихся в Сараево [7].

В это время в Сараево находились силы Сараевского корпуса ЮНА (командующий генерал Джурджевац, чье командование находилось в Луковице, где имелись две большие казармы «Гаврил Принцип-Сельо» и «Славиша Вайнер-Чича»), однако командование ЮНА оказалось не в состоянии вывести свои подразделения из окруженных воинских казарм. Вследствие нападений на казармы в Сараево было решено вести артиллерийский огонь по самому городу. В данном случае все это отражало большой шок у командования 2-й Военной области. Свыше двух сотен военнослужащих учебного центра сухопутных сил ЮНА в казарме «Маршал Тито» так и не были эвакуированы до июня 1992 года и лишь тогда через уже сербскую Гыровицу смогли выйти на сербскую территорию благодаря появлению в Сараево миротворческих войск ООН.

Прибывший в Сараево новый начальник военной безопасности генерал-майор Неделько Башкович взял переименованную тогда ЮНА в Югославскую армию под свой контроль. Однако, когда при выводе колонны ЮНА из казармы «Юсуф Джонкич» командование осуществлял Бошкович, то вследствие позднего времени выхода колонны, она была разгромлена, и из 170 автомобилей и бронемашин в Луковицу смогло дойти лишь 27. Командование ЮНА тогда назначило 25 апреля командующего 9-м Книнским корпусом генерал-майора Ратко Младича на должность начальника штаба 2-й Военной области и откомандировало его в Сараево. При этом между генералом Младичем и генералом Бошковичем возник конфликт, так что договор о выводе ЮНА из казарм «Маршал Тито» и «Виктор Бубань» со штабом ТО Боснии и Герцеговины, достигнутый Бошковичем, не был исполнен, ибо генерал Младич не верил, что он мусульманами будет выполнен, и в

результате Бошковичу пришлось отбыть из Сараево. В данном случае совершенно неожиданно для армии прозвучало решение от 27 апреля югославского руководства о создании «третьей» Югославии, без всяких территориальных претензий к Боснии и Герцеговине. Это было в полной противоположности с его предыдущей политикой поддержки, пусть и относительной, местных сербов в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. Тем самым многие усилия последних по созданию «Великой Сербии» теряли свой смысл, ибо свое благополучие и безопасность они могли достичь с куда меньшими жертвами в рамках социалистических границ.

Но не только местные сербы оказались оставлены с созданием «третьей» Югославии, сама ЮНА в Хорватии и Боснии и Герцеговине оказалась преданной. Ведь в Боснии и Герцеговине «Председништво (Президиум)», участвовать в работе которого, благодаря политике Белграда, отказались его сербские члены, формально законно провозглашало «присвоение» всех сил и средств ЮНА, притом что те, кто в ЮНА этого не желал, могли якобы организованно под присмотром МВД и наблюдателей ЕС покинуть Боснию и Герцеговину. Впрочем, главная операция ЮНА началась 2 мая в Сараево. Трудно сказать, какие цели преследовало командование ЮНА, но очевидно, что общий штурм города оно не планировало, а, скорее всего, пыталось спасти свои подразделения, что обороняли Дом ЮНА, штаб 2-й Военной области, военную больницу, находившиеся в тяжелом положении. За несколько недель до этого неприятельское нападение на штаб 2-й ВО было успешно отбито, и, видимо, командование поначалу считало, что и в этот раз все пройдет благополучно и ему удастся снять осаду с оставшихся в городе объектов ЮНА, в том числе со штаба 2-й Военной области на площади «6 апреля».

Однако после этого нападения боевикам созданных перед началом войны при Территориальной Обороне ЮНА во всей Боснии и Герцеговине вооруженных отрядов организации «Патриотска лига», при поддержке подразделения милиции специального назначения МВД Боснии и Герцеговины, оставшейся верной правительству Боснии и Герцеговины, несмотря на то что в ней были и сербы, и хорваты, и мусульмане, смогли 17 апреля занять воен-

ную фабрику «Претис», захватив там большое количество оружия, в том числе гранатометов [9]. Помимо этого, руководитель службы государственной безопасности в Сараево Мунир Алибабич передал информацию руководству боснийских мусульман в Сараево о времени начала операции ЮНА [9].

ЮНА двинулась на неприятеля, в колоннах с двух-трех направлений и явно ограниченными силами — отрядами величиной с усиленные механизированные роты-батальоны. Одна колонна, шедшая со стороны селения Наджаричи, была сразу же остановлена «специальцами» (то есть спецназовцами МВД Боснии и Герцеговины) Драгана Викича (серб по национальности) и боевиками «Патриотической лиги» огнем тромболонов (винтовочных гранат) и гранатометов. Одновременно боевики и милиция, напав на здание «Дом ЮНА» в центре Сараево, смогли сразу взять в плен десяток военнослужащих в Доме ЮНА. Отправленные на помощь в Дом ЮНА «специальцы» (спецназовцы) ЮНА майора Марко Лабудовича из военной больницы «Ягомир» попали в засаду у кинотеатра «Партизан», где их погибло больше десятка вместе с майором Лабудовичем, согласно интервью генерала Милутина Куканьца.

Другая колонна в несколько танков и бронетранспортеров, с которыми шли и четыре грузовых «пинца» с пехотой, двинулись от Враца через Гырбовицу и Скендерию к штабу 2-й Военной области. Скендерия, как и весь путь через центр города, находилась в руках неприятеля, и местные сербы отсюда либо бежали, либо скрывались по своим квартирам. Здесь давно уже хозяйничали «зеленые береты» — вооруженные отряды общественной организации «Зеленые береты (Зелени беретки)», созданные в самом Сараево в июне 1991 года, которыми командовал Эмин Швракич, как и отряды боевиков — Юсуфа Празины — «Юока» и Мушана Топаловича — «Цацо», чьи отряды превосходили число столь малочисленных сил ЮНА, даже с учетом еще трех сотен солдат и офицеров в самом штабе.

К тому же взаимодействия с местными сербскими силами практически не было, и вместо обещанных четырех-пяти сотен местных сербских бойцов отряд ЮНА получил практически нуле-

вую поддержку. В итоге колонна была остановлена в районе Скендерии и моста Вырбани, потеряв поврежденными несколько машин, причем три БТР были полностью сожжены и остались гореть у здания Скупштины (парламента) Боснии и Герцеговины. У Дома синдиката грузовики поджигали ручными противотанковыми средствами и с помощью трамвайных линий электропередач.

ФОТО 14. Эмблема «Зеленых беретов»

У мусульман были созданы три противотанковые группы, в которых выделялись бойцы отряда специальной милиции МВД Драгана Викича, а также боевики «Патриотской лиги», как, например, Нусрет Шишич — «Деда». Очевидно, что столь малые силы, при том не спешиваемые, были обречены на поражение. Даже если их целью было взятие городской скупштины (парламента), как заявлял потом один из командиров обороны Сараево полковник Йован Дивяк (серб по национальности, перешедший из ТО на сторону неприятеля, за что потом получил чин генерала армии Боснии и Герцеговины), все равно посылать их таким образом было явно ошибочно.

Сами пожары, в особенности на Главной почте, которую, согласно традициям «революционной» борьбы, планировало занять командование ЮНА, в «Доме оmlадины», в больнице на Кошево,

в здании «Председништва» (Президиума) для местных и иностранных журналистов, были отличным материалом.

В 18–00 2 мая на сараевский аэродром спустился самолет с делегацией США во главе с Алией Изетбеговичем, который утром этого же дня в Лиссабоне подписал план тройного деления Боснии и Герцеговины. Прямо на аэродроме всю делегацию арестовали парашютисты 63-й бригады ЮНА, и Изетбегович, вместе со своей дочерью Сабиной и членами своей делегации, был доставлен в штаб 4-го Сараевского корпуса ЮНА, в казарму «Слобода Принцип — Селя» в сербской Луковике.

ФОТО 15. Боснийские мусульмане в центре Сараево

Фикрет Абдич, пользовавшийся еще до войны покровительством Хамдии Поздерца, попытался тогда занять место Изетбеговича при поддержке КОС с ЮНА, как и министра внутренних дел Боснии и Герцеговины Алии Делимустагича. Последний на совещании правительства открыто выразил сомнения в необходимости бороться за освобождение Изетбеговича. «Санджаклия» Сефер Халилович, командовавший Территориальной обороной Боснии и Герцеговины, столкнулся с открытым противостоянием бывших

офицеров ЮНА, собравшихся вокруг министра обороны Ерко Доко и командующего Территориальной обороной полковника Эфендича, перед этим покинувшего ряды ЮНА. Очевидно, дело шло к готовящемуся перевороту. Впоследствии были обнародованы факты, удостоверяющие сотрудничество Алии Делимустафича с шефом военной безопасности ЮНА генералом Александром Васильевичем, что, впрочем, они особо и не скрывали. Когда Делимустафич в конце 2002 года отправился в Белград к своему деловому партнеру, бывшему министру правосудия РС Момчило Мандичу, полиция новой «демократической» власти Сербии арестовала его. В ходе следствия обнаружилось, как пишется в статье «Случай Делимустафича (тайные документы Сербии)» авторов Мирхи Дедича и Сенада Авдича в журнале «Слободна Босна» (февраль 2002) [10] на основании документов, опубликованных в прессе как Сербии, так и Боснии, сотрудничество Делимустафича с Васильевичем было настолько тесным, что грузовики компании «Генекс», руководимой Делимустафичем в ходе войны, затоваривались боеприпасами на военной фабрике «Первый Партизан Ужицы» под контролем службы военной безопасности ЮНА в Сербии и возвращались через территорию Сербии и Республики Сербской, беспрепятственно минуя посты милиции и фронта. Делимустафич был одним из ключевых людей в этой торговле. В этой торговле его партнерами были сын Алии Изетбеговича Бакир, его политический противник Фикрет Абдич и министр внутренних дел РС Момчило Мандич.

Конечно, сам Алиа Делимустафич был фигурой весьма сложной, и очевидно было его сотрудничество с сербской стороной в ходе войны, даже в борьбе с самим Изетбеговичем, и потому расстрел из засады колонны ЮНА мусульманскими боевиками на улице Добровольчак 2–3 мая 1992 года выглядел как попытка ликвидации одновременно и Изетбеговича, и генерала ЮНА Куканьца. Весьма двусмысленным было поведение Делимустафича и с оттягиванием начала боевых действий против ЮНА, помогшим последней справиться с хорватской стороной. Однако в мае 1992 года мусульмане проявили больше чувства солидарности между собой, нежели сербы, и операция провалилась не без помощи мест-

ной госбезопасности, в том числе шефа ее сараевского центра Мунира Алибабича (согласно данным журнала «Слободна Босна»).

Благодаря центру прослушивания в районе Златиште, центр госбезопасности в Сараево и его шеф Мунир Алибабич получали информацию о переговорах сербских политиков и военных. Эюп Ганич и Степан Ключич выступили против Делимустафича и Абдича, а начальник военной полиции Армии Боснии и Герцеговины Керим Лучаревич — «Доктор», прибыв на помощь Халиловичу, пригрозил неповиновавшимся офицерам расстрелом, а журналист Сенад Хаджифейзович поднял шум на телевидении. Эюп Ганич, заместитель Изетбеговича, бывший, как и Халилович, «санджаклией», организовал местных сараевских боевиков, выбив контроль над ними у Делимустафича. В итоге Фикрета Абдича на телевидении не подпустили к микрофону, а офицеры ЮНА во главе с полковником Хасаном Эфендичем остались под контролем Сефера Халиловича

Обнаружив, что план с военным переворотом в Сараево провалился, а штаб 2-й Военной области окружен, Верховное командование ЮНА, как и руководство Югославии, непосредственно руководившее операцией, пошли на попятную, согласившись выдать Изетбеговича, а сводная группа ЮНА, направленная из района Доглоди под командованием полковника Шупута, была остановлена на подходах к центру и понесла тяжелые потери от сил «Патриотской лиги» и «специальной» милиции. К тому времени было ясно, что игра в миротворцев для ЮНА в Сараево больше не имела смысла и надо было выбирать между победой и поражением. Милутин Куканяц сразу же потребовал прекращения нападений противника, что было тем через полчаса исполнено. Сразу же с согласия тогдашнего югославского министра обороны генерала Благое Аджича тогдашний командующий ЮНА генерал Живота Панич обратился за помощью к тогдашнему командующему миротворческими войсками ООН канадскому генералу Макензи. Мусульманская пропаганда упорно нападала на генерала Макензи, выискивая даже его связи с сербской эмиграцией, но, тем не менее, этот генерал не был просербски настроенным, просто он не желал быть настроенным промусульмански. Однако Панич требо-

вал тогда от Макензи не капитуляции противника, а спасения собственного штаба, хотя три сотни человек там вполне могли продержаться до подхода главных сил ЮНА и местных сербов, тем более что сам штаб находился практически у подножия горного массива Требевич, на котором на расстоянии, может, тысячи метров по воздушной линии находились позиции сербских сил САО Романии, и оттуда уже те же парашютисты ЮНА вполне могли пробиться до штаба 2-й ВО. Был, конечно, тут риск, но ведь началась настоящая война, к которой и готовили генералов ЮНА. Известно из всей военной истории, что лучше сразу победить противника, пусть ценой чьих-то жизней, чем растягивать войну во времени и пространстве, увеличивая число жертв и возможность поражения. Дело здесь в самой системе ЮНА, обеспечившей в Сараево в мае 1992 года повторение опыта Вараждина сентября 1991 года, пусть не в числе захваченного вооружения, но в самом развитии событий. В Сараево же ситуация была лучше для ЮНА, чем в Вараждине, ибо сам штаб и главные силы 4-го Сараевского корпуса ЮНА находились в сербской Луковице, где собралось и большое число местных сербских добровольцев.

Однако на деле все произошло по уже известному по Хорватии сценарию. Как писала в статье «Во главе колонны» Дада Вуясинович в журнале «Дуга» (номер 476) («Na čelu kolone» — Dado Vujasinović, «Duga» br. 476), в 16–00 3 мая генерал Макензи после того, как ЮНА выпустила три десятка пленных из боевых отрядов СДА — «зеленых беретов», привел колонну собственных машин к штабу 2-й ВО, ибо часть штабных машин была уничтожена или повреждена в ходе неприятельских нападений. Сам генерал ЮНА Милутин Куканяц выехал из своего штаба в машине «голубых касок», вместе с уже находившимся там по договору с Макензи Алией Изетбеговичем, его дочерью Сабиной и его же замом министра внутренних дел Юсуфом Пушиной, а также с двумя наблюдателями — югославским журналистом Неделько Деретичем (из ТАНЮГ) и с одним «миротворцем». При этом вся колонна ЮНА следовала уже за машиной с Куканьцем. Когда тот перешел в машину генерала Макензи, машина с Изетбеговичем и его окружением отсоединилась от колонны и двинулась к зданию президиума

Боснии и Герцеговины. Хотя головные машины колонны смогли благополучно дойти до Гырбовицы в районе моста Вырбаня, силы «Патриотской лиги» отсекали баррикадами из автомашин часть колонны, и ее-то большая часть и попала на Скендерии (на улице Доброволячка) в засаду. Силы «Патриотской лиги» во главе с Заимом Бацковичем, как и их командирами под общим командованием Эюпа Ганича, Мустафы Хайрулаховича, Фикрета Муслимовича и Йована Дивяка, а также отряды «зеленых беретов» Эмина Швракича и отряды Юсуфа — «Юки» Празины и Исмета Байрамовича — «Челы», как и спецназ МВД под командованием Драгана Викича, сразу же разгромили колонну, убив с десятков военнослужащих и захватив в плен еще две сотни со всем оружием и снаряжением. Генерал Куканяц плена избежал, хотя журналист Дада Вуясинович в своем репортаже, как, впрочем, и Милисав Секулич в своей книге, задавали вопрос, почему Куканяц не потребовал, чтобы машина с ним и Изетбеговичем шла не первой, а последней в хвосте колонны, раз уж Макензи, боясь нападения на Изетбеговича сербских бойцов с Гырбовицы, не соглашался везти туда последнего. Впрочем, данные вопросы можно было с таким же успехом задать и министру обороны СФРЮ генералу Благое Аджичу, как и Борисаву Йовичу, находившимся на прямой телефонной связи с командованием ЮНА в Сараево. В итоге операция в Сараево была сорвана, а сама ЮНА, согласно Секуличу, только в боях 2–3 мая потеряла 42 военнослужащих убитыми и 215 ранеными. Само освобождение пленных затянулось до 13 мая, и для многих из них это обернулось избиениями и издевательствами в плену.

Югославское «председништво» (президиум) решением от 4 мая «О выводе в течение 15 дней всех военнослужащих ЮНА с территории Боснии и Герцеговины» окончательно поставило точку на единстве и Югославии, и сербского народа в Боснии и Герцеговине. Ни о каких переговорах уже речи не было, ибо мусульмане подозревали командование ЮНА в том, что они собираются совместно с местными сербами перерезать Сараево, и позднее в своем интервью от 12 января 1994 года журналу «Нин» из Сербии генерал Младич показал, что сомнения мусульман были оправданными, ибо он тогда заявил, что существовал план, согласно которому си-

лы ЮНА и местных сербов из городского района Гырбовицы, лежащего под высотами Враца, должны были в Учебном центре ЮНА «Маршал Тито» соединиться с силами местных сербов, наступавшими бы из района Кошево, однако благодаря негативной роли ряда высших офицеров ЮНА план был сорван. Так как у ставшего к тому времени уже командующим 2-й Военной областью ЮНА генерал-майора Ратко Младича мать и брат с семьей имели дом как раз в Пофаличах, то вряд ли бы он остался пассивным, не имея приказа сверху из Белграда.

После разгрома штаба 2-й Военной области, 16 мая последовало нападение сил «Патриотской лиги» на сараевское селение Пофаличи, где большинство тогда составляли сербы. В этом селении была создана местная сербская самооборона, вооруженная СДС, однако ее сопротивление было быстро сломлено. В ходе нападения, как и в течение последующих нескольких недель, погибло до нескольких десятков местных сербов, в том числе гражданских лиц, которых мусульмане убивали прямо в их домах, а остальные сотнями бежали.

Важную роль играли в войне в Восточной Боснии органы внутренних дел (в особенности госбезопасность) Сербии, установившие свой контроль над сербской милицией Боснии и Герцеговины к марту 1992 года. Не только силы «красных беретов», но и регулярные спецподразделения МВД Сербии, даже после провозглашения Республики Сербской, действовали в Подринье — области долины реки Дрины практически самостоятельно, не считаясь с местной властью вплоть до весны 1993 года. Впоследствии они поддерживали танками и артиллерией наступление местных сербских сил на Гырбовицу, где те заняли позиции вдоль Миляцки.

Несколько раз эти силы, состоящие из отрядов местных добровольцев, сербской милиции (под командованием Станишича и Каршика) и местных «территориальцев», пытались расширить свои позиции, переходя даже Миляцку либо делая вылазки на соседние районы Храсно или Скендерию. Однако их успехи не были закреплены из-за отсутствия приказа и недостатка резервов, хотя, конечно, помощь из добровольцев из Пале и Соколаца все-таки подходила. Было здесь, конечно, и предательство, ибо не логично то, что, выйдя на Миляцку во время взятия Гырбовицы, танко-

механизированная группа (батальонного состава) ЮНА и местные добровольцы получили приказ остановиться в паре сотен метров от казармы «Маршал Тито». Все объекты ЮНА в городе тогда находились в осаде боевиков «Патриотской лиги».

Такие же нападения противника были совершены и на узел связи ЮНА на горном массиве Влашич, и на фабрику взрывчатых веществ в Витезе (что, естественно, обеспечило противника большим количеством взрывчатых веществ, в том числе промышленного пластита «Витезит»). В начале апреля силы «Патриотской лиги» установили свой контроль над городами Горажде и Вышеград, в которых мусульмане составляли более чем 60% населения, и тогда и почти все Подринье (область вокруг Дрины) было готово пасть им в руки, тем более что в данной области традиционно много было мусульманского сельского населения и эта область традиционно рассматривалась мусульманами собственной вотчиной. Местные сербы особых шансов на успех не имели, и многие из них бежали из того же Вышеграда, где они подвергались угрозам и нападениям, и мусульмане весной 1992 года даже разрушили памятник нобелевскому лауреату Иво Андричу.

В начале апреля 1992 года командующий 37-м Ужичским корпусом ЮНА генерал Драголюб Ойданич отдал приказ на отступление сил своего корпуса с территории Сербии. Вышеград не имел особых шансов сопротивляться наступающим силам Ужичского корпуса ЮНА, вошедшим с территории Сербии. Лишь 11 апреля группа мусульман во главе с Муратом Шабановичем захватила плотину ГЭС на реке Дрина в районе Вышеграда, однако их угрозы взорвать ГЭС были блефом, так как они не имели взрывчатки. 37-й Ужичский корпус, взяв 15 апреля Вышеград при поддержке местных сербов, многие из которых ушли перед этим в села и леса, продолжил движение на Горажде. После взятия Вышеграда войсками ЮНА в апреле 1992 года несколько так называемых «паравойных» (нерегулярных) местных и приезжих групп, при содействии местной и пришедшей (из Сербии) милиции, организовали этнические чистки мусульман.

Упорная трехнедельная оборона Кула-града и выход оттуда сил «Патриотской лиги» в направлении Калесии очень негативно от-

разились на положении ЮНА в Тузле, где, согласно книге Вахида Каравелича «Агрессия на Боснию и Герцеговину (Северо-Восточная Босния от 1991 до 1992 года)», руководство Тузлы, во главе с Селимом Бешлагичем и Желько Кнезом, в 1992–1993 годах пытались создать автономную область Тузла, независимую от Сараево. События в Кула-граде подорвали авторитет Бешлагича и усилили позиции «Патриотской лиги».

В начале же положение ЮНА в Центральной Боснии, чьим центром была восьмидесятитысячная Тузла, особых тревог не внушало, и здесь были достаточно сильны позиции 17-го корпуса. В феврале 1992 года 17-й корпус был переподчинен штабу вновь сформированной 2-й Военной области, и на его территорию были передислоцированы ряды частей, выводимых из Хорватии. Так, на аэродроме Дубрава под Тузлой находился штаб 4-й Тактической группы ЮНА, основу которой составляла 4-я танковая бригада, выведенная из Словении через Хорватию. Правда, оттуда большую часть танков в конце марта перебросили в соседний сербский поселок Шековичи, однако военнослужащих там оставалось значительное количество, а бригада была переименована в 336-ю моторизованную. В Пелагичево под Бырчко была передислоцирована из Хорватии 17-я противотанковая бригада, а в Биелину был передислоцирован 17-й артиллерийский полк.

В самой Тузле были расположены силы 92-й моторизованной бригады полковника Симо Дубаича, чьи подразделения находились также на соседнем сербском горном районе Озрена и в Лукавце, и ее силами были вооружены и местные сербские добровольцы в Тузле, Лукавце и на Озрене и в ряде других мест Центральной Боснии. Здесь же находился батальон военной полиции, зенитно-артиллерийский дивизион ПВО и артиллерийский полк. Тузлой тогда руководил ее градоначальник Селим Бешлагич, членом СДА не являвшийся, а бывший функционером «реформистической» партии СДП Антэ Марковича и при том и до войны и после нее являвшийся социал-демократом по убеждениям. При этом Вахид Каравелич, командир моторизованного батальона из состава 92-й моторизованной бригады (до этого служивший со своим батальоном в составе 14-й «пролетарской» бригады 14-го

корпуса в Словении), командовавший силами «Патриотской лиги» в Тузле, согласно же воспоминаниям, был перед этими событиями 27 апреля арестован солдатами ЮНА в Живиницах, но позднее выпущен из военной тюрьмы Белграда. Селим Бешлагич, пользовавшийся поддержкой милиции и ее шефа Байрича, находился во враждебных отношениях с Каравеличем, который, в свою очередь, пользовался поддержкой Изетбеговича и под давлением последнего и был назначен командиром ТО. Бешлагич полностью опирался на полицию и ее силами и при поддержке ЮНА, согласно книге Вахида Каравелича «Агрессия на Боснию и Герцеговину (Северо-Восточная Босния от 1991 до 1992 года)», вытеснил силы «Патриотской лиги» из Тузлы, Сребреницы и Лукавца, так что их центр находился в соседних Живиницах. По приказу Бешлагича, Байрича 4 апреля «специальный» отряд полиции, под командованием Расима Хаджича, окружил региональный штаб «Патриотской лиги» в Тузле, однако подоспела помощь других подразделений «Патриотской лиги» и полиция отступила с условием, что штаб «Патриотской лиги» покинет Тузлу. Практически в Тузле и соседних општинах шла борьба полиции против «Патриотской лиги», так что полиция арестовывала членов этой лиги и забирала у них оружие. Бешлагич, как и его окружение, в том числе Сеад Авдич, которого он пытался продвинуть на место начальника ТО, были против войны с сербами и против всяких национальных делений в полиции. И сам арест Каравелича был произведен при содействии руководства Тузлы во главе с Бешлагичем, в этот же день поставившего новым командующим ТО хорвата Желько Кнеза, чем была получена поддержка ХДЗ и ХВО, а также сил ХОСа, приказавшего милиции беспрепятственно выпустить военную полицию ЮНА из Тузлы.

Лишь 9 мая Каравелич и еще несколько командиров «Патриотской лиги» были обменены на взятых в плен в Сараево офицеров ЮНА Шупута и Белошевича, а также взятого в плен в Живиницах также 27 апреля полковника ЮНА Радовановича. К тому же многие в ТО сохраняли верность СДП как продолжателю идей единой Югославии, так как в районе Тузлы до событий 90-х годов идеи национализма среди мусульман были малопопулярны, даже знаки

лилий, официально признанных властью США как герб Боснии и Герцеговины. При этом ТО Тузлы, как раз по договору Бешлагича с командиром 92-й бригады ЮНА, получала, согласно книге Вахида Каравелича «Агрессия на Боснию и Герцеговину (Северо-Восточная Босния от 1991 до 1992 года)», оружие от ЮНА для защиты от сил «Патриотской лиги». Впрочем, «Патриотская лига» действовала быстрее и ЮНА, и милиции Тузлы, сформировав к концу апреля в составе ТО, в которой она продолжала вести борьбу против сторонников Бешлагича, бригаду «Цырни лабудови», а затем на базе этой бригады была создана Оперативная группа.

10 мая в районе Засеока развернулись большие бои между силами этой Оперативной группы под командованием Мехдина Ходжича с целью вернуть потерянные под Зворником территории. В операции мусульмане понесли большие потери, в том числе погиб командир Мехдин Ходжич, и были озлоблены на руководство Тузлы, как и на тех мусульман, которые не хотели воевать против ЮНА. 13 мая командование ЮНА в Тузле потребовало Бешлагича провозгласить в Тузле автономию, но Бешлагич, боясь реакции «Патриотской лиги», отказался и дал сигнал начальнику полиции Байричу и ТО готовиться к боевым действиям против ЮНА. До этого столкновений с ЮНА в этом регионе практически не происходило, и колонны ЮНА беспрепятственно проходили Тузлу. Видимо, для руководства США в Сараево данному сотрудничеству надо было положить конец, и потому был использован договоренный вывод штаба 17-го корпуса ЮНА из Тузлы. Одновременно в этот же день 15 мая 1992 года был организован конвой для эвакуации местных сербов. Как бы то ни было, но военнослужащие почему-то находились в машинах, хотя ничто не мешало развернуть их в пеший походный порядок, тем более что в ее составе было большое число уже «обстрелянных» в Хорватии резервистов из сербских Семберии и Озрена. Колонна двинулась из казармы на выезд в Биелину, и передовая часть колонны смогла пройти через район Славиновичи, где по невыясненным обстоятельствам у одной бензозаправки началась перестрелка, такие же инциденты произошли в районе Бырчанской Мальты. Так как местная ТО и полиция были распределены по всему маршруту

движения, то это послужило для командования причиной дать приказ на ведение огня по колонне по ходу ее движения по улице Скоевская. В районе кафе «Папагай» был подожжен первый грузовик, в котором начали взрываться боеприпасы, а затем таким же образом взорвалось еще тринадцать грузовиков. Всего тогда в самой Тузле на улице Скоевской 15 мая 1992 года погибло свыше сотни (ни ЮНА, ни сербская сторона в Боснии так и не удосужились опубликовать полный поименный список погибших) военнослужащих ЮНА, еще до полутора сотен человек было взято в плен.

В ходе нападения ХВО и армии Боснии и Герцеговины на заминированный склад ЮНА в Слимене в районе Травника силы мусульман прорвали оборону ЮНА, и, хотя часть зарядов была местными сербами подорвана, все-таки большая часть оружия попала в руки мусульман. Также сербские силы под Зеницей (село Дривуша) и в Кладне, как и по всей «Средней» Боснии, были разбиты, и сербы там были отчасти спасены лишь благодаря ХВО. Они либо эвакуировались ХВО, либо вступали в его ряды. После ухода ЮНА местные сербы стали терять свои позиции по направлению к Зворнику-Биелине, и так взятый 11 мая силами ЮНА город Калесия уже 23 мая был отбит силами «Патриотской лиги», поставившей его под свой контроль. Затем эти силы, пополнившись за счет беженцев из Подринья, из Калесии, в мае — июне перешли в наступление по направлению к Зворнику, дойдя до селения Ковачевичи, от которого до границы с Сербией, проходившей по реке Дрина, было 7 километров по воздушной линии, взяв ряд сел в этом районе: Соколуша, Ледино Луго, Вис, Дубичица, Березик и некоторые другие.

В сущности сербское руководство политикой «этнических чисток» способствовало консолидации мусульман. Бессмысленно ныне, после многочисленных процессов в Международном трибунале в Гааге, как процессов и в самом Белграде, в частности в случаях, касавшихся захвата Зворника, отрицать то, что эти «чистки» действительно происходили, и, более того, то, что они проводились по указаниям из Белграда. Уже сама цель строительства этнически чистого «сербского» государства в Боснии и Герцеговине военным путем логически вызывала необходимость «этниче-

ских чисток». Собственно говоря, сербы были в данном случае далеко не первыми и, видимо, не последними, так что моральные вопросы в данном случае хотелось бы оставить другим авторам. Радован Караджич не случайно писал о войне в Боснии и Герцеговине как о войне сел против городов. Это было его убеждением, и, видимо, эти убеждения были приемлемы для тогдашнего политического руководства в Белграде, иначе Радован Караджич не стал бы ни председателем СДС, ни тем более ни президентом РС.

По здравой логике, главная задача любой войны — военным путем разгромить еще слабого противника во всей Боснии и Герцеговине, не только сламывая, но и «умягчая» сопротивление того же Вышеграда. Все произошло весьма элементарно, потому что трупы убитых в Вышеграде мусульман нередко по Дрине выплывали в районе соседней Жепы и, естественно, тамошние мусульмане (как Жепы, так и ей соседней Сребреницы) решили не дожидаться, пока они и сами поплывут по Дрине, тем более что, подобные вышеградскому, массовые расстрелы произошли и в соседнем Братунце, когда 12 апреля силы 24-го Крагуевского корпуса ЮНА, перейдя границу с Сербией на Дрине, заняли Братунац. После входа сюда сил 24-го корпуса ЮНА Братунац так же быстро стал чисто сербским городом, при содействии созданных из местных сербов сил «красных беретов» и местной сербской ТО. Со стороны мусульман здесь серьезного организованного сопротивления не было оказано.

При этом больше всего пострадало городское население, которое и не хотело воевать, тогда как силы «Патриотской лиги» в селении Коневич-поле, на магистральной автодороге Власеница-Зворник, в двух десятках километров от Братунца, беспрепятственно стали собирать бежавших из Братунца мусульман и на базе своего штаба создали 114-ю бригаду. Часть мусульман из Братунца бежала в соседнюю Сребреницу, откуда уже тогда бежало почти все руководство општина, как и зажиточные лица, согласно книге Вахида Каравелича «Агрессия на Боснию и Герцеговину (Северо-Восточная Босния с 1991 по 1992 годы)». В Сребренице, однако, мусульмане составляли более 70% населения, и потому милиция Сребреницы отказалась сдавать оружие и, совместно с

местным подразделением «Патриотской лиги», создала штаб ТО, во главе сначала с командиром «Патриотской лиги» Сребреницы Сульо Хасановичем, а затем во главе с сотрудником милиции союзного МВД, возвратившегося тогда в село Поточары Насером Оричем. Местные сербские силы, при поддержке сил ЮНА, наступавшие из Братунца, 18 апреля заняли Сребреницу. 20 апреля в селе Поточары начинаются первые бои, и многие мусульмане уходят в горы и оттуда начинают свои нападения.

Первое такое организованное нападение произошло на Джурджевдан (день святого Георгия) 6 мая 1992 года, когда мусульманские боевые отряды напали на села Гниона и Блечево, где было убито несколько местных сербских крестьян, а сами села, после бегства из них сербского населения, были сожжены. 9 мая мусульмане смогли убить в самой Сребренице сербского депутата Скупщины Боснии и Герцеговины и вождя местного СДС Горана Зекича, и в этот день они под руководством Насера Орича захватили весь город. В нем произошел сербский погром, и почти все сербы были изгнаны, а то и убиты. В течение мая мусульманские боевики в нескольких засадах убили на дорогах несколько десятков сербов, в том числе и отца Паисия, прибывшего незадолго до этого со Святой Горы Афон. В это же время в нападениях на сербские села и хутора гибнет еще пара десятков сербов, что вызывает начало их бегства из уже всей общины Сребреницы.

Во Власенице же, в полусотне километрах от Коневич-поля, многие мусульмане воевать не хотели и часто сдавали в милицию полученное оружие, а затем оказывались в созданных сербскими властями лагерях. Силы же «Патриотской лиги», поддерживаемые из соседнего мусульманского Кладаня, были быстро разбиты куда более организованными и подготовленными сербскими отрядами, действовавшими при поддержке ЮНА.

После падения Власеницы 21 апреля, силы «Патриотской лиги» из Власеницы отступили в Коневич-поле и в соседнее село Церска, соединившись в один «анклав» (обороняемый район) вместе со Сребреницей, чем обеспечился дальнейший рост численности сил мусульман в районе Сребреницы. К данной территории присоединилась и территория Жепы, небольшого поселка с абсо-

лютным мусульманским большинством. Жепа была чисто мусульманским городком с весьма консервативно настроенным населением, традиционно недолголюбивавшим сербов, изгнавших в XIX веке предков «жеплян» из Сербии. Жепа была тогда по сути забыта руководством СДА в Сараево, и ее полуторатысячное военное поселение было вооружено в основном охотничьими ружьями и устаревшими карабинами. Сербское военное командование недооценивало ее, и в июне в руки мусульман попал караул, находившейся на высоте Зловырх. Одиннадцать пленных сербов были обменены на шесть тонн муки и несколько ящиков консервов. Это показывает, в каком положении находился поселок после двух месяцев войн. К тому времени части и подразделения ЮНА, оставшиеся в Боснии и Герцеговине, были пополнены местными сербами и подчинены «Главному» штабу ВРС (Войско республики Српске-Армия Республики Сербской), дислоцированному как раз в паре десятков километров от Власеницы — под Хан-Пиеском, в объектах ЮНА «Цырна река», включавших и подземный туннель. По приказу этого штаба, согласно книге «Пале — фронтовая хроника» Слободана Сырдановича, был создан сводный «ударный» отряд в Пале [11].

Мусульмане тогда были отнюдь не всесильны и испытывали большой страх. Так, согласно книге «Пале — фронтовая хроника» Слободана Сырдановича, в Пале последние сразу же сдали свое оружие, правда, бывшее, в основном охотничье, и были организованно вывезены в Сараево [11]. Позднее, 22 мая 1992 года, сербскому отряду САО Романии из Пале в 60 человек удалось за день взять Реновицу, потеряв лишь двоих убитыми. Сербские «Праги» подавили тогда сопротивление неприятеля, не слишком хорошо организованного, расстреливая все на своем пути. С началом боевых действий находившиеся в центральной тюрьме Боснии и Герцеговины в Сараево, естественно, были выпущены по «досрочному освобождению» из тюрьмы и, естественно, должны были в своем абсолютном большинстве идти на «свою» сторону. Терять им было практически нечего, но озлобленности и стремления к власти хватало через край.

В такой гражданской войне они показали большую выживаемость, в отличие от «обычных» граждан и даже в отличие от пред-

ставителей органов внутренних дел и кадровых офицеров. Так что нелогичны были жалобы власти не только мусульманской, но и сербской, и хорватской на разгул бандитизма, когда в том государственном беззаконии и беспорядке лучше всего ориентировались те, кто в закон не верил и на него не надеялся. В конце концов сами государственные органы, в том числе армия и милиция, «ставили» на бандитов, ибо законченные представителями власти «вузы» оказались не столь эффективными, как утверждалось. Шире и эффективнее всего использовала таких бандитов мусульманская власть СДА, и потому главными героями «обороны» Сараево были действительно бандиты, ибо они приказов не ждали. При поддержке министра внутренних дел Алии Делимустафича, вызванной личными интересами самого Делимустафича, Алия Изетбегович смог установить прямой контроль над сараевскими бандитами. Тем самым он смог завоевать очень важную в такой войне «улицу» и сделать большую часть Сараево неприятельской территорией для ЮНА, а тем более для местных сербов. Алия Изетбегович либо сам, либо через своего сына Бакира, своего телохранителя Димче Имамовича (боксера клуба Железничар) и своих помощников Эюпа Ганича, Юсуфа Пушины и Хариса Луковицы, давал частые приказы самым известным еще до войны сараевским бандитам.

Те, естественно, не были бескорыстными альтруистами и сразу же начали дележ города, пользуясь своим положением боевых командиров, которое в общем-то они вполне заслужили. Так, например, Юка Празина получил большую часть общины Нови град и район Кошево, Рамиз Делалич — «Чело» — центр, Исмет Байрамович — «Чело» — мусульманскую часть общины Ново-Сараево, а Мушан Топалович — «Цацо» — общину Стари град и селение Бистрик в подножии Златиште и Требевича, ставшие линией фронта.

Так, Исмет Байрамович, отсидевший в тюрьме незадолго до начала войны несколько лет, обладал достаточно большими вооруженными отрядами численностью в несколько сот человек [12]. Точно такими же отрядами располагали и другие подобные командиры, тогда как Мушан Топалович, известный довоенный бандит и контрабандист, вообще стал командиром 10-й горной бригады 1-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины.

ФОТО 16. *Алия Изетбегович (в центре) со своим сыном Бакиром (сзади) и командир 2-й моторизованной бригады Армии Боснии и Герцеговины Сафет Зайко*

ФОТО 16. *Исмет Байрамович*

ФОТО 17. *Муриан Топалович по кличке «Цацо»*

Подобная кадровая политика происходила и в других бригадах, где командовали всё те же кадры «Патриотской лиги». Это не отрицает личных способностей тех или иных командиров, но в те времена они сами гордились своими подвигами не только на военном поле, но и на уголовном. В конечном итоге сама военная безопасность армии Боснии и Герцеговины считала бандитами многих командиров 1-го корпуса, вышедших из «Патриотской лиги», таких как Муйо Зulich, Закир Пушкар, Мирсад Бездроб, Сафет Зайко, Исмет Байрамович. Как действовали они — описано в документах Международного трибунала в Гааге и Суда по военным преступлениям в Сараево, где расследовались истории с массовыми захоронениями сербов в Сараево, а также с пытками и издевательствами в штабах мусульманских вооруженных сил в Сараево (дело Самира Бейтича).

Гражданская война, как оказалось, имела совершенно иные требования к людям, и тут помогали не высшее образование и партийные школы, и даже не столько военные школы, сколько умение руководить людьми. Хорошим показателем этого было то, что в начале войны силами «Патриотской лиги» в Сараево командовал Юсуф Празина — «Юка», бывший одним из довоенных бандитских авторитетов Сараево.

ФОТО 18. Юсуф Празина — «Юка»

«Юка» до начала войны держал под контролем немалую часть сараевских таксистов, также имел собственное детективное агентство, кроме этого, он имел поддержку во власти и был весьма популярен в среде местной молодежи, главным образом мусульманской, хотя среди его сторонников было немало хорватов и сербов [13]. «Юка» с началом войны проявил немалые способности. Собранные им силы насчитывали пару тысяч бойцов и сыграли важную, если не ключевую роль в боевых действиях с мусульманской стороны. Сам «Юка» важную роль сыграл в окружении в отеле «Холидей-Инн» сербского руководства в апреле 1992 г. и, возможно, имея он больше людей, да и побольше полномочий, то иным сербским руководителям пришлось бы побывать в тюрьмах и лагерях в Сараево. Также во многом благодаря «Юке» были захвачены олимпийские микрорайоны «Добрыня-2», «Добрыня-3», «Добрыня-5», находившиеся рядом с аэродромом Сараево.

Роль «Юки» и подобных ему командиров в этой войне можно оценить в тесной связи с ролью самого Изетбеговича. Последний, по существу, проводил революцию против номенклатурного аппарата. Характерно, что подобная революция происходила, главным образом, в самом Сараево против местной старой коммунистической номенклатуры, тогда как вне Сараево Изетбегович опирался во многом на старые номенклатурные структуры. Лишь когда поддержка этих структур становилась опасной, как, например, в войне с хорватами или в войне против сил Фикрета Абдича в Западной Боснии, там Изетбегович давал большие полномочия армии либо привлекал моджахедов.

В Сараево же главной движущей силой революции Изетбеговича стали бандиты. Лишь в подобном контексте можно понять поведение мусульманской верхушка в этой войне. Борясь с номенклатурой, обладавшей деньгами и связями, и одновременно ощущая военную угрозу сербской и хорватской сторон, Изетбегович не имел большого выбора. Без сомнения, он имел покровительство определенных центров мировой политики, но в самой Боснии и Герцеговине это покровительство не могло спасти его от смерти и ареста. В силу этого Изетбегович и вся ему подвластная верхушка СДА лавировали между различными факто-

рами в самом мусульманском обществе и в обществах неприязельских народов.

Не случайно «Юка», получивший чин генерала в августе 1992 года, претендовал на должность главнокомандующего Армией Боснии и Герцеговины. Тогда влияние Сараево на мусульманскую верхушка превосходило влияние всей остальной Боснии и Герцеговины, и Изетбегович к этому был вынужден приспособливаться. Стоит заметить, что бандиты завоевали столь большое влияние не до войны, а во время нее, проявив решительность и сообразительность в ходе боевых действий. Однако как только положение вокруг Сараево стабилизировалось, такие командиры стали власти мешать, портя ее имидж в мире, а их боевые способности оказались не только не нужными в силу успеха «зачистки» Сараево, но и стали мешать новой мусульманской государственной элите, в немалой степени состоявшей из номенклатуры старой югославской власти и «новых» миллионеров, возжелавших воспользоваться своим положением и богатством в «правовом» государстве.

Одни из числа вышеупомянутой сараевской «мафии» это поняли и вовремя ушли со сцены, но другие отказались это сделать. Это привело к многочисленным полицейским «зачисткам» в Сараево в 1993–1994 годах, когда многие из этих бандитов были арестованы. С ключевыми фигурами поступали более жестко, чему пример судьба Юсуфа Празины — «Юки». В 1992 году «Юка», собравший большой отряд своих сторонников на Игмане, открыто заявил, что именно он «разблокирует» Сараево из сербского окружения и сведет счеты со многими людьми как раз в мусульманской среде, в первую очередь в военной безопасности армии Боснии и Герцеговины. Закономерно, что на Игмане начался вооруженный конфликт отряда Юсуфа Празины — «Юки» и отряда специального назначения армии Боснии и Герцеговины Зульфикара Алишпаго — «Зуки». Хотя сам «Юка» пошел на мировую, но в октябре 1992 года он был арестован, и ему предложили покинуть Сараево для сопровождения его тяжело раненной супруги на лечение за границу. Так как он тогда не согласился на второстепенную роль, то его судьба была предрешена. После выхода из тюрьмы «Юка» с частью своих сторонников в 1993 году перешел на сторону хорва-

тов — ХВО в Мостаре, к Младену Налетичу «Туте», а затем, в середине 1993 года, отправился в эмиграцию. 3 декабря 1993 года он был найден мертвым в Бельгии на автомагистрали Льеж-Еккла-Шанель, недалеко от автостоянки.

Очевидно, что для руководства СДА в Сараево «Юка» был весьма опасен, т.к. имел авторитет и силу в сараевской среде больше, нежели Изетбегович, и пользовался поддержкой отряда специальной милиции Сараево и ее командира Драгана Викича и его заместителя Зорана Чегара. Неприемлемым для руководства СДА являлось и его неприятие идеи войны против хорватов, так как «Юка» был тесно связан с хорватами. К тому же Юка был «сарайлия», смотревший на находившихся у власти «санджаклий» и подринских мусульман как на «провинциалов». Местные сараевские «мафиозные» вожди и создававшие в Сараево «Патриотску лигу» не были столь послушны, как «санджаклии», и не особо-то почитали «государственный авторитет» тех, кто еще недавно во всем зависел от них. В силу этого СДА и начала борьбу с сараевскими кадрами даже в мафиозной среде, хотя именно эти кадры и были главными героями в Сараево.

В данном случае для СДА были куда более удобны «санджаклии» и «подринцы», которые имели собственные мафиозные кланы, созданные по родственным и земляческим основам, нежели сараевские мусульмане. Впрочем, верхушка СДА, убрав «Юку», решила дисциплинировать и остальных, и начали как раз с являвшегося «санджаклией» командующего Армией Боснии и Герцеговины Сефера Халиловича. С самого своего назначения Халилович, вместе с руководством «Патриотской лиги», был вынужден бороться с группой офицеров ЮНА, перешедших на службу в Армию Боснии и Герцеговины. Эти офицеры, во главе с Фикретом Муслимовичем, Вехбией Каричем, Вахидом Каравеличем, Энвером Хаджихасановичем, Расимом Деличем, со временем получали все большее доверие верхушки СДА, ибо Изетбегович выяснил, что легче управлять офицерами бывшей ЮНА, не имевшими такой поддержки в местной среде и поэтому лучшим образом выполнявшими его волю.

Халилович же, став слишком влиятельной поддержкой «Патриотской лиги» и, соответственно, местных сараевских бандитов,

стал опасен Изетбеговичу, и тот отдал его на «съедение» военной безопасности. Уже 7 июля, по сообщениям СМИ, какой-то снаряд попал в его квартиру, убив его супругу Медиху и шурина Эдина Рондича, который вышел на балкон в военной форме как раз тогда, когда Сефер Халилович должен был быть дома. Естественно, впоследствии выяснилось, что его квартира была заминирована силами группы специального назначения «Шевы», подчиненной госбезопасности Боснии и Герцеговины. Данное подразделение всю войну было засекреченным, однако без учета его роли трудно понять характер событий в Сараево.

Подразделение «Шевы (Seve)» было основано лично Алией Делимустафичем в мае 1992 года [14]. В это подразделение было включено несколько хороших спортсменов стрелкового спорта, в том числе Слободан и Слободанка Шакотич, многократные призеры международных соревнований по стрелковому спорту, как и ряд лиц, прошедших обучение в 63-й бригаде ЮНА, причем часть из них были сербами, хорватами и македонцами [14]. Обучение подразделения прошло в лагере хорватской военной контрразведки СИС в Метковичах, а затем в лагере МВД Боснии и Герцеговины «Погорелица» [14]. Их первым командиром стал Неджад Углен, а подчинялись они Энверу Муэзиновичу, сотруднику контрразведки — КОСа ЮНА, четыре года служившему в Белграде под командой генерала Александра Васильевича, начальника управления военной безопасности ЮНА.

Энвер Муэзинович по прибытии в Сараево в апреле 1992 года сразу же тогдашним командующим ТО (Территориальной Оборонной) Боснии и Герцеговины был назначен в центральный аппарат военной безопасности армии Боснии и Герцеговины, в подчинение к другому бывшему сотруднику Александра Васильевича — Фикрету Муслимовичу, начальнику военной безопасности, вновь формируемой из ТО и сил «Патриотской лиги» Армии Боснии и Герцеговины [14]. Муэзинович и был идейный творцом подразделения «Шевы» [14]. Вместе с тем как он, так и его покровитель Муслимович вызывали подозрения у верхушки США, и вскоре в 1993 году оба они были переведены из военной безопасности, так что Фикрет Муслимович стал начальником управления по вопро-

сам морали и веры Армии Боснии и Герцеговины, сменивший на своей должности генералом Юсуфом Яшаревичем, а Энвер Муэзинович был переведен на должность начальника Сараевского сектора госбезопасности (АИД), сменив там на должности «проюгославски» настроенного Мунира Алибабича [14].

В результате «Шевы» стали подразделением АИДа, и то главным образом в Сараево, где они участвовали в качестве снайперских групп как в провокациях по организации столкновений между самими мусульманами (в частности, между силами 9-й и 10-й бригад Рамиза Делалича и Мушана Топаловича, соответственно, с одной стороны, и военной полиции армии 1-го корпуса армии Боснии и Герцеговины, с другой стороны), так и ведению огня как по сербским позициям и жилым кварталам, так и по «мировотворческим» силам ООН [15].

Согласно показаниям сотрудника АИДа Эдина Гараплии в суде кантона Сараево, в котором он был осужден на 13 лет лишения свободы 13 июня 1997 года за попытку убийства и мучение бойца этого подразделения Неджада Херенды по приказу тогдашнего начальника АИДа Кемалья Адемовича, в Сараево данное подразделение большой роли не играло, так как генерал Юсуф Яшаревич относился к Муслимовичу и Муэзиновичу с неприязнью [16]. При том Яшаревич имел поддержку и самого Али Изетбеговича, тогда как шеф АИДа Бакир Алиспахич имел в ходе войны ограниченное влияние, тем более что и подчиненный ему командир сил специального назначения Кемаль Адемович был на стороне Яшаревича.

В июле 1993 года фактическую власть в Сараево осуществляли офицеры ЮНА и военная безопасность, тесно связанные с верхушкой СДА и подчиненной ей государственной безопасностью. В данном случае был довольно странный союз вчерашних коммунистов и исламских радикалов по отстранению от власти местных сараевских бандитов, но впоследствии это оказалось практикой Изетбеговича убирать всех, кто ему мешал, чужими руками. Пример этому — как убрали Мушана Топаловича — «Цацо», которого сам Изетбегович называл «сыном», а тот его — «дедом».

После того как военная безопасность ЮНА вытеснила из Сараево Юсуфа Празину — «Юоку», самым влиятельным из них был

Мушан Топалович — «Цацо», командовавший 10-й горной бригадой и державший во многом под своим контролем 9-ю горную бригаду, которой командовал Рамиз Делалич — «Чело». Сам «Цацо» сыграл большую роль в боевых действиях в начале войны и был близок Али Иветбеговичу, с которым он был на прямой телефонной связи. Алия Иветбегович, впрочем, пытался это отрицать, ибо не желал нести ответственность за сербское массовое захоронение — Казани, куда люди «Цацо» бросали не только сербов, но и всех противников СДА, а также жертв собственных разбоев.

Рамиз Делалич — «Чело» и Мушан Топалович — «Цацо» с началом войны в самом Сараево стали полностью контролировать некоторые части города — районы Бистрик и Широкачу, как и всю линию фронта от Еврейского кладбища до Требевича, и были неофициальными хозяевами «старого» города. Здесь они осуществляли фактический сбор дани со всех, с кого могли, и при отказе платить, особенно если это были сербы, людей либо убивали, либо отводили на линию фронта копать траншеи. Когда 2 июля 1993 года начальник военной безопасности Фикрет Муслимович отдал приказ об аресте начальника штаба 10-й горной бригады Сенада Пецара, «Цацо» поднял восстание по всему городу с помощью Рамиза Делалича и Исмета Байрамовича для того, чтобы на его сторону встало и несколько частей 1-го корпуса, в том числе гвардейская бригада «Дельта» [17].

Топалович арестовал свыше двух сотен сотрудников МВД и свыше трех десятков военнослужащих военной полиции и со своими людьми прибыл к зданию управления военной безопасности, арестовал несколько десятков ее работников и охранников, а в их числе были сыновья генералов Армии Боснии и Герцеговины Расима Делича и Йована Дивяка. После этого штаб 1-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины объявил 9-ю и 10-ю горные бригады «незаконными» вооруженными формированиями и отдал приказ об их расформировании. Однако Делалич и Топалович продолжали командовать этими бригадами, насчитывающими семь с половиной тысяч бойцов, и сам Мушан Топалович отказался проводить в жизнь приказ об укрупнении бригады, тогда как Делалич, согласившись на укрупнение бригады и на должность заместителя

командира 9-й моторизованной, созданной на основе его же 9-й горной бригады, вскоре, однако, запретил появляться в штабе вновь назначенному комбригу Сульо Имширевичу [17].

Однако Мушан Топалович — «Цацо», убив сына тогдашнего заместителя министра внутренних дел Авдо Хебиба-Адмира, нажил себе серьезного врага. К тому же командование Армии Боснии и Герцеговины смогло часть сил «Цацо», в первую очередь его «штурмовой» и «мобильный» батальоны, отправить сначала на Игман, где как раз была начата операция сербских сил, а затем и в Герцеговину и установить там свое влияние, сумев привлечь на свою сторону и людей из окружения Топаловича. Командование Армии Боснии и Герцеговины, во главе с Фикретом Муслимовичем и Расимом Деличем, втайне, под предлогом сербского нападения, подготовив отряды спецназа МВД «Босна» и «Ласта», а также разведывательно-диверсионный отряд Генерального штаба «Цырни лабудови» и подразделения военной полиции, при поддержке сил 2-й бригады 1-го корпуса, блокировало союзные «Цацо» части в городе [17].

В ходе операции «Требевиц — 2» 23 октября силы военной полиции Армии Боснии и Герцеговины, при нападении на штаб Мушана Топаловича — «Цацо» встретили вооруженное сопротивление, и девять военных полицейских армии Боснии и Герцеговины были взяты в плен, а затем, после мучений, были убиты бойцами «Цацо», которые потеряли двоих своих бойцов убитыми [17]. Тогда «Цацо» имел достаточно преданных ему людей и оказывал довольно упорное сопротивление в течение двух-трех дней. Сам «Цацо» сделал непростительную в таких случаях ошибку, переоценив свои силы и лично прибыв на переговоры в штаб 1-го корпуса, после уговоров Юсуфа Пушины и Хариса Луковицы, и тут же был арестован. После того как он был арестован, руководители операции «Требевиц-2» генерал Вахид Каравелич, министр МВД Юсуф Пушина, командиры специальной полиции Драган Викич и Йозо Анджич приняли решение о ликвидации «Цацо». После допроса, в ходе которого ему были поломаны руки и ноги, его застрелил офицер Армии Боснии и Герцеговины.

Свыше двухсот сорока бойцов «Цацо» было арестовано и отправлено в тюрьмы, а позднее в нескольких судебных процессах

пара десятков людей Цацо была осуждена, дабы списать на них факты военных преступлений против сербов в ходе процессов — дело Рамиза Делалича, Эдо Эмеровича, Нихада Геко, Борислава Латича — «Рики», дело Зийо Кубата, Эсада Туцаковича, Рефика Чолака, Мевлудина Селака, Сенада Хасича; дело Алена Атича и ряд других судебных дел.

Сам генерал Сефер Халилович 1 ноября, сразу после смерти «Цацо», был отправлен в отставку, но при этом Изетбегович тогда снял с должности начальника военной безопасности армии Боснии и Герцеговины Фикрета Муслимовича, переместив его на должность начальника управления по политико-воспитательной работе, заменив его генералом Юсуфом Яшаревичем, согласно поговорке: «мавр сделал свое дело — мавр может уйти».

Если говорить об офицерском корпусе, то в Боснии и Герцеговине была такая же ситуация, как и в других «цивилизованных» странах, где военная служба стала представлять собой чиновничью работу и не более того, и в силу этого многие офицеры в гражданской войне подобного типа чувствовали себя неуверенно.

Война — это логическое завершение общественных конфликтов, частью которых является и преступный мир. Ничего в этом положительного нет, но так как своих воинских формирований у Изетбеговича не было, то ему и пришлось опираться на бандитов. Ведь механическое создание воинских подразделений силами офицеров ЮНА в начальный период войны показало себя неэффективным. Данные подразделения не были коллективами по сути. В «цивилизованных» государствах армии имеют различные элитные войска, прежде всего спецназ, в которых пытаются культивировать боевой дух как характером службы, так и подбором кадров. В Боснии и Герцеговине подобный спецназ имелся лишь при МВД, и он, в силу малочисленного личного состава и пестрого национального личного состава, не мог играть в войне ведущую роль. В то же время для революции требовались куда более многочисленные кадры, и ими стали бандиты, многие из которых обладали своими, пусть и специфическими, понятиями о личной доблести, тем более что в данной среде традиционно жизнью дорожили меньше, нежели в обществе.

К тому же довоенная система, созданная номенклатурной властью, способствовала тому, что бандитская субкультура получила большую популярность в среде молодежи. Алия Изетбегович лишь использовал то, что десятками лет создавал номенклатурный аппарат СФРЮ. Сотни бандитов появились в годы войны на улицах Сараево заслугами номенклатурной власти, ибо, насколько известно, организованная преступность невозможна без поддержки власти, тем более когда речь идет о коммунистической власти. Конечно, сербская пропаганда не скупилась на черные краски в описании сараевских бандитов, и во многих случаях основания этому были. Однако стоит задаться вопросом, почему сараевские бандиты, не имевшие ни военного образования, ни боевого опыта, смогли на равных бороться против современной армии, имевшей хорошую подготовку и боевой опыт.

Все-таки, видимо, гражданская война требует не только знаний и опыта, но и умения брать на себя ответственность и проявлять инициативу в неординарных ситуациях, и стоит лишь поражаться ограниченности иных генералов ЮНА, видевших не только в командирах «Патриотской лиги», но и в самом Изетбеговиче лишь уголовников и фанатиков, которые, по их мнению, не могут ни противостоять армии, ни завоевать популярность в мусульманском народе. Вероятно, тем, кто годами учился военному делу, было неприятно признать, что «дилетанты» оказывалась нередко способнее их. Большим недостатком у мусульман было существование параллельных систем командования.

Назначенный 8 апреля ТО (территориальной обороны) Боснии и Герцеговины полковник ЮНА Хасан Эфендич, мог отдавать приказы, главным образом, только в Сараево. Поэтому предложенный план штабом ТО о наступлении на сербов был нереален, тем более что он сразу же стал известен сербской стороне. Согласно этому плану, удары должны были быть нанесены как со стороны Сараево, так и со стороны Високо, чтобы, захватив Илиджу, обеспечить соединение Сараево с остальной «свободной» (мусульманской) территорией. Полковник ЮНА Расим Делич, бывший начальник оперативного отдела штаба Сараевского корпуса ЮНА, был послан штабом ТО в Високо, где был создан штаб

для командования силами в районе Високо и Брезы. В Високо мусульманами было подготовлено два отряда добровольцев, по 300–400 человек, оснащенных оружием, гранатометами и минометами калибра 82 мм. Эти силы должны были, согласно плану «Змай», разблокировать Сараево, хотя на успех операции рассчитывать было нельзя, ибо, даже если не учитывать дислоцированный в соседнем Райловце гарнизон ЮНА (воздушно-техническая академия и 130-я воздушная база), в районах поселков Илияш, Илиджа, Райловац и Вогоща было много сил сербской милиции и отрядов местных и приезжих добровольцев. Закономерно, что операция провалилась.

Все это вызвало недовольство штабом ТО со стороны командования «Патриотской лиги», где главенствующую роль играли мафиозные кланы, «санджаклии» и «сарайлии». Несмотря на то что эти кланы враждовали между собой, они объединились для борьбы против офицеров ЮНА, собравшихся в штабе ТО. Помимо этого, существовал и штаб обороны Сараево, которым командовал командир спецподразделения МВД Боснии и Герцеговины Драган Викич, полусерб-полухорват. Многие его бойцы тоже были либо сербами, либо хорватами, либо выходцами из многонациональных семей. Так как Викич опирался на кадры МВД, а «Патриотска лига» — на бандитов, то и отношения у первых с силами «Патриотской лиги» не всегда были дружественными. Очевидно, что в Сараево тогда отсутствовала правильная военная организация, и более или менее подготовленная операция могла привести к падению всей обороны Сараево. С пересечением центра этого города, зажатою между гор, система командования была бы разрушена и отряды боевиков были бы вынуждены прекратить сопротивление.

Впрочем, нет смысла слишком много требовать от сербских войск в существовавших условиях войны, тем более что в ходе визита президента Франции Франсуа Миттерана 28–29 июня 1992 года было достигнуто соглашение о передаче аэродрома Сараево под контроль миротворческих сил ООН, что и было проведено в жизнь 5 июля 1992 года, на основании резолюции 761 от 30 июня 1992 года Совета Безопасности ООН. Этим были отсечены сербские силы в Илидже от сербских сил в Луковице, и одновременно

данное решение дало противнику в Сараево возможность выхода на горный массив Игман, чем тот не замедлил воспользоваться при благостном отношении миротворческих сил ООН. В итоге уже сами мусульманские силы, вопреки своей заведомой слабости, стали нападать на сербские позиции.

8 июня мусульмане перешли в наступление в районе высоты Моймило в городской черте Сараево, а также на район Враца и на район Илиджи и поселка Жуч под Вогощей, как и по всему внутреннему кругу сараевского фронта. Командование мусульман располагало лишь большим количеством пехоты, превосходя в этом сербов, но бронетанковой техники почти не имело, кроме нескольких танков и бронетранспортеров во всем Сараево, да и орудий и минометов оно имело незначительное количество, к которым к тому же не хватало боеприпасов. В то же время, учитывая горный характер местности, покрытой довольно густыми лесами, при отсутствии в то время не только сплошных, но и вообще любых линий фронта, определенные шансы на победу у противника существовали. Он вполне мог незаметно не только подойти к плохо оборудованным и малозащищенным сербским постам, но и пройти между ними. Однако мусульманская тактика оказалась весьма низкого уровня, обремененная на командном звене дилетантством и позерством лиц без военного образования, руководивших операциями из тыла. Это привело к большим потерям и низким результатам. Сербские силы все же более оперативно реагировали на изменения боевой обстановки, так как их командиры чаще находились в боевых порядках, нежели у мусульман.

Правда, в мусульманском командовании были толковые командиры, чему свидетельство их попытки на отдельных участках фронта сначала действовать разведывательно-диверсионными группами из более подготовленных бойцов и лишь затем вводить в бой пехоту. Это принесло противнику начальные успехи, особенно на Требевиче, где они прорвали сербскую оборону, убив 12 сербских бойцов, в том числе двух командиров рот. Были сербские жертвы и на других участках фронта, но в основном в несколько человек, да и все это было скорее заслугой первых ударных отрядов противника, тогда как большая часть его сил к упорным боям

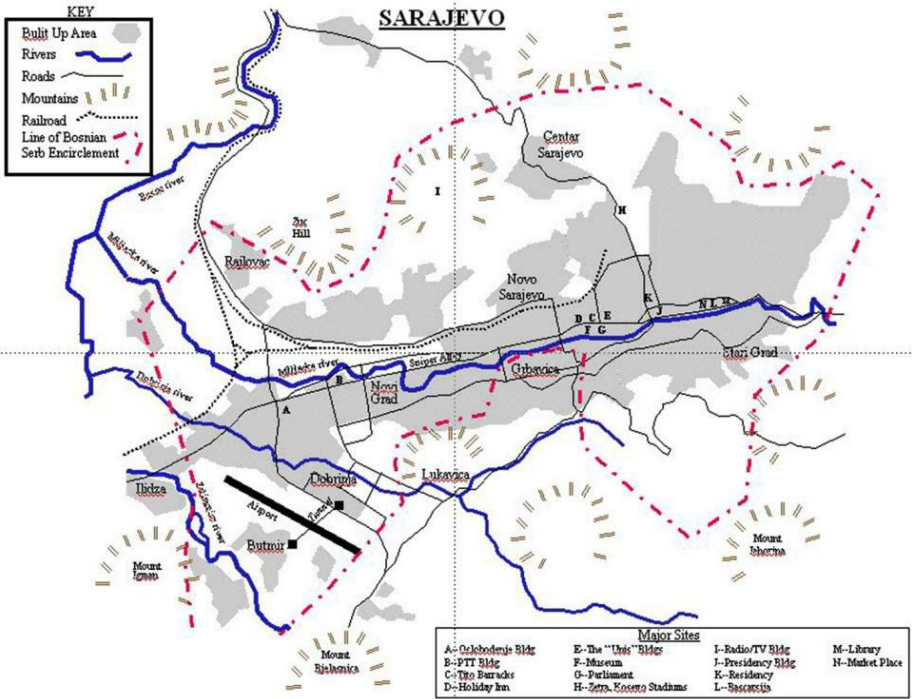

оказалась неспособной. Мусульмане сделали свою традиционную ошибку, задержавшись на захваченных позициях, не успевая ввести в бой плохо дисциплинированную и недостаточно подготовленную основную пехотную массу. Все закончилось, как только сербы стабилизировали оборону, а сербская артиллерия накрыла нападающих. В том июньском нападении на всем сараевском фронте мусульманские силы потеряли сотни своих бойцов убитыми и ранеными.

После того как нападение было отбито, 17 июня сербские войска, представлявшие все ту же ЮНА, но уже переименованную в ВРС, перешли в наступление и, захватив «Аэродромско насеље», отрезали Сараево от территории аэропорта и, захватив Златиште, вышли на позиции, с которых весь центр Сараево был как на ладони. Также в июне, в районе Високо, с внешней стороны сараевского фронта, мусульманам удалось приблизиться к Илияшу, захватив село Чекрычичи, возместив отчасти потери своих позиций, с другой стороны фронта Сараевского обруча в районе поселка Ахатовичи, захваченного сербскими подразделениями, несмотря на заблаговременную, еще довоенную, подготовку этого поселка мусульманами к обороне.

Характерным примером становления мусульманских войск были операции в районе горных массивов Игман, Белашница, Трескавица. Через Игман шла единственная дорога от поселка Храсницы, граничившего с аэродромом, на котором базировался французский контингент миротворческих войск ООН. Через ВПП аэродрома, под огнем сербов, а то и французских миротворцев, нередко проходили мусульмане. Впрочем, куда чаще все решалось выплатой сербскому руководству определенных денежных сумм, как и договорами со спецслужбами НАТО, и конвои проходили беспрепятственно. Однако, дабы решить полностью данную проблему, руководство в Сараево дало указание военным инженерам построить подземный туннель под аэродромом из Сараево в Храсницу. В силу этого Игман был очень важен для мусульман, ибо по вышеупомянутой дороге через Игман шал переброска в Храсницу личного состава и боеприпасов в Сараево.

ФОТО 19. Сараево в 1992 году

Первое время, весной 1992 года, Игман не контролировался мусульманами, а ЮНА и местные сербы не придавали этому большого значения. В апреле и мае, после изгнания мусульман из Хаджичей, они стали организовываться в поселках Пазаричи и Храсница и в горных селах в небольшие вооруженные стрелковым оружием группы. Согласно книге «Тень над Игманом» Мирсада Чатича [18], после захвата казармы в поселках Пазаричи и Крупа, по договоренности с командованием ЮНА, мусульмане взамен пропуска колонны получили оружие и боеприпасы, а также 100 тонн взрывчатки, их положение с оружием улучшилось, хотя в тех нападениях они потеряли около 70 человек убитыми и ранеными. Тем не менее их «Игманский» отряд из нескольких сот человек, под командованием бывшего капитана ЮНА Мирсада Чуперака, получившего к тому времени опыт боевых действий в рядах ЮНА в Задаре, установил контроль в Игмане. Пользуясь бездействием сербских властей, они

дошли до села Войковичи, находившегося в Сараевской долине. Согласно Чупераку, мусульманские силы здесь пополнялись за счет неприхотливых жителей горных сел и соседних поселков, хорошо знавших местность [18]. Со временем они сами стали совершать нападения на сербские села, и так в одном из нападений на село Касатичи 24 мая 1992 года под Хаджичами было убито шесть сербов, остальные изгнаны, а село было сожжено.

Летом они были преобразованы в 1-ю и 2-ю тактические группы, представлявшие собой две неполные бригады легкой пехоты, имевшие поддержку артиллерийского дивизиона, насчитывавшего десятков орудий и минометов. Так как Чуперак, руководивший операциями на Игмане, был артиллеристом, то дивизион действовал непосредственно под его командованием [18]. Этот дивизион сыграл важную роль в первой большой наступательной операции мусульманских войск по взятию поселка Тырново. Последний находился на дороге, ведущей из сербской части Сараево в Фочу, и представлял собой единственную связь сербской Сараевско-Романийской области с сербской Восточной Герцеговиной. Но куда большую роль играло то, что Тырново находилось на пути с Игмана и Трескавицы в окруженный мусульманский Горажде. Хотя конвои с оружием в Горажде с Игмана пробивались через условную сербскую линию фронта по горным дорогам, т.н. «Алаховову путу» (пути Аллаха), связано это было с большими трудностями. Как ни странно, местные сербы столь важное место обороняли плохо.

В операции под командованием Мирсада Чуперака мусульманские войска захватили Тырново 31 июля 1992 года, обеспечив соединение с Горажде [18]. В этой операции мусульмане применили свои «ударные» отряды, которые, подойдя скрытно к сербским позициям и нанеся внезапный удар, прорвали сербскую оборону сначала на перевале Рогой по дороге в Фочу, а затем по всему фронту. В данном случае командование мусульман не стало посылать большие массы пехоты в атаку на центр неприятельской обороны, что сделало бы ее мишенью для огня артиллерии и бронетехники сербов. Ударные группы, сбив сербов с высот, окружили маневром в горах лежащий в долине поселок. У сербов началась

паника, и они бежали из Тырново, оставив 6 самоходных противотанковых пушек СУ-76, 12 буксируемых гаубиц калибра 105 мм, 8 минометов калибра 82 мм, 2 противотанковых буксируемых орудия Т-12 калибра 100 мм, а также 12 своих артиллеристов, попавших в плен [18]. Попытка сербского контрудара 2 августа не удалась. Тем самым дорога Луковица — Фоча была захвачена мусульманскими силами, и это привело к пресечению связи между Сараевско-Романийским и Герцеговинским корпусами ВРС. Последний тогда удерживал оборону вокруг Фочи и Калиновика, но эти города, вместе со всей Герцеговиной, оказались отрезанными от остальной части Республики Сербской мусульманским анклавом Горажде, получившим в Тырново хорошее связное звено с остальной мусульманской территорией. Из Горажде, через горный массив Яхорина (1910 м) на Тырново, военными инженерами армии Боснии и Герцеговины была проложена дорога, иногда называвшаяся «Аллахов путь». После этого из Тырново, через горные массивы Трескавица (2086 м), Белашница (2067 м) и Игман (1504 м), большей частью контролируемых мусульманскими силами, можно было беспрепятственно добраться до мусульманских городов Тарчина, Ябланицы и Кониц, а также и до Сараево.

К тому же летом 1992 года мусульманские вооруженные силы нельзя было еще назвать армией. Это было типичным партизанским движением с десятками военных вождей и с десятками тысяч мало обученных и плохо вооруженных даже стрелковым оружием бойцов, многие из которых шли на позиции с карабинами или охотничьими ружьями, имея десяток-другой патронов, а нередко вообще не имея собственного оружия, меняя его посменно. Разумеется, летом 1992 года положение мусульманских войск в Сараево улучшилось, и микрорайон Добрыня после трехмесячной осады, с конца апреля 1992 года, была соединен единой линией фронта с позициями в остальной части города, в немалой мере благодаря участию группировки Юсуфа Празины — «Юки», сараевского бандита, получившего с начала войны должность командира отряда специального назначения, основу которого составила его же ОПГ. Оборона Добрины (командиры Хайриз Вечирович и Исмет Ходжич) обеспечила коридор к аэродрому, за которым

находилась Храсница, обороняемая силами 4-й бригады (командир Фикрет Превляк) 1-го корпуса. Так как сербские наступления на Ступ сентября 1992 года и марта 1993 года были остановлены, то мусульмане получили достаточно широкий проход через Добриню и Неджаричи к аэродрому. Аэродром, контролировавшийся миротворческими войсками ООН, был закрыт для сил Армии Боснии и Герцеговины. Однако конвои различных миротворческих организаций под защитой миротворческих сил ООН, могли беспрепятственно попадать в Сараево, сербы проверять их не могли, а миротворцы ООН особо не усердствовали в таких проверках. Таким образом, в конвоях с гуманитарными грузами армия Боснии и Герцеговины могла получать боеприпасы и оружие. Помимо этого, ночью мусульмане переползали или перебежали аэродром, хотя в этом случае существовала угроза обстрела с сербских позиций, и до второй половины 1993 года в таких операциях, согласно генералу армии Боснии и Герцеговины Йовану Дивяку, погибло около трехсот пятидесяти человек. В силу этого особо надежным сообщением не являлось и Сараево продолжало оставаться окруженным городом.

В своем большинстве командиры «Патриотской лиги» не были профессионалами, например Эмин Швракич, командовавший «элитными» силами «Патриотской лиги», «зелеными беретами», до войны был владельцем магазина в Сараево и, быть может, и был опытен в мафиозных делах, но никак не в военных, и поэтому во главе «Патриотской лиги» встал офицер ЮНА Сефер Халилович, который, вместе с тем, 25 мая 1992 года сменил Хасана Эфендича на посту начальника штаба ТО и с мая по июль 1992 года руководил реорганизацией штаба ТО, когда и был создан Генеральный штаб Армии Боснии и Герцеговины. Вместе с тем Сефер Халилович хоть и находился во главе «Патриотской лиги», в то же время подозревался верхушкой СДА в связях с военной безопасностью ЮНА, хотя в таких же связях подозревали и других генералов армии Боснии и Герцеговины. 5 июля 1992 года была создана Армия Боснии и Герцеговины, и начальником ее Генерального штаба стал Сефер Халилович — мусульманин из Санджака на юге Сербии, а его заместителями стали серб Йован Дивяк, уроженец

Сербии, и хорват Степан Шибер. Согласно книге «Война на Балканах» Крэйга Нашион [19], Йован Дивяк заявил, что в мае 1992 года под командованием Сефера Халиловича находилось всего 75 тысяч военнослужащих.

18 августа, с созданием в составе армии Боснии и Герцеговины пяти корпусов, Халилович стал главнокомандующим армией и одновременно начальником Генерального штаба. Однако реальной связи со своими корпусами часто не имел. Само нахождение генерального штаба Армии Боснии и Герцеговины в Сараево привело к его изоляции от своих войск. Связь была ненадежной, а путь через туннель и простреливаемую сербами горную дорогу на Игмане был долгим и тяжелым. Поэтому было создано оперативное отделение данного штаба в городе Високо, которое командовало действиями мусульманских войск на «основной» территории. Начальником отделения стал Расим Делич, он получил реальную власть над созданными 3 сентября 1992 года 2-м (штаб в Тузле, командующий Желько Кнез), 3-м (штаб в Зенице, командующий Энвер Хаджихасанович), 4-м (штаб в Мостаре, командующий Ариф Пашалич, затем Сулейман Будакович) корпусами. Созданный в Сараево 1-й корпус (его первым командующим был Мустафа Хайрулахович — «Тальян», затем его сменил Вахид Каравелич, а последнего Неджад Айнаджич) был отчасти исключен из боевых действий, находясь в окружении вдвое меньшего по численности сербского Сараевско-Романийского корпуса.

Вместе с тем главнокомандующий армией Боснии и Герцеговины в 1992–1993 годах Сефер Халилович в своих воспоминаниях на период августа 1992 года численность своих войск оценивал в 168000, а на период января 1993 года — в 261500. Однако вся эта масса не имела достаточно даже стрелкового оружия, тогда как бронетехники насчитывалось всего пару десятков единиц. ВРС же тогда получила полнокровную структуру ЮНА в Боснии и Герцеговине, и просто было удивительно, как вообще мусульманские вооруженные силы, особенно в столь изолированных анклавах, как Горажде, Сребреница, Жепя, Западная Босния (Бихач, Цазин, Велика Кладуша, Бужим), смогли удержать собственные позиции в 1992 году. Наконец, вокруг того же Сараево местное сербское

руководство, с полной поддержкой из Сербии, готовилось к войне и заблаговременно перебрасывало запасы оружия и снаряжение своим сторонникам в сербские села и пригороды. Совместно с командованием ЮНА, сербским руководством в Сараевском регионе были организованы целые колонны грузовиков, вывозившие большие запасы оружия, боеприпасов и снаряжения из оставляемых ЮНА казарм в Габеле, Мостаре, Киселяке, Високо. Согласно книге «Пале — ратна хроника» Слободана Сырдановича [11], в район Пале вышли артиллерийский полк из Киселяка и смешанный противотанковый полк из Високо, и они были размещены у сел Хреша, Мырковичи, Бория. Командовали обоими этими полками, согласно Сырдановичу, местные сербские уроженцы подполковник Йован Бартула и подполковник Драгаило Тошич соответственно, которые вместе со многими офицерами своих частей просто поменяли знаки различия, перейдя в ВРС, поэтому на недостаток обученных кадров жаловаться не приходилось. К тому же в Пале еще до войны, согласно данным Сырдановича, в составе ЮНА был создан инженерный полк, чьи запасы боеприпасов были сильно увеличены после захвата местными сербскими силами казармы ЮНА в Реновице. В автоматическом оружии сербские силы вообще не испытывали нужды. Из одной только казармы ЮНА в Фалетичах (район Кошево в Сараево) было вывезено около семи тысяч стволов стрелкового оружия. Впрочем, немало этих стволов, особенно пистолетов, было просто-напросто разграблено. У местных сербов оружия было более чем достаточно, и еще больше оружия они получили в казармах в Луковице и Райловце, откуда его им и не надо было вывозить, ибо оно осталось на сербской территории. Правда, бронетанковой техники было не так много, как в ЮНА, и, как правило, каждая пехотная бригада (легкопехотные танков, как правило, не имели) имела танковое подразделение силою рота-батальон «восточной формации», что составляло где-то 5, где-то 10, а где-то 30 танков типов Т-55, составлявших главную часть бронетехники сербских сил здесь, а встречались советские танки Т-34/85 и американские Шерман М-3. Так как более современную боевую технику ЮНА вывезла в Сербию и Черногорию, то танков М-84 в сербских частях в восточной

части РС было мало. Более современной бронетанковой техникой располагали сербские войска в западной части РС, откуда ЮНА не смогла вывезти самое современное вооружение.

Притом местность вокруг Сараево и в соседних областях Романии, Герцеговины, Загорья (Калиновик) и Подринья была горная и танки здесь использовались скорее как самоходные орудия, действуя из-за боевых порядков пехоты, как правило, по две-три машины при поддержке БМП и ЗСУ. При этом мусульмане здесь танков практически не имели, а во всей Боснии и Герцеговине они едва ли имели больше полусотни танков на тот период. Мусульмане испытывали и большой недостаток в противотанковых средствах и в начале войны полагались преимущественно на минно-взрывные средства и на ручные гранатометы. Однако вопрос бронетанковой техники был делом второстепенным, и в этой войне, по крайней мере, в Сараево, танки не многое решали. Это произошло не только из-за того, что боевые действия велись в горно-лесной и в городской местностях, ибо, в конце концов, подобные условия требовали не отказа от использования танков, а приспособления их действий к данным условиям. Главной проблемой было то, что стратегически сербская оборона не вела наступательные действия, что привело к «странной войне» между столь различными по силе противниками. Все это дополнялось у нее характерной «балканской» анархичностью, в таких условиях вырывавшейся наружу. Не стоит исследовать причины такой же анархичности у мусульман, чье военное командование далеко не блистало военным искусством, однако, анализируя состояние дел у сербской стороны, ясно можно увидеть, как с ходом этой «странной войны» падал ее боевой дух, бывший в начале довольно высоким в той части народа, которая пошла добровольно на войну под национальными лозунгами.

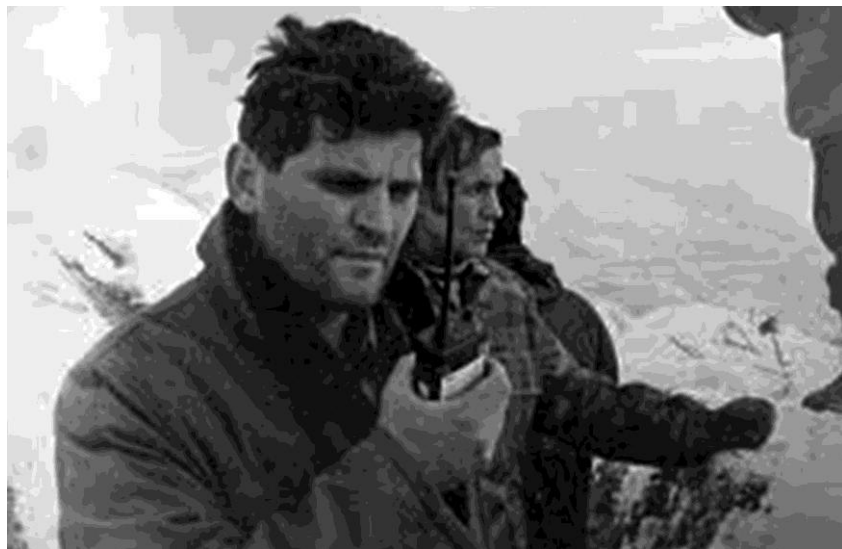
В Сараево в 1993 году мусульмане продолжали нападения с целью прорыва сербского кольца вокруг города, но успеха не достигли. Их операции часто заканчивались поражениями из-за отсутствия поддержки «ударным» группам от основной массы пехоты, чьей подготовке уделялось мало времени либо вообще не уделялось. Также сказывалось отсутствие должной артиллерийской поддержки. К тому же, прорвав в одном месте сербскую ли-

нию обороны, командование мусульман нередко теряло контроль над своими силами и те попадали под огонь сербских резервов и артиллерии. Примеры таких операций на сараевском фронте уже были описаны — это летние нападения (1992 год) на Златиште, на Хреш, на Требевич, а также зимние нападения на Касиндольскую реку. В этих нападениях мусульмане теряли по несколько десятков своих диверсантов. Такие операции становились средством поднятия авторитета тех или иных вождей либо становились жертвой борьбы этих авторитетов. Группы сознательно оставлялись без нужной поддержки либо об их операциях становилось известно заранее сербам. Если же командиры бригад и батальонов сами организовывали операции, то их успех был куда более вероятен. Причина проста: командир, идя самостоятельно на прорыв, лучше видел, когда и куда надо направлять удар, а главное, мог лучше использовать артиллерию и резервы основной массы пехоты.

В Сараево пример подобного командования показал командир 2-й «витезской» моторизованной бригады Сафет Зайко, уроженец городка Рудо, до войны бывший работником военной фабрики «Зрак», имевший чин капитана резерва ЮНА.

ФОТО 20. *Сафет Зайко*

Он самостоятельно организовывал несколько сот боснийских мусульман в отряд самообороны еще в январе 1992 года в Сараево, в районах Соколье, Пофаличи, Буляков-Поток и Буча-Поток [20]. Сафет Зайко лично возглавлял своих бойцов в операциях (поместному «акциях»). Он одержал и самую значительную победу сил 1-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины в 1992 году в Сараево, захватив в декабре 1992 года Жуч, поселок, за который шли бои с июля 1992 года.

ФОТО 22. Армия Боснии и Герцеговины в районе Жуча 24.12.1992

Столь же успешной была и его следующая операция 12 июня 1993 года по взятию района Миятовичей группой в 16 человек, причем погиб его заместитель [8]. Под Жучем 17 июля 1993 года Сафет Зайко погиб от пули неизвестного снайпера. В дальнейшем наступательных действий подобного рода мусульмане старались избегать из-за больших потерь, так как 27 июля 1993 года в боях за Жуч погибло 18 бойцов отряда Босна, спецназа МВД Боснии и Герцеговины. Тем не менее Жуч остался у мусульман. Последним исключением была «акция» на Требевич 30 мая 1993 года, где «ударной» группой удалось прорвать сербские позиции, нанеся

сербам серьезные потери, но после этого бойцы этой группы потеряли бдительность и попали под огонь сначала «Праги», а затем сербской артиллерии, понеся тяжелые потери.

У мусульман в Сараево продолжало не доставать оружия и боеприпасов, так что, меняясь на дежурствах и позициях, бойцы армии Боснии и Герцеговины под счет передавали друг другу неполные боекомплекты к стрелковому оружию, с тем, что многие имели на вооружении еще и карабины, а иные не имели и личного оружия, получая его на дежурстве.

ФОТО 23. Военнослужащий Армии Боснии и Герцеговины

Конечно, накопление оружия шло, но очень медленно из-за трудностей с доставкой. Какая-то часть оружия перебрасывалась гуманитарными конвоями ООН, ибо известны случаи, когда в таких конвоях находились боеприпасы, однако конвои приходили нечасто, да и был в этом большой риск для самих конвоев. Впрочем, получали мусульмане в Сараево боеприпасы и оружие в том числе и благодаря торговле с сербами. Подобные случаи одно время после войны были горячей темой, но все осталось без судебного эпилога. Тем не менее в книге «Армия Республики Серб-

ской — между политикой и войной» подполковника Милована Милутиновича, бывшего начальника информационной службы Главного штаба ВРС [21], приведено несколько таких примеров.

Также и участник миротворческой операции ООН в Боснии и Герцеговине с российской стороны, В.А.Андреев, в книге «Наши миротворцы на Балканах», изданной Центром по изучению современного балканского кризиса, описывает практику сербской военной безопасности, которая требовала 30% от грузов заходивших в Сараево международных конвоев [22]. Как все дальше развивалось, можно было предположить, так как отчетности тут не было никакой. В 1996 году в военной прокуратуре в Москве было начато расследование фактов торговли в Сараево, в которой были замешаны некоторые офицеры российского миротворческого контингента, но так как судебного эпилога не было, то и использовать это было невозможно. Тем не менее факты торговли через линию фронта были достоянием общественности в послевоенной Боснии и Герцеговине, и один из показательных примеров — попытка расследования в 1997 году деятельности созданных СДС предприятий «Центрекс» и «Селект импекс», подозревавшихся в подобных фактах.

Однако начатое по инициативе тогдашнего президента Республики Сербской Биляны Плавшич расследование окончилось сначала расстрелом перед своим домом руководителя этого следствия Серджана Кнежевича, заместителя начальника полиции Сербского Сараево и бывшего командира разведывательно-диверсионного взвода «Белые волки», а затем и расстрелом в 2000 году тогдашнего начальника полиции Республики Сербской Любиши Савича, бывшего командира бригады «Пантеры». Уже после войны тому были приведены доказательства самим президентом Республики Сербской Биляной Плавшич, выбранной на эту должность в 1997 году и решившей провести расследование подобной торговли основанными правительством Республики Сербской в ходе войны предприятиями «Центрекс» и «Селект Импекс».

Хотя факты торговли достаточно быстро следствием были выяснены, однако следствие в 1998 году было остановлено из-за политического давления Белграда и убийства в 1998 году Серджана

Кнежевича, заместителя начальника полиции центра Сербского Сараево, руководившего следствием. Так как затем в 2000 году в Биелине был убит и руководивший расследованием убийства Кнежевича Любиша Савич — «Маузер», тогдашний начальник всей полиции Республики Сербской, то о результатах следствия говорить невозможно. Тем не менее агент ФБР Пол Грейди, по указанию правительства США расследуя факты этих и других убийств в РС, косвенно подтвердил факты в следственном деле о торговле оружием с Армией Боснии и Герцеговины, но, разумеется, агент ФБР не мог выполнять обязанности правоохранительных органов Республики Сербской [23].

ФОТО 24. Биляна Плавшич (в центре) с Радованом Караджичем (слева) и Николой Колевичем (справа)

Тем не менее факты подобного рода с переменной властью в Белграде в 2001 году скрыть уже было невозможно, и в 2002 году вспыхнул скандал, когда в Сербии был арестован бывший ми-

нистр внутренних дел Боснии и Герцеговины Алия Делимустафич, приехавший с визитом в Белград к своему деловому партнеру и бывшему коллеге, бывшему министру внутренних дел Республики Сербской Момчило Мандичу. Из МВД Сербии тогда в прессу поступили документы о фактах продажи боеприпасов армии Боснии и Герцеговины с фабрики боеприпасов «Пырви Партизан» из города Ужице, причем перевозку из Ужиц, в интересах заказчика — Бакира Изетбеговича, сына Алии Изетбеговича — осуществляла компания Алии Делимустафича, под защитой милиции Сербии и Республики Сербской [10].

О фактах массовой продажи оружия и боеприпасов силами подразделений госбезопасности (ДБ) Сербии силам 5-го корпуса армии Боснии и Герцеговины писал в своей книге «Книн пал в Белграде» бывший начальник Генерального штаба СВК (армии Республики Сербской Краины) генерал-майор Милисав Секулич [24]. Этим подтверждались послевоенные рассказы мусульман из Бихача, которые говорили, что им от «красных беретов» ДБ Сербии было куда больше пользы, нежели вооруженным силам Фикрета Абдича.

Собственно говоря, все это было «секретом Полишинеля» в том же Сараево, где на территорию под контролем 1-го корпуса армии Боснии и Герцеговины оружие и боеприпасы продавались сербской стороной то различными группами, имевшими различные «крыши» во власти, а то и не имевших их вообще, как через тамошний ХВО, так и напрямую, через улицы и мосты на линии фронта. В книге бывшего начальника информационной службы полковника Милована Милутиновича «Войско Республики Сербской между политикой и войной» [21] также было приведено несколько подобных фактов. Еще более важную роль играла финансовая помощь в подкупе сербских политиков правительством Боснии и Герцеговины.

Так, в 1997 году в передаче тогдашнего телевидения Республики Сербской начальник штаба ВРС генерал Манойло Милованович заявил, что четыре сербских чиновника (каких — он отказался сказать) в ходе войны получили от мусульман несколько десятков миллионов немецких марок, дабы сербские войска не вошли в Горажде.

ФОТО 25. *Начальник штаба ВРС генерал Манойло Милованович*

В данном случае смысла оценивать моральность подобных поступков нет, но очевидно, что для армии Боснии и Герцеговины подобная торговля с сербской стороной была хорошим подспорьем в войне. Однако куда более важное значение с 1993 года получил созданный под руководством генерала Рашида Зорлака двумя сараевскими инженерами Неджадом Бранковичем и Фадилом Шеро подземный туннель из микрорайона Добрыня в поселок Бутмир под взлетно-посадочной полосой аэродрома, контролирувавшемся французским миротворческим контингентом ООН. Этот туннель начал строиться 28 января 1993 года силами Гражданской обороны и частями специального назначения «Аль-Фатих», а 30 июля строительство было окончено [25].

К июлю 1993 года туннель под аэродромом был открыт, и через него могли перебрасываться в пешем порядке подразделения части Армии Боснии и Герцеговины, так что в среднем в день туннель проходило около 40000 человек. Затем через туннель были проведены труба для перекачки горючего и кабель для снабжения электричеством. Весной 1994 года был открыт второй подземный туннель под аэродромом, с узкой железной дорогой, по которой грузы перебрасывались на тележках.

С открытием же туннеля переброска войск проходила беспре-

пятственно из Сараево в поселок Храсница под Игманом. По большому счету для мусульман тогда было вполне возможно перебросить пару десятков тысяч человек по этому туннелю на горный массив Игман и оттуда, совершив прорыв сербских позиций, оказаться на горных хребтах Яхорина (1910 метров) и Требевич (1627 метров), и тем самым сербские позиции в сараевской долине и на хребте Требевич оказались бы под угрозой окружения. Единственным выходом осталось бы шоссе, проходящее через горы Требевича, рядом с мусульманскими позициями. Использовать бронетехнику и артиллерию в условиях высокогорья было бы сложно.

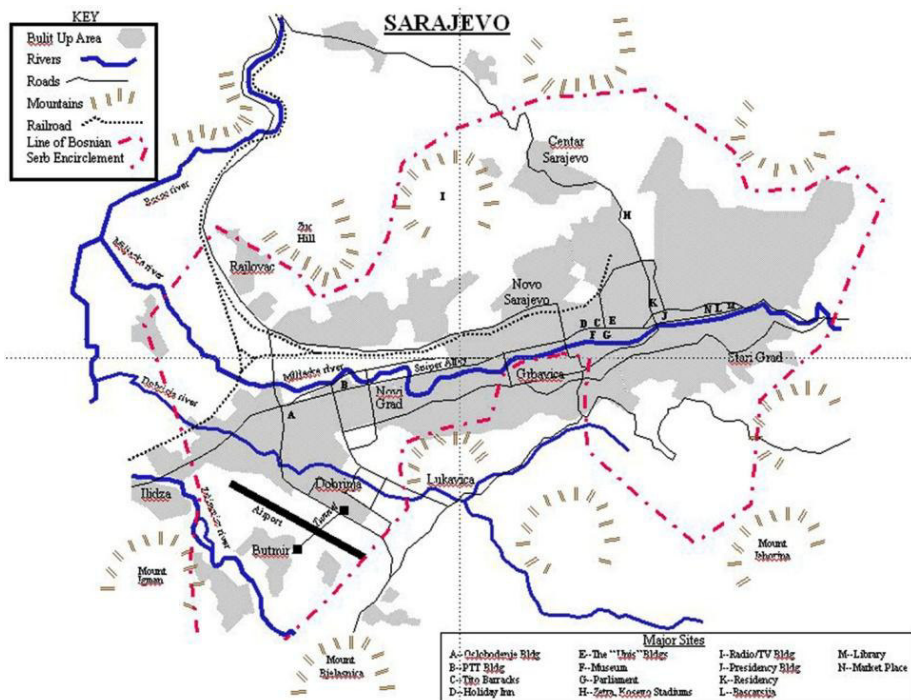
К тому же весь Сараевско-Романийский корпус имел не так уж и много бронетехники (около сотни танков и БТР) и артиллерии (200 стволов калибра свыше 75 мм), размещенных по всему кольцу сараевского фронта. По сути мусульмане имели отличные исходные позиции для наступления, так как в течение нескольких часов могли перебросить большие массы войск на любой участок фронта. Выйдя же в поросшие лесом горы, где сербская артиллерия и танки были бы менее эффективными, подразделения мусульман могли бы легко прорвать сербские позиции, которые в районе Требевича обороняли силы одного пехотного батальона сербской 1-й Романийской бригады, на позициях которой находилось максимум одна-две сотни человек одновременно.

Фактическое число военнослужащих 1-го корпуса, оборонявшего Сараево всю войну, вращалось вокруг цифры в три-четыре десятка тысяч человек, что превосходило раза в два-три числом силы сербского Сараевско-Романийского корпуса, занявшего тоже оборону, защищая собственное сербское Сараево. Помимо этого, по внешнему обручу Сараевского фронта подступы к Вогоще, Илияшу и Илидже подвергались ударам неприятельских сил из направлений Олово, Високо и Брезы, где были позиции 2-го и 3-го армейских корпусов армии Боснии и Герцеговины, и они, конечно, тоже на этот участок выделяли немало сил и средств. Помимо этого, достаточно сильная, десятитысячная неприятельская группировка 81-й дивизии (созданной на основе оперативной группы) была дислоцирована в районе Горажде, и, хотя ее главные силы

были сосредоточены на направлениях Вишеграда, Чайнича, Фочи и Рогатицы, находились они и на направлении Сербского Сараево в районе фронта от реки Прача, вдоль горного хребта Яхорина до подступов к поселку Тырново, и командование Сараевско-Романийского корпуса должно было тут с самого начала держать силы, равные двум батальонам.

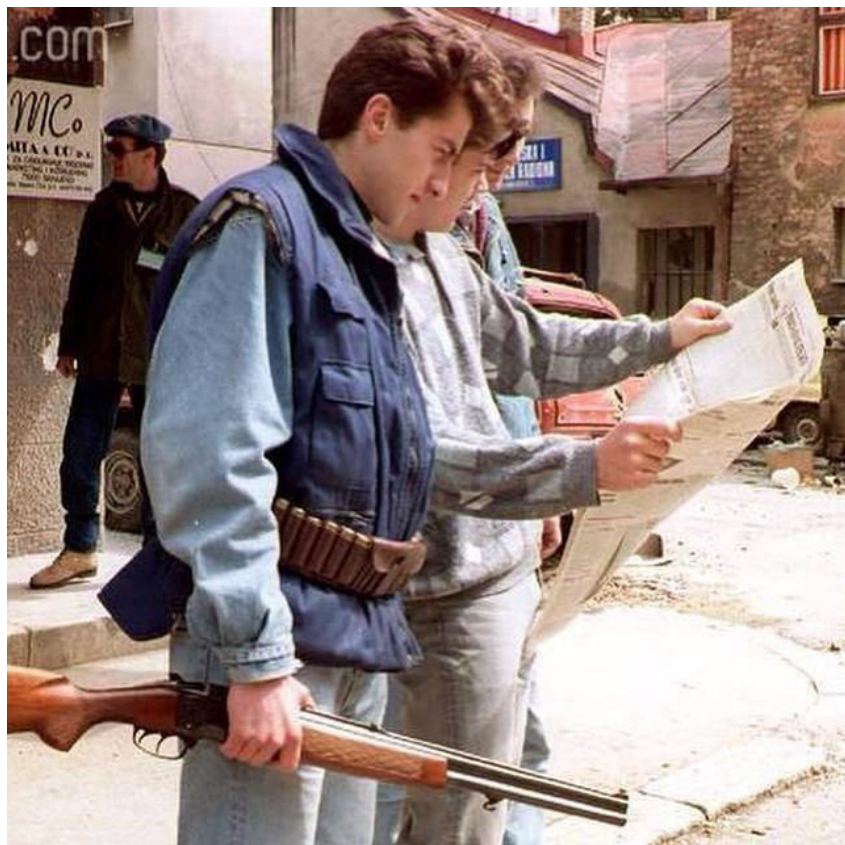
ФОТО 26. Фронт в Сараево

Примечательно, что в 1992 году мусульмане достигли больших успехов, нежели в 1993–1995 годах. Их ударные группы, вооруженные стрелковым оружием и незначительным количеством противотанковых средств, показали тогда, что могут захватить неприятельские позиции в городе и в горах. Они могли проводить операции как оборонительные, так и наступательные, против неприятеля, оснащенного бронетехникой, чему примеры — боевые действия на Добрине летом 1992 года, в районе Ступа в сентябре

1992 года и марте 1993 года, в июле 1992 под Жучем, в декабре 1992 в Соколье, в районе Бория в 1992 году. Разумеется, потери они несли немалые, но, с другой стороны, общая цифра боевых потерь в Сараево, составлявших 6104 мусульманина, 223 серба, 240 хорватов и 96 лиц иных национальностей [26], была не столь велика, учитывая, что в это число вошли потери погибшими как на внутренней, так и на внешней линии фронта Сараево. Снижившаяся позднее результативность мусульманских сил, возможно, объясняется тем, что большинство командиров боевиков, что отличились в 1992 году, впоследствии были либо убиты, либо погибли.

ФОТО 27. Боснийские солдаты в Сараево в 1994 году

Как писал в своей книге «Оборона Сараево» командующий 1-м корпусом армии Боснии и Герцеговины генерал Неджад Айнаджич, в 1993 году в составе сил 1-го корпуса насчитывалось 87009 военнослужащих, однако в боевых подразделениях на фронте насчитывалось только 38000 [26].

Правда, в состав корпуса входила еще Восточно-Боснийская оперативная группа в Горажде, а также ряд частей на горном массиве Игман, а также под поселком Олово, с внешней стороны Сараевского кольца, однако против себя они в большинстве случаев имели части и подразделения все того же Сараевско-Романийского корпуса ВРС. Очевидно, что в силу слабой первоначальной подготовки основной массы такой пехоты, ее в наступление на острие удара использовать нельзя, за исключением ее элитных сил.

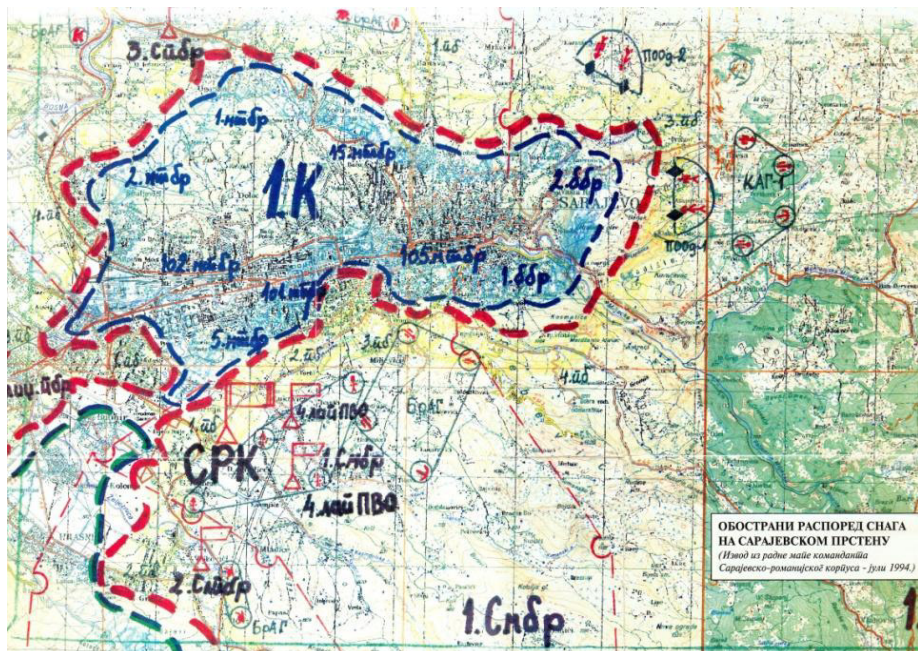
В данном случае показателен опыт Армии Боснии и Герцеговины. В этой армии большая часть батальонов и бригад были в полном смысле этого слова легкопехотными, не имея в них не только бронетехники, но и тяжелого вооружения, так что целые батальоны были вооружены только стрелковым оружием и ручными гранатометами, с тем, что часто не у всех были и просто карабины М-48 или автоматы М-70, так что немало из них ходило на позиции с охотничьим оружием или на нескольких человек был один автомат.

Самый многочисленный корпус Армии Боснии и Герцеговины, 1-й армейский корпус, состоял в 1994 году из девяти бригад, моторизованных (1, 2, 102, 101, 5, 15 и 105) и горных (1-я и 2-я), согласно штабной карте Сараевско-Романийского корпуса ВРС июля 1994 года, однако во многих бригадах этого 1-го корпуса имелось не больше десятка ручных гранатометов и несколько 60-мм минометов, что было нормой для обычной пехотной роты старой ЮНА, да и для большей части пехотных рот ВРС, а о бронетехнике можно и не вспоминать, ибо на все Сараево имелось всего пару танков, и одним из них командовал серб Славиша Шучур, награжденный высшей наградой Боснии и Герцеговины — «Золотой лилией».

Изначально в 1992 году боснийские мусульмане находились в худшем положении в отличие от боснийских сербов, за которыми стояла ЮНА и Сербия, и от боснийских хорватов, которым по-

мощь шла из Хорватии. Мусульманам негде было брать тяжелое вооружение — бронетехнику и гаубичную артиллерию, за исключением нескольких казарм ЮНА, которые им удалось захватить, как и ограниченное количество того, что им удалось купить у хорватов, до того, как те весной 1993 года развернули наступление на позиции Армии Боснии и Герцеговины. Ключевую роль в создании такой боеспособности сыграл моральный фактор, ибо отступить мусульманам было некуда, а сдача в плен была невозможна, и если уж на то пошло, то армию Боснии и Герцеговины создала политика «этнических чисток», а не политическое руководство США.

ФОТО 28. Штабная карта Сараевско-Романийского корпуса ВРС июля 1994 года // *Srdanović Slobodan. Pale — ratna hronika.* Beograd: Svet knjiga, 1998

В таких условиях командованию армии Боснии и Герцеговины просто было некуда деваться, и оно было вынуждено поддерживать в войсках культ «специальцев (спецназовцев)», ибо кто-то должен был воевать, вытягивая на себе политические решения.

Является правилом на войне то, что чем больше «усредняется» качество подразделения, тем ниже его общий уровень, так как любой боец, выполняющий ответственные боевые задания, знает, как один человек может послужить причиной поражения всей остальной группы, как в мусульманских вооруженных силах общее качество в 1992 году и различные «специальные», разведывательно-диверсионные, штурмовые и «интервентные» подразделения и части служили своеобразным паровозом, вытягивающим операции всей армии.

ФОТО 29. Военнослужащие Армии Боснии и Герцеговины в августе 1993 года // James Mason

Так, в армии Боснии и Герцеговины существовали такие штурмовые (специальные) подразделения, как «Акрепи», «Баста», «Джамимийски голубови» в составе 117-й бригады из Луковца, «Тигричи» и «Зелена стрела» (110-я бригада Бановичи), «Кыртице», «Витезови», «Тигрови» (203-я бригада — Тешань), «Читлучки вукови» (204-я легкая бригада), «Яничари» и «Табут» (Оперативная группа — Тузла), «Живинички осе» (Шестая оперативная группа — Живиницы), «Тигрови» (501-я горная бригада), «Чару-

ги» (503-я горная бригада), «Тайфун», «Хамзе», «Газии» (505-я горная бригада), «Фараоне» (511-я горная бригада), «Апачи» (517-я лака бригада), «Ночне птице» (1-я босанская бригада), «Ластэ» (отряд специального назначения МВД Боснии и Герцеговины), «Цырни Лабудови» (разведывательно-диверсионный отряд (усиленный батальон), подчиненный Генштабу армии Боснии и Герцеговины [27].

ФОТО 30. *Штурмовое подразделение «Ханжар» Армии Боснии и Герцеговины в Зенице в 1993 году*

Все эти подразделения и части на практике выполняли более широкий круг задач, нежели отводилось разведывательно-диверсион-

ным ротам в составе бригад и диверсионным батальонам в составе корпусов в ЮНА. Вели они не только разведывательно-диверсионные действия, но и играли ключевую роль в прорывах неприятельской обороны или в закрытии прорывов в собственной обороне. Не случайно во многих бригадах было по две-три разведывательно-диверсионные роты и дополнительно по одному штурмовому батальону, а разведывательно-диверсионные отряды корпусов и центрального подчинения имели численность от пяти-сот до тысячи человек и имели на вооружении даже собственную артиллерию и бронетехнику.

Создание армии Боснии и Герцеговины в какой-то мере соответствует теории «трех ступеней» партизанской теории Мао Цзедунa, с тем, что в данном случае, после незначительного нахождения на второй ступени — «партизанских» отрядов — армия Боснии и Герцеговины сразу перешла на третью ступень — создания регулярных воинских частей и «освобожденных районов». Подобная история создания не могла не отразиться на качестве ее командного состава, в котором находилось большое число «случайных» и просто «деструктивных» лиц, а данное обстоятельство и не обеспечило и равномерное возникновение различных «ударных» («интервентных», «специальных», «юришных») отрядов по всей площади, которую охватывала зона ответственности армии Боснии и Герцеговины. К тому же и качества подобные отряды были далеко неоднородного, и нередко многие их бойцы, а то и целые подразделения не соответствовали своему названию. Тем не менее иного пути, кроме создания подобных отрядов, в развитии армии Боснии и Герцеговины тогда не было. Армия Боснии и Герцеговины, в силу своего пехотного характера, большое внимание была вынуждена уделять тактике пехотных действий и правильному применению минно-взрывных устройств, переносных противотанковых средств и стрелкового оружия (в первую очередь снайперских винтовок).

После больших потерь 1992 и 1993 годов в Армии Боснии и Герцеговины в 1994–1995 годах сложилась следующая практика пехотных атак.

Так как основная масса мобилизованных боснийских мусульман была плохо подготовлена, а опытных офицеров, как и совре-

менной техники, боснийские мусульмане имели куда меньше, нежели сербы, то их подразделения, получая задачи по прорыву позиций противника, строились в два эшелона по одному-двум направлениям, при условии подавления огневых средств противника на небольшом участке. Также практиковали они просачивание одной или нескольких разведывательно-диверсионных групп в тыл противнику. После прорыва на одном, максимум на двух участках линии обороны противника силами штурмовых групп данной легкопехотной части Армии Боснии и Герцеговины они вводили в прорыв основные силы пехоты. Последней в этом случае уже ничего не оставалось, как наступать.

ФОТО 31. 101-я горная бригада 1-го Армейского корпуса Армии Боснии и Герцеговины в сараевском районе Храсно 28.12.1992

Благодаря подобной политике в 1992–1993 годах в Западной Боснии и появилось достаточно боеспособное соединение — 5-й корпус армии Боснии и Герцеговины. В силу закономерного отсутствия боевой техники, главную ударную силу этого корпуса составили отобранные из добровольцев подразделения, предназначенные для проведения как штурмовых операций по прорыву неприятельских линий обороны, так и для проведения разведы-

вательно-диверсионных операций. Так, например, рота, а позднее батальон специального назначения «Хамзе (или Хамзы) (Hamze)», созданный в составе 505-й бригады 5-го корпуса армии Боснии и Герцеговины, представляла собою пример «штурмового» подразделения армии Боснии и Герцеговины, и называть ее бандой уголовников, как это делали сербские СМИ, — значит не понимать самой войны в Боснии и Герцеговине, да и не только в БиГ.

Данное подразделение использовалось таким образом, что либо само находилось на острие атаки и затем совершало маневр в тылу противника, нападая на него с тыла, либо просачиваясь через его боевые порядки и затем нападая с началом фронтального нападения, либо устраивая засады подходящим резервам противника. Три ее командира — Асим Топалович, Мухарем Шахинович, Асим Байректаревич — погибли в бою, и данный факт показывает высокий уровень самоотверженности в ее рядах. Такой же тактикой действия отличался и разведывательно-диверсионный взвод «Газии (Gazije)» этой же 505-й бригады.

Разумеется, не только в 505-й бригаде, не только в 5-м корпусе, а во всех частях армии Боснии и Герцеговины в ходе войны возникали подобные штурмовые подразделения, чье становление происходило под воздействием практических нужд. К большому сожалению, сербы так и не учли в ходе войны изменений в тактике и организации мусульман, что и сыграло трагическую роль в 1995 году. 505-я бригада армии Боснии и Герцеговины (до своей реорганизации носившая название 105-я бригада), созданная в поселке Бужим, в данном случае выделялась во всем 5-м корпусе и была его главной ударной силой. Ее личный состав и командир Изет Нанич отличались высокими боевыми качествами, так что впоследствии бригада получила официальное название «Витезской» (гвардейской).

Сам Изет Нанич (1965 года рождения) закончил в 1987 году Военную академию (военное училище) в Загребе и до начала войны служил в силах ВВС и ПВО в ЮНА в Сербии. Встав во главе 105-й бригады в 1992 году, он сделал упор на развитие штурмовых подразделений в составе своей бригады.

ФОТО 32. *Изет Нанич*

Впоследствии, 19 декабря 1993 года в составе 505-й бригады был создан еще один диверсионный взвод «Тайфун (Tajfun)» в составе 2-го штурмового батальона 505-й бригады, и, таким образом, сама бригада приобрела качества «штурмовой» бригады и привлекалась ко всем важным операциям 5-го корпуса [28]. Так, в ходе операции «Муня-93» силы 105-й бригады были организованы таким образом, что основные штурмовые группы составляли разведывательно-диверсионные группы этой бригады — «Газии» и «Хамзы» — и также составленное из добровольцев отделение 3-го батальона и группа из состава 111-й бригады [28]. Силы самих батальонов должны были идти уже за штурмовыми группами. При этом полного боекомплекта

бойцы не имели, а патроны носили часто в карманах. От средств огневой поддержки они располагали лишь тремя минометами калибра 82 мм и двумя минометами калибра 60 мм.

Приблизившись к сербским позициям в районе Липы и «Кедичкой» высоты, группа «Хамзе» в 6 часов утра неожиданно ударила по всем огненным точкам сербов и за полчаса сломила их сопротивление на самых важных точках [28]. Сербское подкрепление, двинувшееся для поддержки своим, попало по дороге в засаду из бойцов из состава подразделения «Газии» и группы из добровольцев 111-й бригады, просочившихся перед этим через сербские позиции [28]. Мусульмане смогли захватить одну противотанковую пушку ЗИС калибра 76 мм, две зенитные установки калибра 20 мм, два миномета калибра 82 мм, шесть минометов калибра 60 мм и три безоткатных орудия калибра 82 мм, а на позициях остались тела 69 сербских бойцов [28]. Сербская артиллерия затем нанесла удар по позициям мусульман, от которого те имели восьмерых погибших (всего в операции у них погибло 17 человек), и до 14 января шли контрудары сербов, в том числе сил добровольцев из Сербии, однако вернуть потерянные позиции сербы не смогли [28].

В итоге командование ВРС решило наступательной операцией на направлении Радоч — Бужим — Цазин — аэродром Желява пересечь Западную Боснию на две части и так покончить с 5-м корпусом. Главной целью операции «Бреза-94» был выбран Бужим. Операцией ВРС на позиции 505-й и 511-й бригад 5-го корпуса командовал лично генерал Ратко Младич, и на командном месте вместе с ним находился и командующий 1-м «Краинским» корпусом генерал Момир Талич [28]. Три дня по позициям мусульман велся артиллерийский и стрелковый огонь, в том числе из ПТРК «Малютка» по позициям и РСЗО «Оркан» по городам Цазину и Бужиму [28]. Сербское наступление началось 3 сентября в районе Радоча на главном направлении Чулумак — Радоч и на вспомогательных на высоты Николина Главица и Кедича Главица и на плато Чорковача [28].

В ходе наступления сербским войскам удалось продвинуться вперед, но перед вводом в бой основных сил, когда во второй по-

ловине дня сербские подразделения сделали передышку, в ночь с 11 на 12 сентября, разведывательно-диверсионные группы мусульман, основу которых составляли подразделения 505-й бригады «Хамзы», «Газии» и «Тайфун», общей численностью до полутысячи человек, просочились через боевые порядки сербов [28].

ФОТО 33. Подразделение 505-й бригады — «Хамзы»

Утром 12 сентября сербские танки, ведя огонь, двинулись в наступление на позиции мусульман, и в это же время разведывательно-диверсионные группы мусульман, вооруженные гранатометами, напали на сербский тыл — на место, где находились боеприпасы, складированные в укрытиях и в грузовиках [28]. После взрывов последних, оказавшихся под огнем мусульман, в части сербских подразделений началась паника, тогда как остальные сербские подразделения оказались на какой-то момент без связи и командования, ибо сам Младич в нападении был ранен на своем командном месте на Чулумку снарядом мусульманской ПТ пушки ЗИС-3 и эвакуирован с поля боя [28]. В итоге сербские войска отступили, потеряв десятки человек убитыми и ранеными.

Силы 5-го корпуса под Бихачем перешли тогда в наступление, и 25 октября силы 505-й бригады прорвали сербскую линию фронта под казармой ВРС «Гырмеч» [28]. Воодушевившись успехом, в ночь с 31 октября на 1 ноября силы 50-й и 511-й бригад пе-

реправились на лодках через переполненную реку Уну и, высадившись в районе Босанской Крупы, утром захватили села Остружница, Колаевац и Цер, разбив подразделения сербской «Босанско-крупской» бригады [28]. В этот же день на реке Уне была установлена переправа, по которой, в силу стрелкового огня сербов, возможно было переправляться лишь ночью [28].

Тыловое снабжение у мусульман, согласно Веладжичу, работало плохо, и высадившиеся на другой берег подразделения испытывали недостаток в снабжении, а вдобавок в ходе операции была совершена замена позиций 505-й бригады силами 511-й бригады, первыми хотевшими войти в свой город [28]. Сербы же, оправившись от неожиданности и получив подкрепление, перешли в контрнаступление на позиции 505-й и 511-й бригад [28]. Попытка дальнейшего наступления мусульман была сербами остановлена у высоты Облей, чем было остановлено и все наступление на поселок Говедарицу — пригород Босанской Отоки [28]. Силы 505-й бригады попали тут практически в окружение на два дня, и лишь переброска нового подразделения восстановила связь с войсками [28]. В итоге 10 ноября было принято решение командования вывести войска с плацдарма, и мусульмане, заминировав местность за собой и уничтожив захваченную технику, ночью перебрались на свой берег реки Уна [28].

Армейские же разведывательно-диверсионные и штурмовые подразделения исходили из фронтовых нужд, и тут препятствием не являлось отсутствие гражданства. Поэтому в рядах армии Боснии и Герцеговины, в первую очередь в ее «специальных» подразделениях, было немалое число «санджаклий» — мусульман-уроженцев Санджака (области в Сербии и Черногории), хотя, с другой стороны, в этих подразделениях, особенно в «специальных» силах МВД, встречались и хорваты, и сербы. Немало в таких подразделениях было и тех, кто вынужден был бежать из своих домов, оставшихся у «агрессоров», а смерть родных и близких была той силой, которая толкала их вступать в эти подразделения [27].

Утверждения об «огромных» потерях мусульман в этой войне, так как они якобы «телами заваливали позиции сербов и хорватов», не соответствуют действительности. Как доказательство

можно привести данные исследовательского документационного центра Боснии и Герцеговины (Research and Documentation Center (RDC) of Bosnia and Hercegovina), опубликованные в декабре 2005 года. Согласно данным директора этого центра, находящегося в Сараево, Мирсада Токачи, опубликованным в газете «Независне новине» в номере от 16.12.2005 года, в ходе войны 1992–1995 годов в Боснии и Герцеговине погибло 93837 человек, на которых имелись все данные, и еще около 4000 человек не было идентифицировано к декабрю 2005 года. Из этого числа 30173 были гражданские лица «бошнякской» национальности, 2076 — гражданские лица хорватской национальности и 1973 — гражданские лица сербской национальности. Что касается погибших военнослужащих, то 30173 погибших были военнослужащими «бошнякской» национальности, 21399 — военнослужащими сербской национальности и 2619 — военнослужащими хорватской национальности, тогда как остаток приходится на представителей «остальных» национальностей, так как известно, что Армия Боснии и Герцеговины была самой многочисленной по численности.

К концу 1994 года, согласно книге начальника Генерального штаба генерала Сефера Халиловича «Лукавая стратегия», в рядах армии Боснии и Герцеговины насчитывалось 228368 военнослужащих и процент ее боевых потерь одинаков с потерями ее куда лучше вооруженных и оснащенных противников [29]. При этом в этих данных не пишется о потерях Армии Югославии, полиции Сербии, как и армии и полиции Хорватии, также принимавших участия в войне в Боснии и Герцеговине. Основную массу потерь армия Боснии и Герцеговины понесла в 1992 году, когда они действительно были несоразмерно велики. Сербские боевые потери тогда были относительно невелики, но со второй половины 1993 года они стали расти. Тогда-то война и стала приобретать все более упорный характер, и ее исход стали решать небольшие пехотные штурмовые группы, осуществлявшие прорывы на фронте, проходившем, главным образом, в горной лесной местности.

В этих условиях созданные в 1992 году, в условиях борьбы с превосходящими силами противника, подразделения и части Армии Боснии и Герцеговины показали достаточно приемлемую боеспо-

способность, и как раз благодаря повышенному вниманию к созданию различных «специальных», штурмовых, разведывательно-диверсионных подразделений и частей и произошел скачок в качестве армии Боснии и Герцеговины в 1993–1994 годах. К тому же с приходом на должность начальника Генерального штаба армии Боснии и Герцеговины генерала Расима Делича летом 1993 года, в армии началась военная реформа, и целый ряд бригад был перестроен, так что были выделены части, предназначенные для маневренных действий, а остальные бригады должны были держать позиции.

Помимо этого, к 1995 году были усилены эти существующие разведывательно-диверсионные роты и батальоны, в чем командирам бригад была предоставлена инициатива, и были созданы разведывательно-диверсионные отделения — взводы в батальонах. При обороне разведывательно-диверсионные и штурмовые или, проще говоря, «ударные» подразделения Армии Боснии и Герцеговины занимали позиции на второй линии обороны, дабы воспрепятствовать прорывам противника и бегству собственных войск с позиций. В горах и городах Армия Боснии и Герцеговины отводила важную роль разведгруппам, которые создавались в большом числе, с задачами определить все возможные пути сообщения и укрытия, в особенности подземные. В случае прорыва противника их главной задачей было не дать противнику расширить свой плацдарм, нанося по нему постоянные удары. В это время основные силы стягивались к месту прорыва, сообразно указаниям штаба, постепенно сжимая кольцо вокруг противника.

Стоит отметить, что в данном случае Армия Боснии и Герцеговины достаточно эффективно использовала все виды вооружения, пусть даже устаревшее. В этом отношении была рациональна практика в США, от которой ныне они отказались в связи с профессионализацией и сокращением армии, когда свою устаревшую боевую технику Армия США передавала на вооружение Национальной гвардии США. В Югославской войне оказалось, что и танк времен Второй мировой войны М-4 Шерман эффективен как огневая точка, тогда как и танки М-47 и Т-34/85 достаточно эффективны и в маневренном бою. Достаточно дешевым и эффек-

тивным путем усиления огневой мощи своей пехоты для командования Армии Боснии и Герцеговины было вооружение ее достаточно простыми в обслуживании и дешевыми в производстве минами, чье производство, как и боеприпасов к ним, было организовано на местах.

При действиях со стороны противника танковых и механизированных сил легкопехотные подразделения и части Армии Боснии и Герцеговины концентрировались на создании очагов обороны в населенных пунктах и в труднопроходимой местности, осуществляя минирование открытых участков и подготавливая здесь огневые точки с ПТРК, противотанковыми орудиями и с танками, используемыми как самоходные противотанковые орудия. Тяжелым вопросом для Армии Боснии и Герцеговины было противодействие сербской артиллерии и сербской авиации в 1992 году, и тут легкая пехотная масса Армии Боснии и Герцеговины была самой уязвимой. Со временем командование Армии Боснии и Герцеговины пришло к закономерному выводу, что единственное средство противодействия артиллерии и авиации противника — не отправлять в тыл сербским войскам подразделения диверсантов, которые сербы, обнаружив с первыми выстрелами, тут же накрывали артиллерией и авиацией, а заблаговременное устройство позиций и максимум маскировки, при условии рассредоточения сил и средств.

В силу этого все без исключения подразделения пехоты Армии Боснии и Герцеговины привлекались к устройству позиций. В какой-то мере было бы разумно командование Армии Боснии и Герцеговины в каждой своей пехотной роте иметь инженерно-строительный взвод с соответствующей строительной техникой, мобилизованной в гражданской сфере для строительства позиций. Это дало бы возможность пехотным подразделениям, при условии соблюдения правил маскировки, защитить себя от систем управляемого оружия, тем более что легкая пехота, в отличие от мотострелковых и танковых подразделений, не имеет столь большого числа источников ИК и радиолокационного отражения. В условиях современного боя, без учета возможности ведения разведывательно-диверсионных действий, легкая пехота может эффективно

противостоять современной технике лишь в обороне, и то при устройстве долговременных узлов обороны в городской и горно-лесистой местности либо на иных труднодоступных участках.

В данном случае потребуется создание и инженерных сооружений и их боевое и тыловое обеспечение, и потому подобные части легкой пехоты следует оснащать куда большим, чем другие части, числом инженерно-строительной техники, саперных подразделений, оснащенных большим количеством минно-взрывных устройств, минных укладчиков и средств дистанционного минирования. Показательно, что в Армии Боснии и Герцеговины придавали большое значение инженерно-строительной службе, что являлось единственной гарантией ее защиты в обороне, и создавали большое число инженерных и строительных подразделений.

ФОТО 34. Военнослужащая Армии Боснии и Герцеговины Эмина Бакич на позициях

Это доказывает необходимость наличия в составе легкой пехоты большего, нежели принято в регулярной армии, числа инженерных, строительных, а также автодорожных, железнодорожных подразделений, что даст возможность подобным легкопехотным

частям как самостоятельно оборонять те или иные районы, так и обеспечивать быстрое и надежное продвижение танково-механизированных подразделений и частей регулярной армии через «свою» территорию. При этом все стороны в конфликте в Боснии и Герцеговине имели практику принудительной мобилизации в так называемые «рабочие взводы» (радни вод) той части населения, которая была не пригодна для пополнения боевых частей в силу того, что принадлежит к «национально» неблагонадежным группам. Эти взводы были важной частью подготовки боевых позиций, причем показательно, что во многих сербских частях личный состав вообще отказывался проводить строительные работы на позициях, требуя для этого «рабочие взводы».

Сама Армия Боснии и Герцеговины имела слабое место в области планирования операций в оперативном звене, вследствие недостатка опытного и подготовленного командного состава. Успех их «специальных» отрядов в начале войны не использовался должным образом штабами корпусов и бригад, а в самой армии Боснии и Герцеговины не существовало единой организации, которая как раз бы и обеспечивала выдвижение командного состава из подобных кадров. Данное обстоятельство могло бы повлиять к лучшему и на действия армии Боснии и Герцеговины, ибо чем качественнее проводится выдвижение командных кадров, тем лучше усваивается в войсках военное дело и, соответственно, совершенствуется тактика боевых действий, что, в свою очередь, открывает простор для все более успешного оперативного искусства.

На практике же, вследствие характера создания данной армии, в штабах оказалось немалое количество номенклатурных работников из старого партийно-хозяйственного аппарата, а также имамов и местных мафиози, и все они оказывали немалое влияние на планирование операции, следуя нередко личным целям либо целям своих родных, соседей, коллег и различных деловых партнеров, что в условиях восточной среды Боснии и Герцеговины приобрело характер своего рода «роя», в котором ключевую роль играли связи и интриги, а не личные способности. Вследствие давления этой среды даже самые способные офицеры были вынуждены действовать с оглядкой, а притом часто доверия между ними и их

подчиненными не возникало. В тылу царила коррупция, и деньги, поступающие в виде помощи, в открытую растрачивались, тогда как большое число лиц открыто пренебрегало воинской службой под различными предлогами.

В силу этого большой моральный подъем бойцов «специальных», штурмовых, разведывательно-диверсионных отрядов со временем пал, тем более что должного вознаграждения (как морального, так и материального) они не получали. Большой ошибкой мусульманского руководства было то, что оно приказом не отправляло часть своих офицеров в подобные подразделения и части для их временной «обкатки». Также ошибкой мусульманского командования было и то, что эти отряды с самого начала не были поставлены в самый центр военной организации, и именно им передавали бы всю немногочисленную боевую технику и все новые системы вооружения, увеличивая их со временем и численно.

Не обошли также стороной мусульманские вооруженные силы и обычные в этой войне столкновения старых офицерских кадров ЮНА с новыми военными командирами. Тут многое было неоднозначно, и хотя офицерские кадры ЮНА обладали достаточно высокой подготовкой, да и в силах «специального назначения» бывшей ЮНА было много мусульман, как офицеров, так и солдат, хотя, надо заметить, что далеко не все они перешли на сторону Изетбеговича, сам характер войны требовал более инициативных командиров, и вот тут и появлялись новые военные кадры не только волей политиков наверху, но и из-за требований снизу. Еще одной проблемой для армий, созданных на базе ополчения, то есть такой легкой пехоты, является вопрос командования. Сам боевой опыт и храбрость командиров начала войны, как и первые успехи в бою против регулярной армии, давали им чрезмерную самонадеянность, и, когда благодаря политической поддержке, они брали под командование бригады и дивизии, то сразу проявлялась их слабость в области оперативного искусства.

Типичным примером является операция сербских войск «Коридор», проведенная в западной части Боснии и Герцеговины против тогда объединенных сил хорватов и мусульман под общим командованием ХВО (Hrvatsko vijeće obrane — HVO) — Хорватского

совета обороны, усиленного введенными из Хорватии частями созданной в 1991 году армии Хорватии. Боснийские мусульмане тогда частью вступали в созданные весной 1992 года местные части ХВО, а частью образовывали собственные отряды в составе Территориальной обороны, а также организации «Патриотская лига» (Patriotska liga). Сами сербские войска в этой части Боснии и Герцеговины представляли собою практически ту же самую ЮНА (Югославскую Народную Армию), пополненную лишь местными сербами, тогда как армия Хорватии, располагавшая значительным числом бронетехники и артиллерии, как и противотанковыми средствами и средствами ПВО, имела небольшое количество командных кадров с военным образованием. Слабость хорватского командования показала себя уже 7 апреля 1992 года, когда последовало сербское наступление на Купрес. Главную роль в этом сыграло наступление сил 9-го «Книнского» корпуса ЮНА под командованием генерал-майора Саво Ковачевича, чьей тактической группой, шедшей на Купрес, командовал полковник Славко Лисица.

Танки 9-го (Книнского) корпуса быстро прорвали хорватские позиции и далеко отбросили противника по направлению к соседним городам Ливно и Бугойно, где хорватско-мусульманские силы уже успели утвердить свое положение. Разгромлен тогда же был противник и под соседними городами Шипово и Мырконич-Град силами 5-го (Банялукского) корпуса ЮНА, отбросившего противника к городу Яйце. В данном случае хорваты, имевшие до этого опыт действий против ЮНА на своей территории, где они, как правило, либо осаждали казармы ЮНА, либо организовывали оборону своих городов и сел, обнаружили, что регулярная армия все-таки имеет преимущество над их войсками.

Ведь хотя формально последний военнотружущий ЮНА покинул западную часть РС 19 мая 1992 года с аэродрома Маховляны (Баня-Лука) и командование перешло в руки офицеров созданной 12 мая 1992 года в Республике Сербской армии — ВРС (Војско Републики Српске-Армия Респблики Сербской), на деле ВРС представляло собой все ту же ЮНА с ее кадровыми офицерами, командовавшими абсолютным большинством частей и подразделений, до батальона включительно, и большей частью подразделе-

лений звена рота-батарея. 5-й корпус ЮНА, дислоцированный в районе Баня-Луки, находился в полном составе в штатах военного времени и был пополнен резервистами из числа местных сербов. Согласно этим штатам, в этом составе корпус уже получил опыт в боевых действиях в Хорватии и с созданием 12 мая 1992 года ВРС был лишь переименован в 1-й Краинский (Краишники) корпус.

При этом штаб 5-го корпуса тогда еще находился в Западной Славонии, так что произошел своего рода абсурд, заключавшийся в том, что Республика Сербская, только возникнув, уже имела свою армию на территории другого государства. В этот корпус были также включены легкопехотные бригады, вновь созданные части путем мобилизации местных сербов и приема добровольцев на базе «партизанских» частей ЮНА, которыми в бывшей СФРЮ назывались пехотные кадрированные части. Так же в 5-й корпус были включены силы Территориальной обороны, также переформируемые части 17-го Тузланского корпуса, чьи места дислокации оказались во многом на территориях под контролем хорватов и боснийских мусульман. Также в Баня-Луке местные добровольческие сербские силы СОС (сырпски одбрамбени снаге — сербские оборонительные силы) действовали в координации с ЮНА. Командиром корпуса остался тот же Момир Талич, который им командовал и ранее.

К началу июня в составе корпуса было две танковые (1-я и 2-я), три моторизованные (16-я «Краинская», 43-я «Приедорская», 27-я «Дервентская»), пять пехотных (6-я Санская, 11-я Дубицкая, 2-я Краинская, 5-я Козарская, Требавская) и одиннадцать легких (Вучьячка, Кырниньская, 2-я Посавинская, Добойская, Осиньская, Пырняворская, Сырбачкая, Лакташская, Тесличская, 1-я и 2-я Озренские) бригад, а также отдельные батальоны военной полиции 1-го Краинского корпуса и оперативной группы «Добой», а также добровольческие отряды как местные, так и из Сербии [30]. Сам корпус в то время еще подчинялся де-факто командованию ЮНА в Белграде, тогда как с «Главным» (Генеральным) штабом ВРС в Хан-Пиеске надежной связи, кроме как по радио, не было.

По сути находившийся в Баня-Луке штаб 1-го Краинского корпуса в то время был главным военным командованием в западной

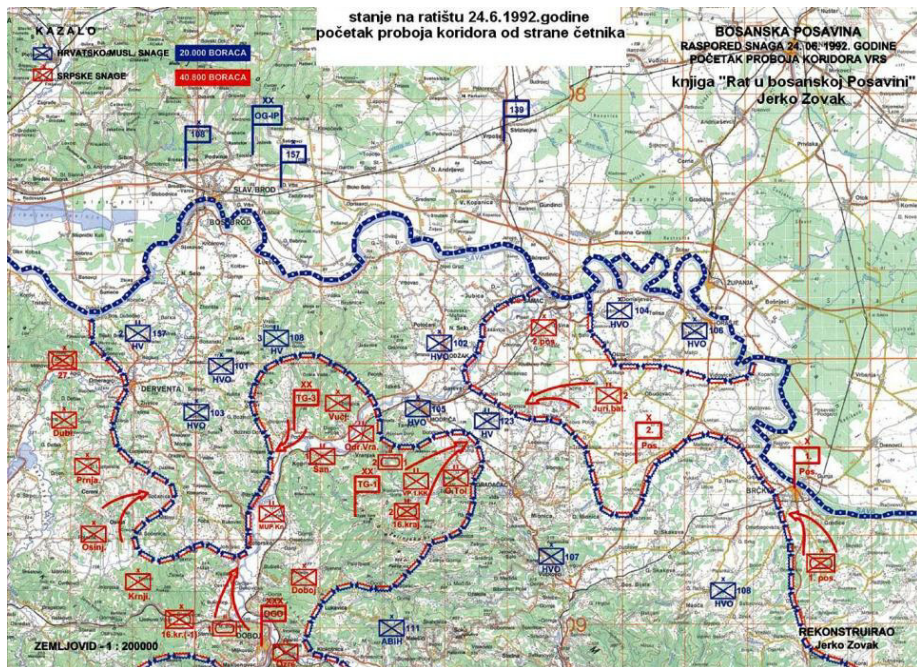
части РС. В это же время на базе 10-го корпуса ЮНА, выведенного из Бихача в Западной Боснии, был создан 2-й Краинский корпус со штабом в Дырваре. Этот корпус в своих действиях почти полностью зависел от сил 1-го Краинского корпуса и действовал совместно с ним. К тому же сербская сторона смогла воспользоваться перемирием в Хорватии и войска Республики Сербской Краины, сведенные, в силу политических ограничений, в отдельные батальоны под командованием МВД, в количестве нескольких условных бригад, приняли участие в боевых действиях в составе сил 5-го корпуса (1-го Краинского) западной части Боснии и Герцеговины под командованием Милана Мартича.

По сути же эти силы Республики Сербской Краины состояли из личного состава и боевой техники 9-го Книнского корпуса, с включением в их состав подготовленных в лагере ДБ (госбезопасности) Сербии в Голубичах под Книном отрядов местных добровольцев. В Республике Сербской имелись и собственные силы МВД, также принявшие прямое участие в боевых действиях в операции «Коридор-92». Помимо этого, ДБ (госбезопасность) Сербии провела тогда немалую работу по обучению местных добровольцев и по отправке сюда же как добровольцев, так и своих сотрудников из Сербии, чьи подразделения прикомандировывались к армейским частям. Силы государственной безопасности Сербии занимались разведывательно-диверсионной деятельностью, захватывали отдельные объекты и вели «полицейскую» зачистку, чем обеспечивалась определенная устойчивость в действиях главной массы сербских войск.

В сербских войсках едва ли не каждая бригада имела хотя бы несколько десятков единиц бронетанковой техники, а регулярные бригады Баня-Лукского корпуса, в особенности его 1-я и 2-я танковые и 16-я моторизованная бригады, были этой техникой укомплектованы на вполне современном уровне. Правда, надо учитывать, что бригады использовались далеко не в полном составе, в виде сводных отрядов, так как помимо участия в операции «Коридор-92», бригады должны были оборонять места своей постоянной дислокации, а точнее — свои родные села и города, бывшие им дорожке «освобождаемых земель». В составе сил 1-го Краин-

ского корпуса в операции «Коридор» действовали Челинацкая (из Челинца) бригада, 1-я легкопехотная Банялукская (из Баня-Луки) бригада, 6-я Санская (из Санского Моста) бригада, Приедорская (из Приедора) бригада, Козарская (из Козарской Дубицы) бригада, 1-я танковая бригада, Лакташская (из поселка Лакташи) бригада, 11-я Дубицкая (из Козарской Дубицы) бригада, 16-я Краинская моторизованная бригада, 2-я танковая бригада, Мырконичская (из Мырконич града) бригада [31].

ФОТО 35. Хорватская карта первой фазы операции сербских войск «Коридор» 24.08.1992 // Zovak Jerko. Rat u Bosanskoj Posavine 1992. Slavonski Brod: Posavska Hrvatska d.o.o., 2009. 770 str.

Командовавшие операцией командующий 1-м Краинским корпусом генерал-майор Момир Талич и начальник штаба генерал-майор Бошко Келечевич свои силы разделили на четыре тактические группы. Одна тактическая группа, под командованием полковника Миливоя Симича, одновременно командующего оперативной

группой «Добой», действовала вокруг Добоя, а затем должна была идти на Тешань [31]. Вторая тактическая группа, под командованием полковника Славко Лисицы, созданная 10 июня 1992 года на основе 2-й танковой бригады, должна была взять Дервенту [31].

Главный же удар должна была нанести тактическая группа полковника Новицы Симича, в составе которой были 1-я танковая и 16-я моторизованная бригады, как и силы МВД РСК [31]. Эта группа должна была ударом через Модричу установить коридор, соединившись под Шамцем с силами 2-й Посавинской бригады из Шамца, а затем с сербскими силами в Бырчко [31]. Наконец, четвертая тактическая группа подполковника Радмило Зелая должна была нанести удар на Градачац, обеспечивая этим правый фланг группе Новицы Симича.

Сербское наступление началось 8 июня, когда был взят Йоховац, а затем 17 июня были прорваны хорватские позиции под поселком Цер [31]. Потом, после нескольких дней боев, сербы взяли 28 июня Модричу и тем самым смогли обеспечить соединение с сербскими силами под Шамцем и Бырчко, также поразившими неприятеля [31].

В это же время силы 2-й Посавинской бригады разбили хорватские силы, взяв село Корницы, после чего противник бежал по направлению к Оджаку и Градаццу. Затем были захвачены и хорватские села Горни Хасич, Дони Хасич, Ново село, Хырватска Тишина, откуда население также бежало [31]. Силы РСК смогли разбить противника на направлении Добой — Кула — Якеш, тогда как силы 1-го Краинского корпуса разбили противника по направлению Скугрич — Живко поле. 26 июня в районе Живко поля — станции железной дороги Модрича-Градачац силы 2-й Посавинской бригады и 1-го Краинского корпуса и силы РСК соединились. Тем самым операция «Коридор» полностью удалась, и уже 27 июня пошли первые сербские конвои по направлению к Баня-Луке [31]. 28 июня 1992 года сербы взяли Модричу силами 1-го Краинского корпуса и силами МВД РСК, затем 4 июля с боями они захватили Дервенту в ходе довольно упорных боев. После этого сербские войска двинулись на Босанский Брод, но тут пришел приказ на остановку наступления, и они остановились в десятке километров от Босанского Брода, в районе сел Дони и Горни, Кошбе и Збориште.

ФОТО 36. Линия фронта в районе Модричи, Оджака, Градацка и Бърчко в ходе операции «Коридор-92» // Журнал «Вучьяк» (Добой). 16.08.1999

Силы 1-го Краинского корпуса развернули наступление и на Оджак, и после боев в районе сел Гребницы и Домалевиц силы 6-й Санской бригады этого корпуса, также как и 2-й Посавинской бригады, форсировав реку Босну в районе села Цырквина, нанесли фланговый удар хорватским войскам, оборонявшим Оджак. В хорватских рядах началась паника, что способствовало успешному наступлению основных сил 1-го Краинского корпуса, взявших 15 июля Оджак. Хорватская армия и полиция, как и хорватско-мусульманские силы

ХВО, отступили по направлению к Босанскому Броду и к Орашью, а с ними эвакуировалось и хорватско-мусульманское гражданское население.

Операция «Коридор — 92» является самой масштабной наступательной операцией сербских войск, с наилучшими результатами практически во всей югославской войне как раз потому, что ничьи личные стратегические и тактические выкладки на ее ход не влияли. Хорваты и мусульмане, понеся большие потери в Босанской Краине и Посавине, потеряли также там и большой экономический потенциал, тогда как у сербов освободились дополнительные силы. Разумеется, операция «Коридор — 92» удалась во многом потому, что сербские горные районы Вучьяка (между Дервентой, Бродом и Модричей), Кырнявы (между Добоем, Дервентом и Прнявором), Требавы (между Добоем, Модричей и Грачаницей) и Озрена (между Добоем, Маглаем, Луковцем и Грачаницей) с самого начала выступили самостоятельно, с собственной вооруженной силой, и стали надежным тылом для сербских войск.

Тем не менее войска боснийских мусульман, если так можно назвать их вооруженные отряды, смогли остановить сербов на направлении Тешня. Здесь, как и под соседним Маглаем, боснийские мусульмане остановили сербские войска, наступавшие на поселок Елах со стороны Добоя (в районе Матузичей) и со стороны Теслича (в районе Хаткины нивы). Достаточно успешное поначалу наступление сербских штурмовых и разведывательных подразделений из Добоя и сил 2-й танковой бригады 1-го Краинского корпуса было остановлено противотанковыми группами мусульман, и несколько танков и БТР было сожжено с их экипажами у моста через приток реки Босны — Усору. Затем с направления Теслича и Елаха мусульмане смогли нанести контрудар 12 июля и прорвать сербскую оборону на ближних к Добюю позициях (линия Путниково брдо — Мильковац). Сербы отбросили их назад, потеряв, правда, четыре десятка человек и больше сотни раненых, тогда как, для сравнения, во всей операции «Коридор-92» все сербские потери были до 300 погибших.

Большим оперативным проигрышем Армии Боснии и Герцеговины была и сербская наступательная операция «Лукавац» в рай-

оне Сараево, с задачей освобождения поселка Тырново, захвата всего горного массива Игмана и полного окружения Сараево, включая аэродром Сараево, на котором тогда находились миротворческие войска ООН. Тогда в Сараево 8 июня по сути произошел государственный переворот, ибо Халиловича на должности главнокомандующего армией заменил Расим Делич, тогда как Халиловича временно оставили на должности начальника Генерального штаба, а министром внутренних дел Боснии и Герцеговины стал Бакир Алиспахич, близкий с кланом Изетбеговича. Из-за подобных неурядиц командование 14-й дивизии армии Боснии и Герцеговины осталось без поддержки.

ФОТО 37. *Линия фронта в районе Добоя в ходе операции «Коридор-92» // Журнал «Вучьяк» (Добой). 16.08.1999*

В силу этого мусульманские войска на Игмане оставались пассивными. Создание отдельного 6-го корпуса со штабом в Конице

(командующий Салко Гушич, затем Галиб Ходжич), с зонами ответственности на Игмане, Трескавице, Белашнице, усугубило положение. Этот корпус, численностью в 8 тысяч человек, в любом случае нуждался в постоянной посылке подкреплений из других корпусов. Это порождало дополнительную неразбериху в командовании, хотя по логике эту зону надо было подчинить командованию 1-го корпуса. Примечательно, что за месяц до сербского наступления на Тырново и Игман с Игмана приказом сверху были отведены «ударные» части Армии Боснии и Герцеговины — 17-я «Краинская» бригада и разведывательно-диверсионный отряд генерального штаба Боснии и Герцеговины «Цырни Лабудови» («Черные лебеди»).

ФОТО 38. *Разведывательно-диверсионный отряд генерального штаба Боснии и Герцеговины «Цырни Лабудови» («Черные лебеди»)*

Сербы решили использовать подобную ситуацию и в начале июля 1993 года организовали наступательную операцию по захвату поселка Тырново и горного района Игмана, с целью соединения со своими позициями в Герцеговине, а также с целью полного отсечения района аэродрома в Сараево и соседней мусульманской Храсницы от позиций армии Боснии и Герцеговины в районе Кониц.

Операция «Лукавац-93» была самой масштабной наступательной операцией ВРС после «Коридора-92». В этой операции численность сербских войск достигла десятка тысяч человек, что было для местных условий довольно много. В сборе войск для этой операции опять применялась обычная тогда практика отправки в операцию сводных составов из бригад. В данном случае главным образом были использованы отряды бригад Сараевско-Романийского корпуса ВРС: 1-й Сараевской, 1-й Романийской, Илджанской, Игманской бригад и отдельные подразделения 2-й Сараевской бригады, в чьей зоне ответственности и находились подступы к поселку Тырново — главной цели операции, как и бригады Герцеговинского корпуса — Фочанской, Невесинской, Коницкой, Калновчанской и Гатчанской бригад, бригады Главного штаба ВРС — «Сырпске гарды», а с ходом операции сюда были направлены и подразделения из других бригад и корпусов ВРС, в первую очередь из Дринского и 1-го Краинского корпусов. Были также привлечены подразделения корпусного подчинения — разведка, военная полиция, а также силы МВД, в первую очередь специальная милиция.

Само Тырново пало довольно быстро, чуть больше, чем за неделю после начала операции 11 июля 1993 года, и противник сопротивлялся не особенно упорно. Разбитый на перевале Рогой силами Герцеговинского корпуса, взявших штурмом его позиции, и на высоте Орловац, на которую вышел сводный отряд 1-й Сараевской бригады, противник после первых своих потерь от сербского огня, в первую очередь танков, в ближний бой вступать не хотел, а начинал отступать, точнее бежать. Пожелай сербское командование — мало кто из мусульман смог бы уйти из Тырново и соседнего села Киево по извилистым и труднопроходимым горным дорогам Игмана и Белашницы. За само Тырново никаких боев не было,

и удивительно, почему вообще местный мусульманский офицер Адем Зулич решил возвратиться в Тырново за какими-то документами, где тут же попал в плен. Правда, тогда возникло одно недоумение, так как первыми в Тырново вошли бойцы сводного отряда капитана Славко Алексича из состава 1-й Сараевской бригады, но в газетах было указано, что первой вошла бригада «Сырпске гарды» Главного штаба ВРС.

Однако было это не столь важно, ибо Тырново не было Вуковаром. Все же падением Тырново был достигнут определенный успех, так как, во-первых, для Республики Сербской открывался путь из Луковицы и, соответственно, из Пале в Герцеговину, и два корпуса — Сараевско-Романийский и Герцеговинский — смогли «связать» свои линии обороны. Потери в сербских силах в ходе операции были малы, в пару десятков убитых и раненых, и то, что мусульманские силы так легко оставили в полном окружении свой анклав Горажде, говорит о большой их тогдашней общей слабости, в том числе в области как командования, так и морали и дисциплины. После этого сербские войска двинулись на горные массивы Трескавица, Игман и Белашница и дошли под огнем противника до отеля «Игман», под вершиной Белашницы. В лежащем за Белашницей поселке Храсница в рядах армии Боснии и Герцеговины началась паника. Если бы сербские силы взяли этот поселок, то этим они пресекли бы последний путь из Сараево через подземный тоннель под сараевским аэродромом, отрезая уже и сараевский аэродром, а 1-я и 2-я Сараевские бригады смыкались бы с Илиджанской бригадой, шедшей с противоположной стороны на этот же Игман. Генерал Младич, лично командовавший сербскими войсками в операции, готов был продолжить операцию и был остановлен благодаря лишь приказу Милошевича.

Точно такая же судьба ожидала операцию сербских сил по взятию Горажде, предпринятой сразу же после остановки операции «Лукавац — 93». Под Горажде сербские силы в августе 1993 года смогли взять большую часть территории этого анклава. Наибольшие успехи были достигнуты со стороны Вышеграда, откуда сербские силы наступали вдоль автодороги и реки Дрина и сумели занять села до Усти-Прачи включительно, то есть почти до

окрестности Горажде. В тоннелях в сербские руки попало несколько неприятельских танков и других бронемашин. Было захвачено немало трофеев и пленных. В то же время со стороны Пале продвижения вперед почти не было. Это было следствием прошлого провала от 12 июня, когда сербские силы из состава специальной милиции и 1-й Романийской бригады, несмотря на довольно сильную поддержку танков и артиллерии, так и не смогли прорвать неприятельские линии обороны под Ораховцами и возвратились, не дойдя до траншей и потеряв до полутора десятка мертвыми и до полусотни ранеными. Впрочем, операция под Горажде все равно не была доведена до конца, опять-таки по политическим причинам.

В начале апреля 1994 года была еще одна новая наступательная операция сербских войск под командованием генерала Младича под Горажде, для чего были привлечены большие силы Сараевско-Романийского корпуса, высвободившиеся вследствие перемирия в Сараево. Так как мусульманские войска в анклав Горажде были с июля 1993 года по апрель 1994 года уже девять месяцев в полном окружении сербских сил и ситуацию не могли изменить несколько случаев прохода караванов с оружием по вроде бы перерезанному «Аллаховому пути», однако в данном случае речь шла о том, что мусульманам удалось кого-то подкупить на сербской стороне, нежели о надежности этого пути. ВРС тогда располагало достаточным количеством сил и средств, выделенных из состава Дринского, Сараевско-Романийского и Герцеговинского корпусов, а также сил Главного командования, чтобы разгромить противника. В Горажде вели со всех сторон автодороги из Вышеграда, Чайнича, Фочи, Пале и Рогатицы, а сам город находился в долине Дрины между окрестных гор (до 1200 метров). Само их занятие означало капитуляцию Горажде, и в этом случае было вполне возможно, что мусульмане из Горажде, предоставив им сербское командование такую возможность, полностью бы ушли временно открытым «Аллаховым путем» на Игман и Белашницу.

Командование НАТО, понимая тяжесть ситуации, дало приказ авиации ВВС и ВМС США и ВМС Великобритании нанести удары по сербским войскам в районе Горажде 10 и 11 апреля. Однако

участие в этих авиаударах всего пары десятков самолетов, причем сербская ПВО успела даже сбить один истребитель-бомбардировщик вертикального взлета и посадки “Sea Harrier” британских ВМС, мало повлияло на ход операции ВРС, и 18 апреля 1994 года силы ВРС вошли в сам Горажде в районах городской больницы и фабрики взрывчатых веществ «Победа». К тому времени мусульманские силы были достаточно измотаны в шедших весь апрель боях с сербскими войсками, и неудивительно, что сербские силы за несколько дней вышли на правый берег Дрины, быстро заняв пригород Горажде — Копачи, потеряв здесь максимум полтора десятка убитыми и ранеными, главным образом из состава Илиджанской бригады и Сербской Гвардии. Одновременно были заняты господствующие над Горажде со стороны Рогатины высота Тровырх (1212м) и перевал Ябучко село. Правда, наступавшие со стороны Пале силы 1-й Романийской и 1-й Сараевской бригад потерпели неудачу, понеся потери в минных полях перед неприятельскими позициями в несколько десятков погибших и раненых. Однако этот неуспех не мог отразиться на общем ходе операции, ибо взятием Копачи и Тровырха сербские силы практически подступили к самому Горажде, и достаточно было еще одного удара, чтобы занять город, в котором уже началась паника. Однако опять заработали дипломатические каналы по «урегулированию конфликта», и в результате как прямого давления из Брюсселя и Вашингтона, так и уговоров из Москвы и Тель-Авива операция была остановлена, а сербские войска затем были отведены. В результате мусульманские войска в Горажде продолжали до конца войны отвлекать на себя значительные сербские силы из своего окружения.

После подписанных в Вашингтоне соглашений о мире между Алией Изетбеговичем и Франьо Туджманом положение в Боснии и Герцеговине значительно изменилось. Хорватия, согласно договору, открыла свои границы для боснийских мусульман (тогда уже начавших себя звать бошняками), и на территорию под контролем армии Боснии и Герцеговины пошел поток оружия и боеприпасов из самых разнообразных источников. Для снабжения же Западной Боснии Хорватия, как и прежде, использовала воздушный простор Сербской Краины, перебрасывая по воздуху со своего аэродрома

Лучко, а также с аэродромов Загреб, Сплит военные грузы 5-му корпусу Армии Боснии и Герцеговины. Благодаря массовой поставке оружия в течение всего 1994 года, к концу года армия Боснии и Герцеговины значительно повысила свою боеспособность. Помимо этого, у нее появились новые силы, снятые с фронта в Средней и Центральной Боснии, а также в Западной Герцеговине, где они до этого воевали против хорватских войск. При этом некоторые хорватские части были включены в состав соединений армии Боснии и Герцеговины, и так силы ХВО в Жепе и Усоре (110-я и 111-я бригады ХВО) были включены в состав 7-й оперативной группы «Маглай» 3-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины.

Практически тогда большая часть сил 3-го корпуса была освобождена с хорватского фронта, и на основе сил этого корпуса был создан в течение двух месяцев — с февраля по апрель 1994 года — 7-й корпус со штабом в Травнике во главе с командующим генералом Мехмедом Алагичем, с целью действий на сербские позиции на горном массиве Влашич и под городами Яйце и Сырбобран (Дони Вакуф). Сам Алагич до создания 7-го корпуса был командующим оперативной группой «Босанска Краина» 3-го корпуса, и эта группа и послужила основой для формирования 7-го корпуса, имея солидный боевой опыт в боевых действиях против хорватских войск под Травником и Новым Травником и сербских войск на горном массиве Влашич.

Главным направлением для наступления им было определено северное для «возвращения» потерянных в Краине территорий, откуда и были многие беженцы в Средней Боснии. Первой целью тут стало обеспечение защиты окруженного хорватами и сербами Маглая, где оборону держала 7-я оперативная группа «Юг». Согласно книге авторов Неджада Латича и Зехрудина Исаковича «Военные воспоминания генерала Алагича — Война в Средней Боснии», сам Алагич, сумев договориться с хорватами, перебросил в Маглай автотранспортом по хорватской территории разведывательно-диверсионный отряд «Калесейски вукови», а затем прибыл туда и сам вместе с конвоем помощи [6]. Командование оперативной группы, недовольное «моджахедской», по его мнению, деятельностью командования корпуса, было сменено Алагичем. В дальней-

шем, хотя Изетбегович в ходе переговоров в Вашингтоне и в Загребе пообещал Туджману передать Маглай, на деле Алагич отказался исполнять приказ и Маглай так и остался мусульманским.

Новой целью 7-го корпуса стал Купрес, находившийся с весны 1992 года под контролем сербов. В ходе наступления 7-го корпуса армии Боснии и Герцеговины на Купрес, согласно воспоминаниям Алагича, главную роль сыграла 17-я «Краинская» бригада. При этом первоначально планировалось наступление на Комарово, однако в ходе операции неожиданно обнаружилась слабость сербских сил на позициях под Купресом и было решено наступать на Купрес. Силы ХВО поддержали наступление 7-го корпуса, тогда как силы миротворцев ООН мусульманами были блокированы в местах дислокации и лишены связи. В итоге сербская 7-я моторизованная бригада была разгромлена, а Купрес был взят в декабре 1994 года с направления Бугойно, при поддержке ХВО. Из-за потери Купреса и первого серьезного сербского поражения в Боснии и Герцеговине с 1992 года, командующий 2-м Краинским корпусом генерал Борич, на которого была возложена вся ответственность, был смещен, хотя на практике ему лишь не повезло, что именно на его участке армия Боснии и Герцеговины сконцентрировала свои высвободившиеся силы, а не на каком-то другом участке.

Следующим шагом штаба 7-го корпуса стала подготовка операции по захвату горного массива Влашич, служившего своего рода преградой для выхода на оперативный простор на Боснийскую Краину. Согласно книге «Военные воспоминания генерала Алагича», самой операции по захвату горного массива Влашич предшествовала операция тактического значения в районе Галицы [6]. Здесь взводная интервентная группа 737-й «мусульманской» бригады вышла в тыл сербам и захватила их командный пункт. Однако, так как силы поддержки опаздывали, группа возвратилась на свои позиции.

Тем не менее несмотря на это, согласно Алагичу, силы 7-й «мусульманской», 705-й, 1-й гвардейской, 712-й и 17-й «Краинской» бригад 7-го корпуса начали наступление и захватили главный центр снабжения сербских войск на горном массиве Влашич в Опаленике. В результате сербские силы оперативной группы

«Влашич» 30-й дивизии и 7-й бригады, несмотря на преимущество в боевой технике, остались без ключевых высот и снабжения и вынуждены были отступить с Влашича под ударами мусульман. При этом последние, хотя и совершили первый прорыв силами своего танкового подразделения, главный маневр силами совершили в пешем порядке через заснеженные вершины Влашича, получая снабжение с помощью вертолетов. Сама операция продолжалась три дня и закончилась 23 марта занятием телерадиовышки на Влашиче.

К тому времени, к концу 1994 года, согласно книге генерала Сефера Халиловича «Лукавая стратегия», в рядах армии Боснии и Герцеговины насчитывалось 228368 военнослужащих, из которых 130050 было на фронте, 58089 — на различных тыловых должностях, 19126 — в отпусках, тогда как остальные находились в самовольных отпусках или были дезертирами [29]. Подобной массой после заключения мира с хорватами, при правильной организации, согласно уже имеющейся практике, в ряде частей армии Боснии и Герцеговины с созданием «интервентных» отрядов в горной местности, можно было сделать глубокие прорывы, и сербское командование просто не имело бы сил и средств закрыть одновременно несколько прорывов. Главной проблемой армии Боснии и Герцеговины был, однако, не недостаток солдат, а переизбыток командиров, большинство из которых командную должность стремились занять по связям (или по «штеле», как здесь говорили), а на деле не только не соответствовали данным должностям, но вообще не имели никакой боевой ценности.

Что касается численности сербских войск, то она, конечно, известна из официальных сербских источников, но так как данные сербской стороны в современной Российской Федерации оцениваются часто как пропаганда самих сербов, то можно привести тут американские данные. Так, согласно книге «Война на Балканах» Крэйга Нашион [19], опиравшегося на сборник «Военная История Югославского конфликта 1990–1995», выпущенного в 2002 году центром Русских и Восточноевропейских исследований [32], сербские вооруженные силы в Боснии и Герцеговине насчитывали 100 тысяч военнослужащих и располагали 500 танками, 400 ар-

тиллерийскими орудиями калибра больших 100 мм, 40 РСЗО, 350 минометов калибра 120 мм и 250 БМП и БТР.

В итоге армия Боснии и Герцеговины, за исключением 7-го и 5-го корпусов, ничем себя в 1994 году не прославила, хотя имела все возможности. Достаточно странно, что очень инертным оказался 3-й корпус генерала Сакиба Махмулича, до этого хорошо себя проявивший в боях против хорватских войск в Средней Боснии, и у которого после перемирия с хорватами остались лишь позиции в районе Озрена, а также в районе Високо и Брезы. Лишь в районе Озрена силы 3-го корпуса смогли захватить горный участок Вележа, хотя имели несоизмеримо большие возможности.

На тот момент армия Боснии и Герцеговины вполне могла не разбрасываться силами, а, сформировав из лучших сил 3-го корпуса оперативную группу, которая вполне могла бы пробить достаточно слабую сербскую линию фронта по Високо и Олово, где сербы в несколько раз численно уступали мусульманам и где в горной местности численное превосходство сил армии Боснии и Герцеговины могло привести к слому всей сербской обороны, построенной в один эшелон. Однако у мусульман эффективное командование часто заканчивалось на ротно-батальонном уровне, и дальше их командование тратило время на взаимные интриги и выяснение вопросов как финансовых, так и личного престижа. В итоге от освобождения сил в Средней Боснии особого эффекта не было, и силы были распределены по другим фронтам, так что единственный эффект заключался в большом количестве свободного времени у военнослужащих армии Боснии и Герцеговины и более высокой выручке у владельцев местных «кафан».

Что касается региона Тузлы, то здесь силы 2-го корпуса более успешными оказались в обороне, а не в наступлении. В его зоне ответственности на горном массиве Маевица, под Теочаком, против местной 1-й Теочакской бригады (командир Хайрудин Мешич) было предпринято несколько сербских наступлений. Хотя на нескольких участках мусульман потеснили, затем наступление остановилось, и осенью 1994 года мусульмане перешли в контрнаступление, окружив вырвавшиеся чересчур вперед сербские подразделения, в результате чего сербы потеряли несколько десят-

ков человек убитыми и пленными. При этом действовавший на этом участке сербский Восточно-босанский корпус насчитывал свыше 20 тысяч человек личного состава, свыше двух сотен танков, БМП и БТР и свыше двух сотен артиллерийских орудий калибра свыше 76 мм. Помимо этого, 2-й корпус продолжал боевые действия под Бырчко, хотя по сути больший смысл был бы в переброске всех свободных сил 2-го корпуса под Сараево и Горажде для продолжения там наступательных действий.

Между тем ничто не мешало силам 3-го корпуса, совместно с силами 2-го корпуса, ударить с направления Олово и Брезы по Вогоще, Вучей Луке и соединения с Сараево через горные хребты, подходящими вплотную к Сараево. Подобная задача была вполне выполнима для армии Боснии и Герцеговины, в силу хронического недостатка людей у сербов. Сербский Сараевско-Романийский корпус ВРС на практике уступал своим противникам численностью в несколько раз. 1-й корпус армии Боснии и Герцеговины по большому счету воевал очень плохо, и в данном случае «сарайлии» оказались успешными главным образом в своем излюбленном занятии — в бытовом актерском мастерстве и обмане, в данном случае перед западными журналистами, уверяя последних в том, что вокруг Сараево дислоцированно несколько корпусов из Югославии и несколько тысяч «наемников» из всех стран мира и, утыкивая карты Сараево стволами орудий и танков, при этом они не говорили, что в районе ключевого для них клина — сербской Гырбовицы — у сербов был всего взвод танков да в общей сложности пять рот солдат.

Как уже указывалось, согласно книге последнего командира 1-го Сараевского корпуса генерала Неджада Айнаджича [26], имея в 1993 году в составе сил 1-го корпуса 87009 военнослужащих, из которых на позициях под Сараево, Олово, Горажде и на Игмане странным образом несли боевую службу лишь 38000, мусульмане имели на другой стороне фронта де-юре двадцатитысячный Сараевско-Романийский корпус, а де-факто — не более чем пятнадцатитысячный. При этом сам Сараевско-Романийский корпус еще должен был нести службу на внешнем кольце сараевского фронта, выдерживая нападения частей 2-го и 3-го корпусов.

Хотя, согласно установившейся практике организаций политико-пропагандистских спектаклей, для чего Сараево было, конечно, самой удобной театральной площадкой Европы, руководство в Сараево говорило о своих несоизмеримых жертвах, на самом деле его 1-й корпус потерял погибшими, согласно книге Айнаджича, около 6 тысяч военнослужащих, тогда как в несколько раз меньший сербский Сараевско-Романийский корпус потерял за этот же период 2333 военнослужащих. По сути «сарайлии», составлявшие основную массу личного состава этого корпуса, не слишком хотели воевать и умело манипулировали своим статусом столицы среди мусульман Боснии и Герцеговины. При этом они были успешны и в, грубо говоря, «разводке» своих братьев-мусульман, ибо, не желая воевать в самом Сараево, они еще на «провинциалов» переложили большую часть обязанностей по ведению боевых действий на внешнем кольце сараевского «обруча».

Вместо того, чтобы 3-й корпус создал отдельную маневренную группу для прорыва вместе с 7-м корпусом к Бихачу или чтобы 2-й корпус пробивался своими силами к Сребренице, они все, освободившиеся после мира с хорватами силы стянули в Сараево, за которое руководство панически боялось. В результате лучшего командира оперативной группы «Восточна Босна» комбрига «Дринской» бригады Заима Имамовича, получившего в боях пять ранений, командование армии Боснии и Герцеговины отправило на горный массив Игман, где была создана оперативная группа «Игман», позднее преобразованная в 14-ю дивизию 1-го корпуса армии Боснии и Герцеговины, действовавшей с направления Тарчина в горных массивах Трескавицы, Игмана и Белашницы.

При этом на правом фланге 1-го корпуса в районе Трескавицы действовал 4-й корпус армии Боснии и Герцеговины после включения в его состав частей распущенного 6-го корпуса, а, как уже упомянуто выше, после заключения в Вашингтоне мира между Туджманом и Изетбеговичем на главном участке фронта 4-го корпуса, находившемся в Мостаре, наступило спокойствие. Тем не менее силы 4-го корпуса провели всего несколько ограниченных операций по направлению к Невесенье и хотя смогли в сентябре захватить важное село Бела, сама их численность давала им воз-

возможность совершить глубокий прорыв к Горажде, окруженному численно значительно меньшими сербскими силами. На практике же от командного состава армии Боснии и Герцеговины подобных приказов не поступало, и Горажде был им забыт.

ФОТО 39. Подразделение Армии Боснии и Герцеговины на Игмане в 1994 году

Осенью 1994 года командующим «Восточно-Боснийской Оперативной группой (Istocno Bosanska Operativna Grupa-IBOG)», чей штаб находился в Горажде, стал Хамид Бахто, и с января 1995 года она была переформирована в 81-ю дивизию, подчиненную штабу 1-го корпуса армии Боснии и Герцеговины. Согласно книге самого Хамида Бахто «Хамид Бахто с защитниками Сараево и Горажде» [33], в бригаде имелась рота военной полиции, 821-й артиллерийский дивизион, военная больница, учебный центр, 801-я, 802-я, 831-я, 843-я легкие бригады, а также легкие бригады — 808-я «Мусльманская» и 851-я «Славная» (синоним гвардейской) бригады, и всего к январю 1995 года, согласно Бахто, в 81-й дивизии насчитывалось 8097 военнослужащих. Однако после больших потерь эти силы были деморализованы, тем более что внутри ко-

мандного состава 81-й дивизии шла постоянная борьба и самому Бахто часто высказывалось открытое неповиновение.

При этом в тактическом плане силы армии Боснии и Герцеговины показали во второй половине 1994 года большую боеспособность и лучшую подготовку, нежели в 1992–1993 годах. Хотя сербские войска еще пытались продолжать против них наступательные операции на тактическом уровне, так называемые «акции», однако успехом в них уже считалось взятие по глубине не десятков километров, а несколько сот или десятков метров, и достигался он далеко не всегда и далеко не с первого раза, нередко ценой десятков жизней. В условиях продолжавшегося в 1994 году недостатка боевой техники и артиллерийско-ракетных систем армия Боснии и Герцеговины создала значительное число инженерно-строительных и саперных подразделений, а нередко и частей (до бригады), чем более эффективно организовывалась оборона позиций. Вместо отдельных укрепленных точек на участках фронта на важных направлениях подразделения армии Боснии и Герцеговины создавали глубокие линии обороны с траншеями, блиндажами и минными полями.

Что стоило их преодоление, показывает операция сербских войск на Нишичском плато под Илияшем, в которой силы практически всех имевшихся разведывательно-диверсионных, «специальных», «интервентных» и «штурмовых» подразделений не только из состава Сараевско-Романийского, но и из состава других частей и соединений ВРС с августа по ноябрь 1994 года многократно штурмовали одну гору за другой, неся почти каждый раз потери десятками убитых и раненых. Сербское командование в данной операции применило и установки, созданные на базе авиационных бомб с установленным на них ракетным мотором, обеспечивающим запуск на расстояние до полутора-двух километров с рельсовых направляющих, смонтированных на грузовых автомобилях. Впоследствии подобные установки стали производиться и в Сербии, где государственная компания «Югоимпорт-СДПР» стала их даже предлагать на экспорт.

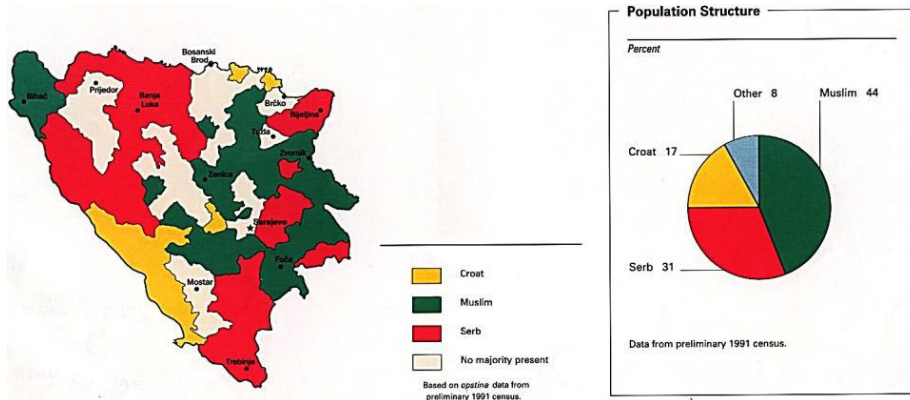
Все же ценою больших усилий оборона противника была прорвана, и все его позиции поэтапным движением вдоль его линии

были захвачены. Однако затем силы армии Боснии и Герцеговины совершили контрудар, выбив сербов с нескольких позиций, тогда как на некоторых они были отбиты. В силу недостатка людей в сербских подразделениях, и прежде всего недостатка в, условно говоря, «ударных» подразделениях, данная операция достаточно тяжело отразилась на сербских войсках. К тому же силы 1-го корпуса и его 14-й дивизии в это же время совершали постоянные нападения на сербские позиции в районе Тырново, которое командование 1-го корпуса решило взять, дабы открыть коридор на Горажде. Что же касается роли миротворческих войск ООН, то она свелась к тому, что французские миротворцы, вместо занятия позиций, своей базой сделали местный горный отель «Игман», отправив своих «коллег» из Бангладеша на заснеженный верх Белашницы. Воспользовавшись попустительством «международного» сообщества, армия Боснии и Герцеговины на данном фронте только с сентября по декабрь 1994 года в трех наступательных операциях, в каждой из которых главная роль принадлежала разведывательно-диверсионным подразделениям, каждый раз захватывала не менее десятка квадратных километров территории, причем каждый раз в рядах сил ВРС гибли и попадали в плен десятки человек. Так, в одном из этих нападений в октябре 1994 года противник захватил на одной горной дороге под Белашницей до десятка различных сербских бронемашин, в том числе танков, и около 20–30 квадратных километров. Правда, этот захват произошел не в результате спланированной операции неприятеля, а из-за трусости отдельных сербских бойцов и командиров, оставивших свои позиции, едва мусульманская диверсионная группа подбила один грузовик милиции, и при этом бежавший командир приказал сжечь без всякой необходимости центр связи. Мусульмане сами поразились, увидев пустые позиции, которые они заняли спустя два дня. Рост потерь начал отражаться на моральном состоянии народа в том же Сербском Сараево, к тому же постоянно подвергавшегося как артиллерийско-минометному, так и снайперскому огню сил армии Боснии и Герцеговины, и «смертовницы» (отпечатанные объявления о чьей-нибудь смерти) не переставали здесь появляться на столбах и стенах зданий, в том числе в столице РС — Пале.

2. Война между хорватскими и мусульманскими войсками в Боснии и Герцеговине в 1993–1994 годах

ФОТО 40. Этническая карта Боснии и Герцеговины в 1991 году

В 1993 году боснийские мусульмане оказались втянутыми в войну с хорватами Херцег-Босны — автономного образования, созданного хорватами Боснии и Герцеговины при военной, политической и финансовой поддержке Хорватии. Сама инициатива начала войны принадлежала, судя по всему, официальному Загребу. Это подтверждают и переговоры между Милошевичем и Туджманом в марте 1991 года в Воеводине, в поселке Караджорджево, в бывшей резиденции Иосипа Броза Тито, которую он «национализировал» у королевской династии Караджорджевичей, о которых упорно твердилось, пусть и неофициально, как об источнике планов раздела Боснии и Герцеговины между сербской и хорватской сторонами.

Впоследствии это было подтверждено как югославскими политиками и военными, в частности министром внутренних дел Хорватии Иосипом Больковцем, так и иностранными дипломатами, в том числе перед международным трибуналом в Гааге [1]. Слобо-

дан Милошевич достаточно твердо держался достигнутого им договора с Франьо Туджманом. При этом надо понимать, что главным противником для президента Хорватии Франьо Туджмана было командование ЮНА во главе с министром обороны генералом Велько Кадиевичем и начальником генерального штаба генералом Благое Аджичем, а вовсе не республиканское руководство Сербии во главе со Слободаном Милошевичем.

ФОТО 41. *Слободан Милошевич и Франьо Туджман в марте 1991 в Караджорджево*

В данном случае нет смысла во всем винить Милошевича, ибо он, будучи реалистом, прекрасно понимал, что в своей массе в Белграде народ совершенно не готов к войне до победного конца, ибо в этом случае Милошевич хорошо знал, с кем он имеет дело в мировой политике, в отличие от оппозиционных ему политиков в Белграде. Вероятно, определенные предположения имелись и в Генеральном штабе ЮНА, т.к. еще 22 октября 1991 года Велько Кадиевич на расширенном заседании президиума СФРЮ сделал

доклад, в котором предупреждал о «готовящемся страшном кровопролитии» в случае осуществления Европейским сообществом выдвинутых идей на международной конференции в Гааге 18 октября 1991 года. Тогда же Кадиевич предложил провести мобилизацию в той части Югославии, где ЮНА пользовалась поддержкой. Однако, как пишет сам Кадиевич в своей книге «Контрудар», Слободан Милошевич и член Президиума СФРЮ Борисав Йович на словах приняли его предложение, а на деле отказались проводить мобилизацию. Тогда 7 ноября Кадиевич опять потребовал проведения этих мер, пригрозив, в противном случае, своей отставкой. Однако Милошевичу к этому времени мобилизация не была нужна, ибо поставленные цели были осуществлены и Велько Кадиевич уже не был ему нужен. Последний писал в своих мемуарах о том, что Милошевич несколько раз предлагал ему с началом столкновений в 1991 году вывести ЮНА со «всех территорий, где ей стреляют в спину» и когда это «де-факто» произошло, то Милошевичу не было никакого смысла что-либо менять, тем более что к этому времени — к началу 1992 года — сербы контролировали в Хорватии около 26% ее территории.

Оставшись без поддержки Сербии, командование ЮНА 23 ноября в лице генерала Велько Кадиевича и хорватское руководство в лице президента Туджмана подписали соглашение о прекращении огня, а этот договор был верифицирован в Сараево 2 января 1992 года. Слободан Милошевич и Франьо Туджман не имели между собой ключевых противоречий и, избавившись от ЮНА, с распадом СФРЮ они могли посвятить свое время осуществлению планов по разделу Боснии и Герцеговины. В данном случае они рассчитывали на определенное понимание в «международном сообществе», и потому уже 30 января 1992 года официальные Белград и Загреб подписали миротворческий план ООН, сочиненный под руководством бывшего государственного секретаря США Сайруса Вэнса, поэтому и получивший название «план Вэнса», тогда как миротворческие войска ООН в бывшей Югославии, введенные на ее территорию резолюцией 743 Совета Безопасности ООН, должны были быть гарантией выполнения соглашения.

ФОТО 42. Югославия в войне

Сама война подготавливалась официально Загребом еще в 1991 году, когда в Президиуме Боснии и Герцеговины находилось два хорвата, представители партии хорватов Боснии и Герцеговины — ХДЗ (HDZ-Hrvatska Demokratska zajednica-Хорватское Демократическое Объединение): Степан Ключич, представлявший либеральное направление, и Франьо Борес, представлявший направление националистическое. Так как Туджман поддерживал только националистов, то, в отличие от Бореса, Степан Ключич остался в Сараево и тем самым примкнул к лидеру СДА (SDA Stranka demokratske Akcije — Партия Демократической Акции) Алии Изетбетовичу.

Президент Хорватии Франьо Туджман тогда открыто говорил о том, что национальные цели как Хорватии, так и Сербии надо удо-

влетворить за счет Боснии и Герцеговины, оставив мусульманам небольшой район в центре Боснии как своего рода буфер между Сербией и Хорватией. После подписанного в январе 1991 года соглашения с командованием ЮНА (Югославской Народной Армии — JNA Jugoslovenska Narodna Armija) руководство Хорватии начало осуществлять план по созданию на территории Боснии и Герцеговины подчиненных Загребу хорватских автономий.

На двух встречах 13 и 20 июня 1992 года Франьо Туджмана с руководством Герцеговинской и Травнической хорватских автономий он договорился с ними о создании Херцег-Босны — территориального образования хорватов Боснии и Герцеговины. 18 ноября в городке Груды хорваты провозгласили т.н. ХЗХБ (Hrvatska Zajednica Herceg Bosne — Хорватское Объединение Херцег-Босна). Во главе ее встал Матэ Бобан, чей штаб находился в Мостаре, а заместителем Матэ Бобана стал Дарио Кардич, имевший свой собственный штаб в Новом Травнике. При этом Матэ Бобан и Радован Караджич встречались еще до войны в Граце (Австрия) и обсуждали вопросы будущего устройства Боснии и Герцеговины [2].

Главным конкурентом ХДЗ Матэ Бобана в Герцеговине была ХСП (Hrvatska stranka prava — Хорватская партия права) и созданные ею с помощью хорватской эмиграции силы ХОС (Hrvatske odbrambeni snage — Хорватские оборонительные силы), среди которых было много добровольцев из хорватской эмиграции, а также иностранных добровольцев.

Изначально ХОС были созданы 25 июня 1991 года в Хорватии Добросавом Парагой — лидером националистической Хорватской партии права (Hrvatska stranka prava), возникшей в Хорватии. Они имели в 1991–1992 годах статус самостоятельного рода войск и подчинялись Главному командованию ЗНГ (созданному в Хорватии ополчению), а затем и Хорватской армии в Хорватии. Со временем их численность и подготовка выросли благодаря помощи из эмиграции, и Добросав Парага в Хорватии в 1991 году имел под командованием в ХОСе 15 тысяч человек [3]. Рост сил ХОСа не мог не вызвать недовольства правящей в Хорватии партии — ХДЗ, по чьим указаниям на командиров ХОС и функционеров ХСП было организовано несколько вооруженных нападений, в ходе которых погиб и командующий

ХОСом Антэ Параджик, который участвовал в антикоммунистической деятельности еще с событий 1971 года в Загребе.

ФОТО 43. Боевики ХОСа перед местом гибели британского добровольца ХОСа

В 1991 году, после попадания в сербские руки Вуковара, сам Парага был арестован вместе с командующим обороной Вуковара Милэ Дедаковичем по обвинению в сотрудничестве с Военной безопасностью ЮНА. На суде он был оправдан, однако за это время Антэ Джапич, герцеговинский хорват, ставший исполняющим обязанности командующего ХОСом в Хорватии, под влиянием президента Хорватии Франьо Туджмана осуществил раскол в партии ХСП, и решением суда в Загребе в 1993 году он получил право быть главой Хорватской партии права. Аналогичную судьбу ХОС имел и в соседней Боснии и Герцеговине.

Командующий силами ХОСа в Боснии и Герцеговине был генерал Блажо Кралевич, и он командовал воинской организацией, насчитывавшей около 5 тысяч военнослужащих, разделенных на отдельные батальоны и роты. Штаб ХОСа находился в городе Лю-

бушки и имел в подчинении лагерь для пленных сербов в Чаплине и в Мостаре. При этом около трети его личного состава были мусульманами, и потому он был против командиров из мусульман. Блажо Кральевич до войны жил в Австралии, где активно участвовал в деятельности хорватской антикоммунистической («ушашской») эмиграции. Как раз ушашская эмиграция и создала ХОС и тем самым вступила в конфликт с номенклатурным руководством в Загребе во главе с Франьо Туджманом, создавшим ХВО (Хорватское вече обороны — HVO-Hrvatsko Veće Odbrane) Боснии и Герцеговины — вооруженные силы Херцег Босны.

ФОТО 44. Слева направо — военнослужащие ХВО, Армии Боснии и Герцеговины и ХОС в Боснии в 1992 году

Силы ХОСа сыграли важную роль в захвате Столаца летом 1992 года и в успешном хорватском наступлении на сербское Тренинье. В ходе этой операции Матэ Бобан вызвал генерала Кральевича на встречу в Мостар. После возвращения с этой встречи генерал и восемь человек из его штаба были убиты в засаде, устроенной группой ХВО 9 августа 1992 года под Крушево. После этого было начато разоружение ХОСа, а 23 августа было подписа-

но соглашение о вхождении подразделений ХОСа в ХВО. Силы ХОСа были включены в состав ХВО Херцег-Босны, хотя многие подразделения ХОСа из мусульман вошли в состав армии Боснии и Герцеговины, а в Центральной Боснии силы ХОСа под командованием Младена Холмана вошли лишь в апреле 1993 года в состав ХВО.

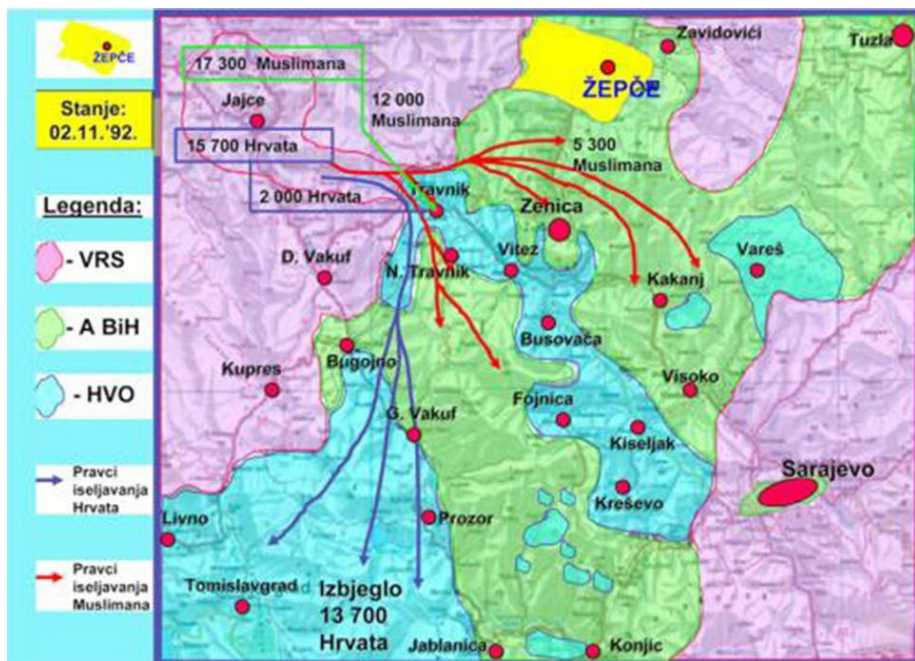
ФОТО 45. Эмблема ХВО Херцег-Босны

К концу 1992 года штабу ХВО (начальник — бригадир Миливой Петкович) подчинялись отдельные роты и батальоны военной полиции. Также в ХВО входили подразделения специального назначения «Антэ Бруно Бушич (Ante Bruno Busic)» и «Людвиг Павлович (Ludvig Pavlovic)», которые подчинялись напрямую министру обороны Херцег-Босны Бруно Стоичу, и одна «антитеррористическая группа» Младена Налетича — «Туты», а также управление спецслужбы СИС. Сами силы ХВО были разделены на бригады, подчиненные штабам т.н. оперативных зон. Существовали Оперативная зона «Северо-Западная Герцеговина» (штаб в го-

роде Томиславград, командующий Желько Шилег), Оперативная зона «Юго-Восточная Герцеговина» (штаб в городе Широки Брег, командующий Миленко Ласич), Оперативная зона «Средняя Босния» (штаб в городе Витез, командующий Тихомир Блашкич) и Оперативная зона «Посавина» (штаб в городе Орашье, командующий Джуро Матузович). Бригады ХВО представляли собою легкопехотные (партизанские) бригады формации «Р» («R») — резервные, согласно классификации ЮНА, и насчитывали от тысячи с лишним до почти 3 тысяч военнослужащих [4]. В этих зонах число хорватов к концу 1992 года значительно увеличилось после разгрома сербами объединенных хорватских и мусульманских сил в Боснийской Краине летом 1992 года. Тогда большое число хорватских бойцов ХВО с семьями бежало на территорию, оставшуюся под контролем ХВО в «Средней» Боснии.

ФОТО 46. Территории под контролем хорватов и мусульман в «Средней» Боснии к 02.11.1992 и пути эвакуации хорватов и мусульман из Боснийской Краины

Так как заместителем командующего Оперативной зоны «Северо-Западная Герцеговина» был «ушташский» эмигрант из Канады Никола Гласнович, организовавший набор добровольцев и наемников в Германии и Великобритании, то в составе сил ХВО было большое число иностранных добровольцев из Западной Европы и Северной Америки, в первую очередь в бригаде ХВО «Краль Томислав», дислоцированной в Томиславграде, а также существовали отдельные добровольческие отряды, включавшие и иностранных добровольцев, как, например, «Альфа» в Витезе или «Твиртко-2» в долине Лашвы [4].

Западные добровольцы, прежде всего британские, немецкие, канадские, американские и голландские в составе бригады ХВО «Краль Томислав», сыграли важную роль в хорватско-мусульманской войне, и, как известно, до трех десятков этих добровольцев погибло [5].

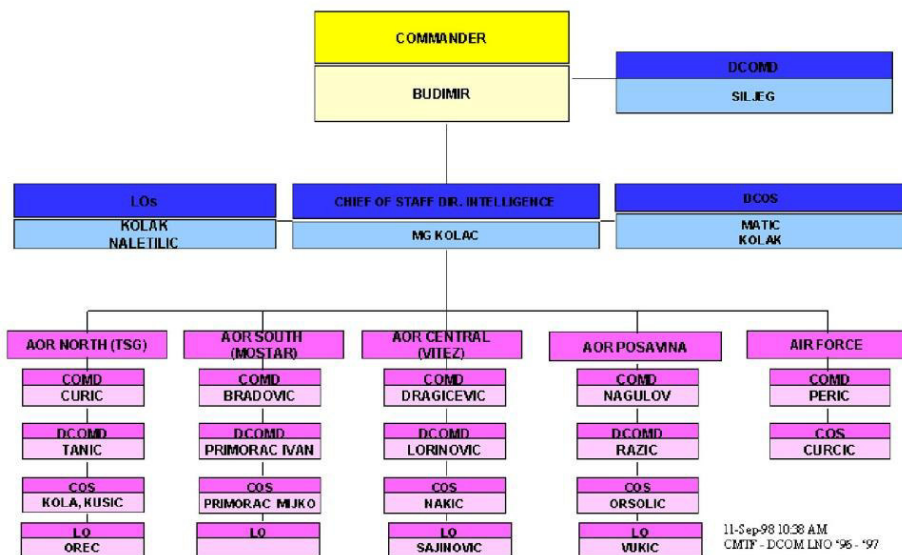
ФОТО 47. Американский доброволец 109-й бригады ХВО

В феврале 1993 года, согласно данным комиссии ЕС по мониторингу, ХВО имела около 45–55 тысяч военнослужащих [4], и такие же приблизительно цифры указывают и издания за 1992–1993 годы справочника «Military Balance».

ФОТО 48. Организация ХВО Херцег-Босны

HRVATSKO VIJECE OBRANE (HVO)

Согласно данным самого штаба ХВО, в феврале 1993 года в оперативной зоне «Юго-Восточная Герцеговина» насчитывалось 6000 военнослужащих, в оперативной зоне «Северо-Западная Герцеговина» — 8700, в оперативной зоне «Средняя Босния» — 8750 и в остальных регионах насчитывалось еще 10630 военнослужащих ХВО. Вместе с тем куда более важную роль играло то, что целые части армии и полиции Хорватии действовали на территории Херцег-Босны, но, естественно, о военнослужащих армии и полиции Хорватии штаб ХВО никогда не сообщал. С конца 1992 года отношения между хорватами и мусульманами стали обостряться на всей территории Боснии и Герцеговины. Происходили

столкновения в населенных пунктах со смешанным национальным составом, устанавливались посты на въездах и выездах из «неприятельских» районов. Мусульмане, недовольные привилегированным положением хорватов, наживавшихся, по их мнению, на конвоях, направленных мусульманам арабскими странами, сами стали грабить конвои хорватов, шедших в хорватские районы в Центральной и Средней Боснии. Все же следует быть объективными, ибо ведущую роль в начинавшейся войне сыграл официальный Загреб, и верхушка ХДЗ, с одобрения Загреба, шла на разрыв союза с мусульманами.

Это понимали и в Сараево, и тогда член тогдашнего Президиума Боснии и Герцеговины, оставшийся в Сараево хорват по национальности Миле Акмаджич заявил газете «Борба» в номере от 26 января 1993 года, что «государство Босния и Герцеговина находится в клинической смерти» [6]. Именно из Загреба поступил приказ руководителю Херцег-Босны Матэ Бобану начать военные операции против мусульман, вопреки протестам ряда местных хорватских политиков. Хорватские политики протестовали не случайно, так как положение многих хорватских районов в Средней и особенно Центральной Боснии было критическим.

Хотя между хорватами и мусульманами столкновения происходили в 1992 году в Мостаре и Киселяке, но настоящая война между ними началась в Прозоре, небольшом городке в Средней Боснии, находившемся под хорватской властью. Мусульмане, в большом количестве его населявшие, находились, в лице своих политических представителей (СДА), в союзе с главной хорватской политической партией ХДЗ. Как следствие, ХДЗ не допустил создания больших вооруженных отрядов «Патриотской лиги», создаваемых по инициативе руководства боснийских мусульман. Поэтому под предлогом единства борьбы с сербами все деньги, собираемые с населения — как с хорватского, так и мусульманского, — направлялись для вооружения ХВО. Силы местной Территориальной Обороны, бывшей ранее организованным резервом Югославской Народной Армии, были слабы и находились под командованием офицеров, как мусульман, так и хорватов, не способных между собой договориться.

Силы ХВО 27 и 28 августа 1992 года совершили нападения на силы мусульман в Прозоре в целях их устрашения. Затем в октябре (16–17) произошли обстрелы штаба ТО якобы сербами, хотя быстро выяснилось, что это сделали силы ХВО. Так как во второй половине 1992 года произошло качественное улучшение вооруженных сил боснийских мусульман путем создания Армии Боснии и Герцеговины, то командование ХВО стало опасаться потери своего влияния в Прозоре.

ФОТО 49. Эмблема Армии Боснии и Герцеговины

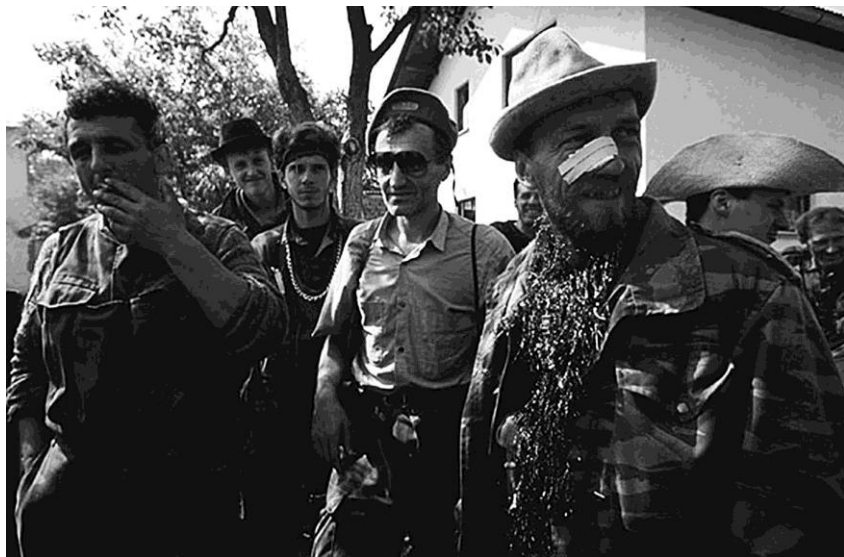
20 октября 1992 года силы мусульман в деревне Ахмичи в долине реки Лашва отказались пропускать через свой пост подразделение ХВО, и в бою один мусульманин был убит, а семеро ранены, но после вмешательства сил UNPROFOR движение по дороге было восстановлено. 23 октября силами ХВО в Прозоре начался обстрел всех тех объектов, которые служили политическими и военными центрами мусульман, а на следующий день две бригады ХВО («Рама» и «Краль Томислав»), вместе со «специальным» отрядом из Мостара «Казнена бойна», вошли в Прозор [7].

Общее руководство операцией осуществлял генерал ХВО Слободан Праляк (бывший драматург), и ХВО, достаточно легко преодолев сопротивление мусульман, взял весь город под свою власть, арестовав 2000 мусульман, а остальное мусульманское население покинуло город вместе с подразделениями Армии Боснии и Герцеговины и местной ТО и ушло в село Хера, а остуда они отступили в город Горни Вакуф [4].

В городе Горнем Вакуфе, соседнем Прозору, до января 1993 года население составляло 10 тысяч хорватов и 14 тысяч мусульман, причем села в основном были мусульманские. 10 января главная дорога на Новый Травник была заблокирована мусульманами, а 13 января 1993 года командующий оперативной зоной ХВО «Северо-Западная Герцеговина» Желько Шилег поставил ультиматум силам Армии Боснии и Герцеговины, оборонявшим Горни Вакуф, чтобы те перешли под командование ХВО [4]. После отказа от такого рода капитуляции, 13 января начались бои между ХВО Херцег-Босны (бригады ХВО «Антэ Старчевич (Ante Starcevic)», усиленной подразделением военной полиции ХВО и подразделением специального назначения «Бруно Бушич (Bruno Busic)») и силами армии Боснии и Герцеговины (305-й и 317-й бригад армии Боснии и Герцеговины), причем бои велись в самом городе, а также в соседних селах — Узричье, Храснице и Душа [4]. Мусульманам, однако, удалось выстоять, и они в полуокружении продержались до подписанного в феврале 1993 года перемирия в этом районе.

В тот период мусульманское руководство было не в состоянии вести войну на два фронта — и против сербов, и против хорватов, — и потому решило сохранить с хорватами мир. Последние, как ни странно, не стали продолжать боевые действия, хотя на встречах с руководством РС с их стороны звучали заявления, что «с исламской державой покончено». Мусульмане же так не считали, и пока хорваты занимались бизнесом, беря большие проценты за проезд через свою территорию конвоев с оружием для мусульман, у последних в тяжелых боях с сербскими войсками росли опыт и численность созданных ими сил специального назначения. Эти отряды научились воевать в пехотных порядках, против превосходящих сил артиллерии и танков противника.

ФОТО 50. Военнослужащие Армии Боснии и Герцеговины в селе Бистрица в районе города Горни Вакуф // Джеймс Мэсон (James Mason)

Поведение же хорватской верхушка (а руководство Херцег-Босны было полностью подчинено Загребу), по мнению хорватских политиков из Центральной и «Средней» Боснии, было ущербно для интересов тамошних хорватов, и вместо того, чтобы в октябре развернуть наступление на мусульман, оно отложило наступление до весны 1993 года. Мусульманские силы к тому времени обладали большим опытом и большим боевым духом, нежели силы ХВО, и число убитых (3500) и изгнанных (128000) хорватов в Средней и Центральной Боснии в войне с мусульманами подтверждает правоту этих политиков. Хорваты Посавины (с центром в Орашье) — региона, граничившего с Хорватией на севере Боснии, также не видели смысла в войне против мусульман, с которыми они были союзниками в ходе боевых действий весны-осени 1992 года в регионах Посавины и Боснийской Краины.

Единственные, кто поддерживал полностью Загреб в решении начать войну против мусульман, были хорваты Герцеговины. Они, в силу кланового характера своего общества, как и достаточно вы-

сокой агрессивности, получили большое влияние в правящей в Хорватии партии Франьо Туджмана ХДЗ, и поэтому именно они правили Херцег-Босной. Однако, несмотря на то что главной движущей силой в этой войне были хорваты — «герцеговцы», началась она в Средней Боснии, прежде всего в долине реки Лашвы, и в ней больше всего пострадали именно местные хорваты.

В начале 1993 года в составе сил ХВО Херцег-Босны в «Средней» Боснии были 1-я оперативная группа (штаб в городе Витезе), охватывавшая территории Травника, Нового Травника, Витеза, Яйце и Зеницы, 2-я оперативная группа (штаб в городе Киселяк), охватывавшая территории Киселяка, Крешево, Бусовачи, Фойницы, Вареша, Какня и Сараево, 3-я оперативная группа (штаб в городе Жепче), охватывавшая территории Жепче, Завидовичей, Маглая, Теслича и Тешня [4]. Созданный штаб ХВО «Средней Босны» насчитывал 41 офицера и свыше 60 военнослужащих рядового и младшего командного состава [4].

Самыми боеспособными бригадами были бригада ХВО «Бан Елачич», дислоцированная в Киселяке, которой командовал сначала Мийо Божич, а затем Ивица Раич; бригада ХВО «Франкопан», дислоцированная в Травнике, которой командовал Илия Накич; бригада ХВО «Бобовац», дислоцированная в Вареше; бригада ХВО «Котроманич», дислоцированная в Какне, которой командовал Невен Марич; бригада ХВО «Краль Твиртко», дислоцированная в Сараево, которой командовал Славко Зелич; бригада ХВО «Никола Шубич Зрински», дислоцированная в Бусоваче, которой командовал Душко Грубешич; бригада ХВО «Степан Томашевич», дислоцированная в Новом Травнике, которой командовал Желько Саблич, и бригада ХВО в Витезе, которой командовал Марио Черкез [4].

В состав сил этой зоны входили также спецподразделение «Матурице», которое было создано в составе бригады ХВО в Киселяке, спецподразделение «Твиртко-2 (Tvrtko II)», дислоцированное в городе Нова Била, и спецподразделение «Витезови (Vitezovi)», созданное 10 сентября 1992 года в основном из бывших членов ХОСа, и было дислоцировано в Дубравице под Витезом, а его командиром был Дарко Кралевич [4].

ФОТО 51. Военнослужащие ХВО в Боснии

В Средней Боснии находилось также несколько военных предприятий ЮНА. Так, на металлургическом комбинате в Зенице производились артиллерийские снаряды, на фабрике IGM в Конице производились стрелковые боеприпасы всех калибров, а также снаряды калибров 20 и 40 мм, на фабрике в Бугойно производились противотанковые и противопехотные мины, снаряды и ручные гранаты. На фабрике «Братство (Bratstvo)» в Новом Травнике производились артиллерийские снаряды всех калибров, а также НУРСы калибра 128 мм и комплектующие к РСЗО «Огень» и «Пламен», а также 152-мм гаубица «Нора (NORA)», в Техническом институте в Травнике производилась аппаратура управления и связи, а в городе Витез — фабрика взрывчатых веществ «Slobodan Princip Seljo» (SPS).

Еще до начала конфликта мусульмане и хорваты поровну разделили между собой 12 артиллерийских гаубиц Д-30 калибра 122 мм и 18 гаубиц М-84АВ «NORA» калибра 152 мм, оставшихся на фабрике «Bratstvo» в Новом Травнике [4].

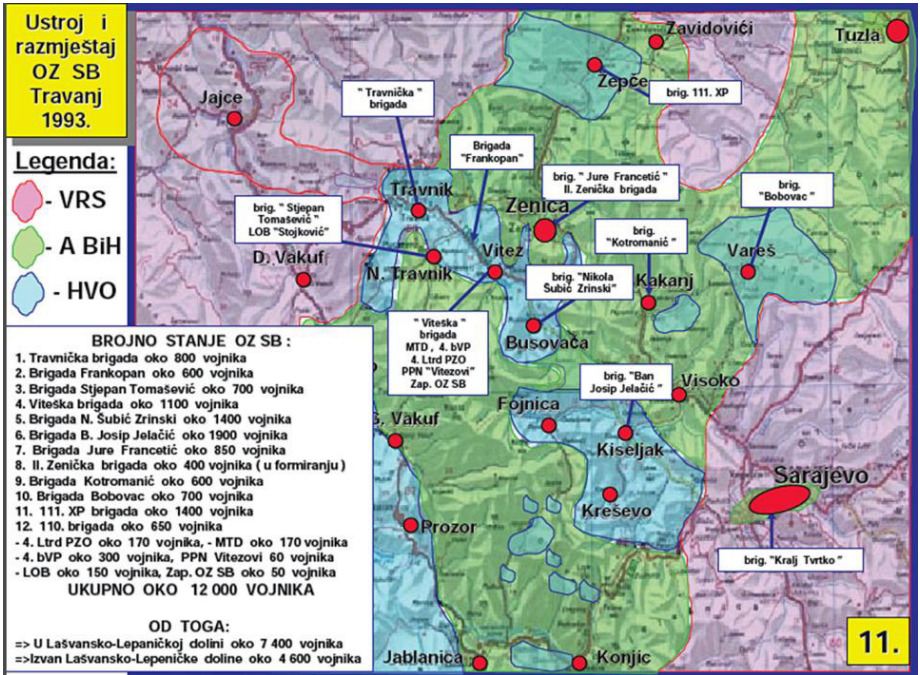
ФОТО 52. Хорватская сорокоствольная РСЗО APR-40, в которой применялись 128-мм неуправляемые ракеты РСЗО «Огнь»

Однако за остальные предприятия развернулась ожесточенная борьба.

Согласно данным 1993–1994 годов журнала «The Military Balance», ХВО Херцег-Босны имело около 50 танков типов Т-55 и Т-34/85, полтысячи артиллерийских орудий, тогда как армия Боснии и Герцеговины, согласно этим же данным, имела около 20 танков, из которых основная масса находилась в составе 3-го корпуса и его 301-й механизированной бригады [4]. Огневую поддержку мусульмане имели в основном из минометов и 128-мм РСЗО, тогда как артиллерийских орудий — пушек и гаубиц, согласно вышупомянутому данным, силы 3-го корпуса имели не больше полутора десятка. В боях против хорватов у мусульман отличилась бригада, собранная из беженцев города Яйце, а также 1-я Риекская (или Краинская) и 7-я Риекская (или Краинская) бригады, которые были созданы из беженцев Посавины и Боснийской Краины, собранные в городе Риека в Хорватии в 1992 году и переброшенные на тогдашний фронт против сербов. Позднее 1-я Риекская и 7-я Риекская бригады были сведены в одну 17-ю Риекскую (или Краинскую) бригаду с командиром Фикретом Чускичем во главе.

ФОТО 53. Дислокация сил ХВО в Боснии и Герцеговине к маю 1993 года

Также отличалась в боях и 7-я «Муслиманская» (мусульманская) бригада, созданная, согласно «исламским законам», из местных мусульман, хотя в ее рядах были и добровольцы-моджахеды, и действовавшая под командованием Мустафы Хаджихафизбегиича, а затем полковника Амира Кубуры в составе 3-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины.

Хорошо себя в боях показали и отряды моджахедов, которые были в данных условиях залогом спасения мусульман в Средней Боснии, и не случайно именно здесь, а не в Горажде, Тузле и Сараево, были созданы их лагеря. В условиях внешней агрессии, как со стороны православных сербов, так и со стороны вчерашних союзников католиков-хорватов, в рядах Армии Боснии и Герцеговины начал расти исламский фундаментализм, тем более что в различные фундаменталистские организации вкладывались большие деньги. Далеко не все в мусульманской среде обрадовались

моджахедам, но за ними стояли сила, деньги и власть, что в Боснии и Герцеговине вещи ключевые. К тому же выбирать времени не было. В условиях нехватки техники командование Армии Боснии и Герцеговины сделало упор на использование ударных отрядов, хорошо подготовленной пехоты, благо местность была горно-лесистая. В боевых действиях против ХВО применялись и подобные отряды из других корпусов, в частности разведывательно-диверсионный отряд 2-го корпуса «Живинички оси» (командир — Мевлудин Махмутбегович), который был создан из военной полиции и сыграл, наряду с другими отрядами, важную роль в остановке хорватского наступления в Средней Боснии. В начале 1993 года хорваты планировали полностью поставить под свой контроль долину реки Лашва в Средней Боснии, в первую очередь в районе городов Травник и Нови Травник.

ФОТО 54. Эмблема 7-й «Муслиманской» бригады

ФОТО 55. *Строй 7-й мусульманской бригады*

Мусульмане, однако, быстро развернули часть сил 3-го (штаб в Травнике) корпуса против ХВО, создав в Средней Боснии новый фронт. Командование Армии Боснии и Герцеговины 27 февраля 1993 года создало в составе 3-го корпуса (командующий — генерал Энвер Хаджихасанович) оперативную группу «Босанская Краина» в составе 7-й, 17-й, 27-й и 37-й бригад, а затем к ней была присоединена часть сил Оперативной группы «Запад» — 306-я, 325-я, 312-я, 308-я и 305-я бригады. Помимо оперативной группы «Босанска Краина» со штабом в городе Травник и под командованием Мехмеда Алагича, в составе 3-го корпуса были созданы оперативные группы «Босна» с штабом в городе Завидовичи и под командованием Рефика Лендо; «Запад» с штабом в городе Бугойно и под командованием Селмо Цикотича; «Лашва» с штабом в городе Какань под командованием Нехру Ганьца, и, таким образом, большая часть сил 3-го корпуса армии Боснии и Герцеговины находилась на фронте против ХВО. Во главе оперативной группы «Босанская Краина» встал подполковник Мехмед Алагич, быстро получивший чин генерала.

ФОТО 56. Дислокация сил Оперативной зоны ХВО «Средняя Босна» в мае 1993 года

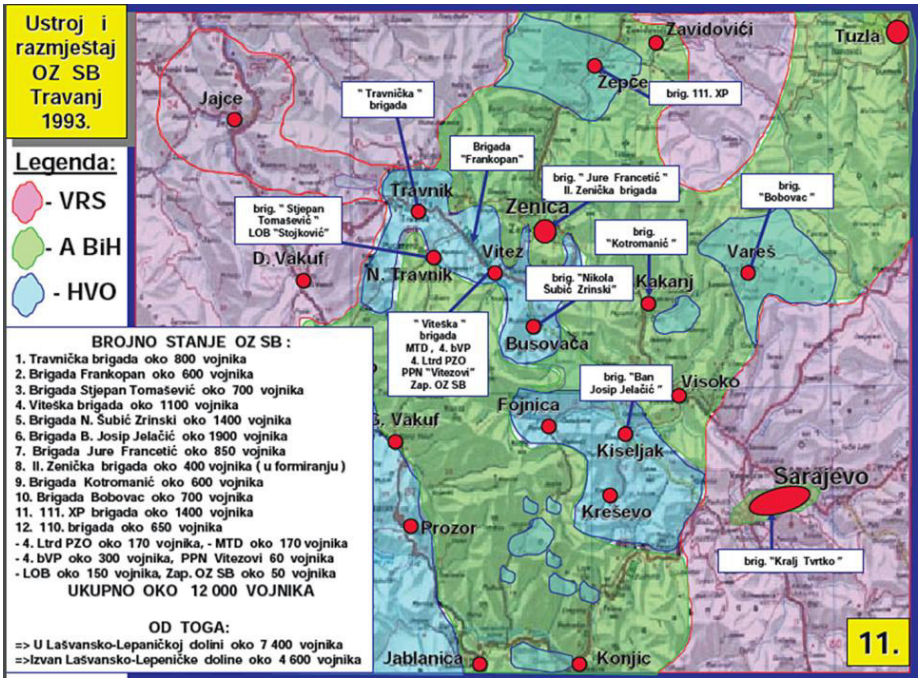

ФОТО 57. Командуюций оперативной группой «Босанская Краина» Мехмед Алагич

Мехмед Алагич разместил свой штаб в Травнике и сделал упор на полную мобилизацию военноспособного населения [8]. Сам Алагич тогда имел фактически лишь две мобильные части — 17-ю «Краинскую» и 7-ю «Мусульманскую» бригады, но при этом два батальона его 17-й бригады первое время не имели достаточно стрелкового вооружения, что вынудило его проводить обыски по домам в поисках спрятанного оружия [8]. Само снабжение в 3-м корпусе было очень плохо организовано — отсутствовала централизация, частные предприниматели помогали плохо, а политики избегали брать на себя ответственность по принудительным сборам [8]. Многие военные командиры вели себя как феодалы, абсолютно не заботясь о своих соседях по фронту, но в итоге снабжение наладилось в результате жестких мер командования, массовой финансовой помощи исламских стран и, в немалой мере, в силу решения Алагича разрешить торговлю с сербами на открытом для этого базаре в Меокрине [8].

Благодаря оперативным мерам Мехмед Алагич опередил командование сил ХВО в Травнике. Мусульмане, заранее подготовившись к боям и первыми напав на хорватов, имели ряд успехов, так что хорваты довольно скоро осознали, что их руководство ошиблось в расчетах. В Травнике все началось с уличных столкновений 8 апреля, на индивидуальной основе хорватов и мусульман, которые затем быстро переросли в бои 9 апреля за отель «Ориент» [4]. В Травник тогда были переброшены силы из Зеницы, включая отряды моджахедов, и 13 апреля моджахеды захватили в плен заместителя командира бригады ХВО «Степан Томашевич (Stjepan Tomasevic)» из Нового Травника Владо Слишковича, с двумя офицерами разведки и водителем, хотя местная бригада ХВО «Степан Томашевич (Stjepan Tomasevic)» вначале организовала нападение на мусульман и арестовала свыше полусотни гражданских мусульман и полсотни военнослужащих армии Боснии и Герцеговины, часть из них отправив в лагерь Стойковичи [4]. Армия Боснии и Герцеговины, однако, быстро остановила наступление бригады ХВО «Степан Томашевич». Пока отряд моджахедов взял село Милетичи с направления села Опара под Новым Травником, подразделения Армии Боснии и Герцеговины развер-

нули наступление на Витез. Уже 14 апреля Нови Травник был ими блокирован, и дорога на Горни Вакуф была перерезана постами армии Боснии и Герцеговины. 15 апреля был взят в плен мусульманами Живко Тотич — командир бригады ХВО «Юре Франчетич (Jure Francetic)» в Зенице, а его охранники были убиты, тогда как остальные офицеры штаба этой бригады были арестованы, а сама бригада потеряла способность к действиям [4]. Затем сам Тотич и трое офицеров штаба бригады ХВО «Степан Томашевич (Stjepan Tomasevic)» и их водитель, взятые в плен 13 апреля под Новым Травником, были заменены 16 апреля на одиннадцать моджахедов и двух местных мусульман, захваченных в середине февраля и в начале апреля силами ХВО [4]. Однако, хотя сам захват заложников из командования ХВО был вызван нуждами размена пленных, результат всего этого для хорватов в Зенице был плачевный. Две бригады ХВО в Зенице и окрестностях (в частности, в Подбрэлье) были разгромлены практически полностью, а их военнослужащие с семьями бежали на позиции ХВО под поселком Нова Била [4]. Часть же из них бежать не успела и была окружена в районе села Кайдрас, и в итоге многие хорваты оказались в концлагерях, созданных мусульманами в Белемишче, в музыкальной школе в Зенице и в поселке Немила. В районе Травника силами ХВО также были потеряны села Горня Буковица, Дonya Буковица и Слимен, и из этого района силы ХВО отступили на сербские территории, вместе с гражданским населением, при посредничестве миротворческих войск ООН. Затем, после установления контроля над Травником, силы Армии Боснии и Герцеговины развернули достаточно успешные наступления по направлению к Какню, Бугойно и Прозору. В Бусоваче положение ХВО оказалось более стабильным, но здесь дестабилизирующим фактором стало прибытие мусульманских беженцев из Яйце, начавших захватывать в декабре 1992 года здесь дома и квартиры, ибо они считали, что в падении города Яйце виновно ХВО и все хорваты.

19 декабря в Бусоваче была создана бригада ХВО «Никола Шубич Зрински (Nikola Subic Zrinski)» в составе двух батальонов под командованием Душко Грубешича [4]. В январе 1993 года силы ХВО установили свою фактическую власть в Бусоваче, хотя в

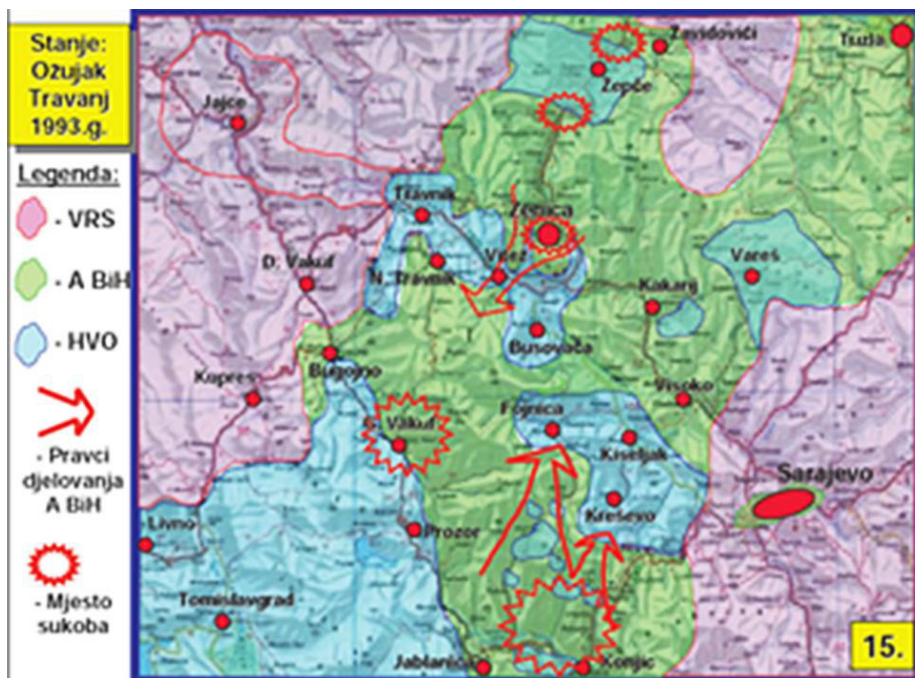
городе еще оставались мусульмане, получавшие поддержку из соседних мусульманских сел Мердари и Грабле, где находились силы 303-й бригады армии Боснии и Герцеговины, и на помощь этой бригаде были переброшены подразделения из других частей 3-го корпуса [4]. Силы оперативной группы «Лашва» (333-я бригада и 2-й батальон 7-й «Мусульманской» бригады) под командованием Нехру Ганьца захватили села Лашва и Душина, причем в Душине были убиты многие хорватские пленные и гражданские лица, в том числе местный хорватский командир Звонко Раич [4]. Мусульманские силы установили линию фронта по направлению к селу Качуни. С этого направления 23–24 января 1993 года их силы 301 механизированной и 303-й, 314-й и 333-й «горных» бригад, а также силы 310-й бригады, наступавшей со стороны Фойницы, как и силы мобильного резерва-батальона 7-й бригады и подразделения военной полиции, захватили село Качуни, через которое проходила важная дорога из Киселяка в Бусовачу, откуда дорога уже шла на Витез и Травник, и продолжили наступление на села Незировичи, Оселиште, Густы Граб и Доне Поле, откуда местное хорватское население было изгнано [4].

15 апреля силы армии Боснии и Герцеговины захватили высоты Куберно, затем силы ХВО смогли опять восстановить линию фронта. Соседнюю Фойницу оборонял 3-й батальон бригады «Бан Елачич», и 18 апреля он получил приказ Тихомира Блашкича начать наступление на позиции мусульман у села Душина, однако командование 3-го батальона бригады ХВО «Бан Елачич (Ban Jelacic)» под давлением местной хорватской администрации, не желавшей конфликта с мусульманами, отказалось выполнять приказ [4]. В силу этого командир батальона Степан Тука 20 апреля был смещен с должности Блашкичем и заменен Драго Симуничем, и весь апрель и май под Бусовачей шли бои.

В Киселяке силы бригады ХВО «Бан Елачич (Ban Jelacic)», усиленные 4-м батальоном военной полиции, сумели разбить мусульман, отступивших в район сел Свинярево, Бехричи и Гомионица. Однако затем, после неудачной попытки хорватского наступления на район Гомионицы, в котором лишь несколько мусульманских сел было razоружено, в середине апреля 1993 года

Армия Боснии и Герцеговины, силами подразделений 302-й бригады из Високо, 1-го батальона, 303-й бригады, 1-го и 2-го батальонов 17-й «Краинской» бригады, начала наступление в районе Киселяка из района Свинярево-Младеновац-Гомионица, с целью пересечь дорогу из Киселяка на Бусовачу [4]. Хотя силы Армии Боснии и Герцеговины подошли на расстояние в полкилометра от дороги, однако хорваты тут же перешли в контрнаступление, захватив села Брезовена, Вишница, Вишничко Поле, изгнав оттуда свыше тысячи мусульманского населения.

ФОТО 58. Боевые действия в Средней Боснии в апреле-мае 1993 года

Большие бои разгорелись в апреле 1993 года за Витез и Стари Витез. Начались они с того, что хорватское командование, ради устрашения мусульман, отдало приказ о начале операции по «чистке» от всего мусульманского населения хорватско-мусульманского села Ахмичи. В Витезе были дислоцированы силы «Витезской» бригады ХВО под командованием Марио Черкеза,

а также отдельные группы специального назначения «Vitezovi (Витезови)», «Tvrtko-II (Твиртко-2)» и 4-го батальона военной полиции под командованием Пашко Любичича [4]. По протоколу судебного решения Международного трибунала в Гааге о признании виновным Тихомира Блашкича, согласно которому он был в 2000 году осужден на 45 лет лишения свободы (уменьшенных по жалобе в 2004 году на девять лет), силы 1-й «антитеррористической» роты, носившей имя «Джокеры», входившей в 4-й батальон военной полиции, утром 16 апреля атаковали позиции Армии Боснии и Герцеговины под селом Ахмичи, блокировавшие важную дорогу Травник-Витез-Бусовача, и при артиллерийской поддержке смогли захватить село, потеряв троих убитыми. После этого была начата зачистка сел с помощью оставшихся здесь хорватов, так что свыше сотни местных мусульман, вместе с членами их семей, включая женщин и детей, были расстреляны. Затем было взято село Доня Вечереска, где, однако, командование ХВО отказалось от расстрелов, так как мусульмане в селе оставаться уже не захотели. В самом Витезе тогда был дислоцирован 1-й батальон Чеширского полка под командованием подполковника Роберта Стюарта, однако в Ахмичи они попали лишь после ухода оттуда хорватов, где и смогли обнаружить 104 трупа мужчин, женщин и детей [9]. Силы UNPROFOR в Средней Боснии включали британский «миротворческий» батальон «Бритбат» в поселке Нова Била (одна рота была дислоцирована в городке Горни Вакуф) и Голландско-бельгийский транспортный батальон, дислоцированный в Бусоваче. Первым британским миротворческим батальоном был 1-й батальон 22-го Чеширского полка (1st Battalion, 22d (Cheshire) Infantry Regiment), прибывший из Германии в октябре 1992 года [4]. Силы этого батальона, оснащенные БМП «Warrior», приняли участие в сопровождении «гуманитарных» конвоев ООН, осуществлявшихся Голландско-бельгийским транспортным батальоном UNPROFOR. В мае 1993 года этот батальон был заменен 1-м батальоном Йоркширского полка (1st Battalion, Prince of Wales's Own Regiment of Yorkshire), а последний в ноябре 1993 года был заменен 1-м батальоном полка Колдстримской гвардии (1st Battalion, Coldstream Guards) [4].

ФОТО 59. *Боснийский мусульманин перед БМП британских миротворцев*

В июне 1993 года силы ХВО напали на «гуманитарный» конвой ООН, убили нескольких водителей в нем, а сам конвой разграбили [9]. В силу этого мусульмане, увидев, что особой помощи им от миротворцев ООН нет, стали рассчитывать на собственные силы. Благодаря этому в Витезе мусульмане смогли удержаться в Старом Витезе — части города, населенной мусульманами [4]. Здесь мусульмане мобилизовали все мужское и частично женское население на воинскую службу и, хотя этот район силы ХВО Витеза смогли окружить в наступлении 16 апреля, к мусульманам в Старом Витезе, с направления дороги Травник-Бусовача, смогло пробиться подкрепление, а 18 апреля было подписано перемирие в районе Витеза [4]. 21 апреля начальник штаба ХВО Миливой Петкович и начальник штаба армии Боснии и Герцеговины Сефер Халилович встретились в центре наблюдателей ЕС (центр мониторинга) в поселке Нова Биля, при посредничестве представителя ЕС Жана-Пьера Теобальта, для проведения в жизнь договора о прекращении огня, достигнутого Бобаном и Изетбеговичем. Была договоренности о остановке наступательных операций при посредничестве войск UNPROFOR, а также

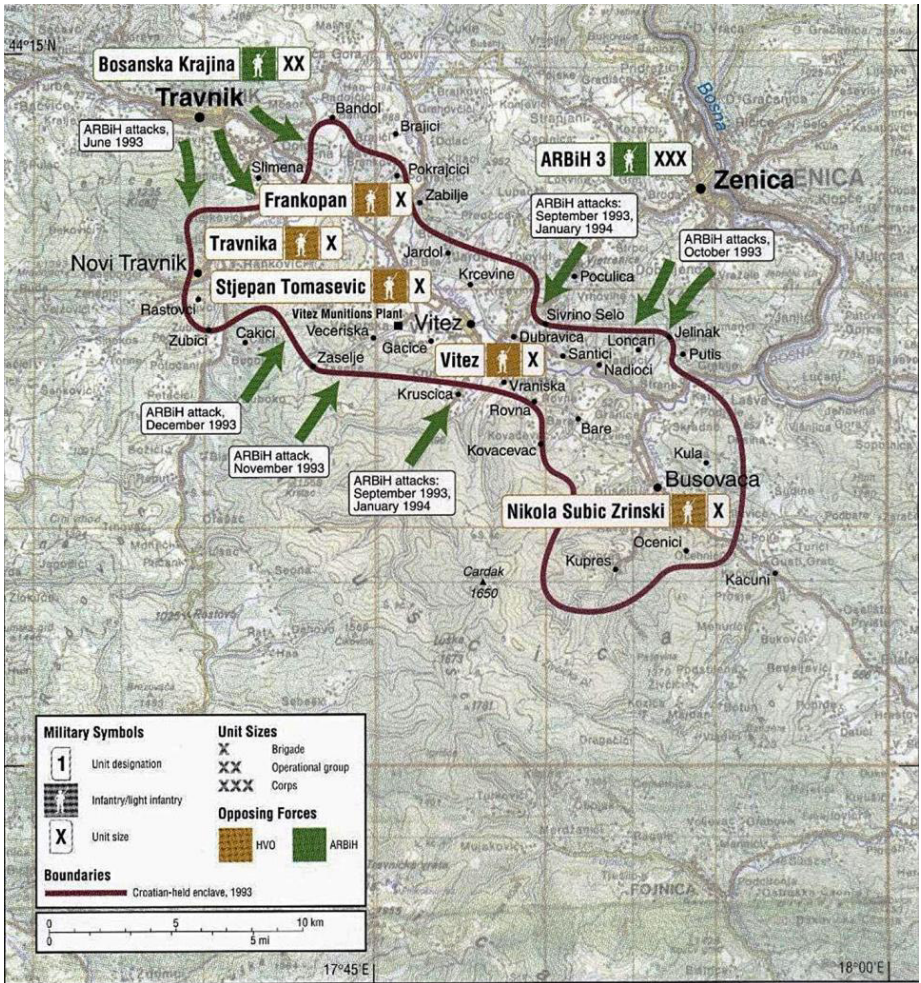
эвакуации с их помощью окруженных под Зеницей хорватов, а командующий ХВО Тихомир Блашкич дал приказ о приостановке боевых действий и созданию под контролем сил UNPROFOR демилитаризованной зоны вдоль дороги Витез-Бусовача. Впрочем, ХВО не соблюдало договор, и 20 мая силы ХВО под Киселяком захватили село Хан-Плоча, выбив оттуда мусульманские силы в сторону Високо, а затем, 23–25 мая, и район Гомионицы, откуда мусульмане отступили также к Високо [4]. В итоге, воспользовавшись подписанным перемирием и собрав дополнительные силы, командование 3-го корпуса армии Боснии и Герцеговины и ее оперативная группа «Босанска Краина» с 6 по 8 июня начала, силами оперативной группы «Босанска Краина» (312-я бригада Зияда Габера, 17-я «Краишка» бригада Фикрета Чускича, 27-я бригада Расима Имамовича, как и отдельные подразделения 7-й «Мусульманской» бригады, 308-й, 325-й и 37-й бригад) и армии Боснии и Герцеговины, под командованием Мехмеда Алагича, массированное наступление, в котором полностью разгромили силы ХВО в Травнике [4].

ФОТО 60. Похороны военнослужащего Армии Боснии и Герцеговины в Травнике // Джеймс Мэсон (James Mason)

9 июня силы 308-й бригады (командир — Бислим Зурапи) 3-го корпуса армии Боснии и Герцеговины, поддержанные подразделениями 307-й бригады из Бугойно, 317-й бригады из Горнег Вакуфа, 7-й «Мусульманской» бригады, а также подразделениями МВД и отрядами моджахедов, атаковали хорватские позиции южнее Травника, обращенные к сербской линии фронта [4]. Так как к тому времени, насколько было широко известно во всей Боснии и Герцеговине, боевые действия между хорватами и сербами прекратились, то служба на позициях неслась плохо, и вышеупомянутые позиции были быстро захвачены мусульманами, как и соседние хорватские села Руда, Джаовичи и Ноковичи [4]. В итоге бойцы ХВО и хорватские беженцы тысячами бежали на сербскую территорию. 14–15 июня мусульмане продолжили наступление на хорватские села между Новым Травником и Травником, а 18 июня начали наступление на линии обороны ХВО под Травником [4]. После того как на отдельных участках, как, например, у села Лазини, линия фронта ХВО в районе Зубичи-Путичево была прорвана, уже 24 июня пало село Равне Ростово, а в начале июля — села Рат и Себешич. В этих боях была разгромлена и вся бригада ХВО «Франк Кырсто Франкопан (Frank Krsto Frankopan)», удерживавшая позиции под Травником в районе сел Граховичи, Брайковичи, Плавичи, Гуча Гора и Буковица. Как эти села, так и иные хорватские села в окрестностях Травника хорватское население покидало, ибо те, кто оставался, нередко были убиты, а сами села грабились и поджигались мусульманами. В ходе разгрома под Травником 427 военнослужащих ХВО и 157 гражданских хорватов было убито в районе Нови Травник-Нова Била-Бусовача в июне, июле, августе 1993 года [4]. 14 июня были разгромлены силы бригады ХВО «Котроманич (Kotromanic)», удерживавшей до этого район под Какнем, и силы бригады вместе с 13–14 тысячами беженцев вышли в районы Киселяка и Вареша [4]. То, что 15 июня новое соглашение о прекращении огня было подписано как командующим ХВО генералом Миливоем Петковичем и ново назначенным командующим Армии Боснии и Герцеговины генералом Расимом Деличем, так и командующим ВРС генералом Ратком Младичем, на боевые действия в Средней Боснии не повлияло.

ФОТО 61. Боевые действия в долине реки Лашва в 1993 году, с направлениями нападений Армии Боснии и Герцеговины

24 июня началось наступление сил 3-й оперативной группы ХВО (110-я и 111-я бригады ХВО) под командованием Иво Лозанчича на позиции 319-й бригады армии Боснии и Герцеговины [4]. В общине Жепче еще 14 июня было подписано соглашение о сотрудничестве хорватов с сербами из Добоя, что вылилось хорватам в солидную сумму денег. То, что в сентябре 1992 года силы

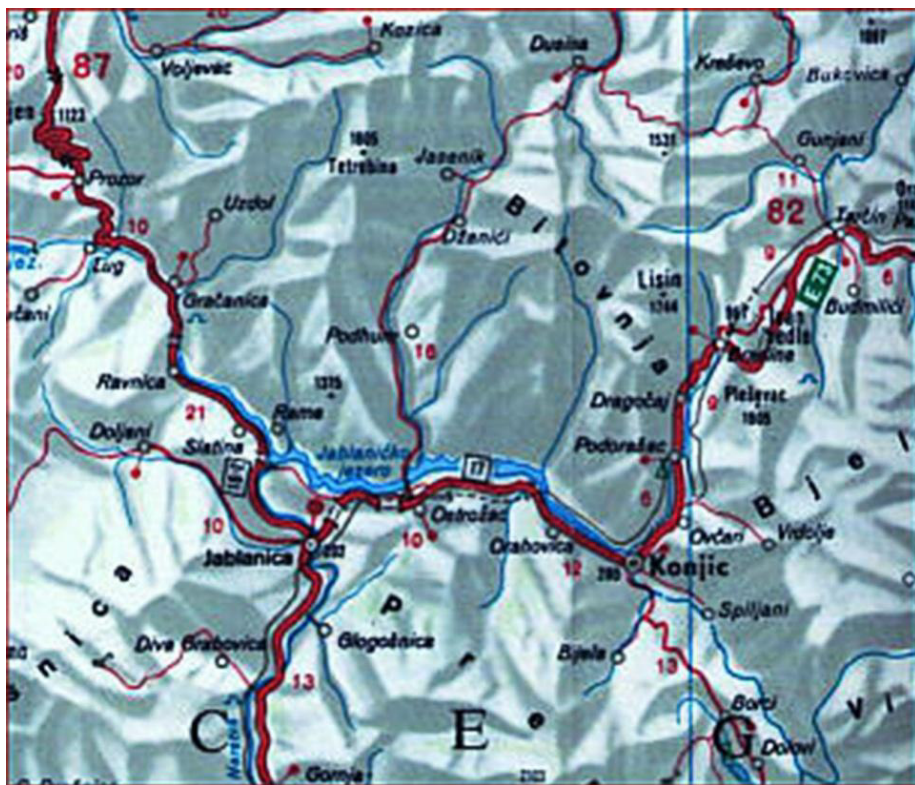

бригады ХВО из Жепче сожгли сербское село, в ходе чего, согласно данным «кантональной» (кантон — административная единица в Федерации Боснии и Герцеговины, которая вместе с Республикой Сербской и составляет современную Боснию и Герцеговину) прокуратуры в Зенице, было убито 42 человека, в том числе гражданских и пленных, в данном случае на договор не повлияло. Сербская поддержка сыграла ключевую роль, так как мусульмане не ожидали, что ХВО так быстро сумеет договориться с сербами из оперативной группы «Добой». При поддержке сербских танков и сербских штурмовых отрядов силы ХВО напали в самом центре Жепче на силы 319-й бригады армии Боснии и Герцеговины под командованием Галиба Дервишевича. Сербские танки 2-й танковой бригады начали обстреливать и Нови Шехер прямой наводкой, пока там шли бои на улицах между хорватами и мусульманами, а часть сербских танковых подразделений 29 июня, при поддержке сербской артиллерии, отсюда стала продвигаться на Маглай. В то же время подразделения 111-й бригады ХВО в соседнем городе Завидовичи были выбиты из города и окружены на берегу реки Босны подразделениями Армии Боснии и Герцеговины. Силы 111-й бригады ХВО лишь через неделю вышли из окружения вместе с гражданским населением из Завидовичей и сел Ловница, Дебело бырдо, Диджачичи, направившись в Жепче [4]. Дислоцированная в соседних Завидовичах 318-я бригада Армии Боснии и Герцеговины Исмета Мамагича, несмотря на поддержку других сил оперативной группы «Босна» 3-го корпуса, смогла сохранить лишь позиции по горам вокруг Жепче, ибо их наступление на Жепче и Нови Шехер так успеха и не имело [4]. 30 июня около 5 тысяч мусульман Жепче сдались вместе со своей 319-й бригадой и были отправлены в лагерь в Новой Трговине, тогда как мусульмане из Нового Шехера, также сдавшиеся хорватам, были сначала заключены в одном туннеле, а затем отправлены в лагерь в Герцеговине. Следует отметить и то, что, хотя в устройстве концлагерей «международным сообществом» обвинялись в основном сербы, однако, согласно данным международной организации Красного креста, в 1993 году сербы, после роспуска своих концлагерей, которые создали весной-летом 1992 года, содержали до тысячи заключенных,

тогда как мусульмане содержали около 1,5 тысяч заключенных, а хорваты 4,5 тысячи заключенных. Это вызвало даже появление резолюции Совета безопасности ООН от 15 сентября 1993 года к руководству Херцег-Босны с требованием роспуска концлагерей. При этом, согласно данным «кантональной» прокуратуры в Зенице, около 160 мусульман, в том числе гражданских, было убито, а остальные тысячами заключались в лагеря, так что за несколько месяцев от 9 тысяч мусульман в районах Жепче и Нови Шехер почти никого и не осталось. В другом регионе — Киселяке — недалеко от Сараево силы бригады ХВО «Бан Йосип Елачич» под командованием Ивицы Раича силами 1-го батальона находились на подступах к Високо, удерживаемому Армией Боснии и Герцеговины, силами 2-го батальона обороняли Крешево, а силами 3-го батальона обороняли позиции под Фойницей [4]. Командование ХВО в Киселяке поддерживало союзнические отношения с силами Армии Республики Сербской, удерживавших сараевские пригороды Илиджу и Хаджичи, и получало от них вооружение, боеприпасы, а нередко и целые воинские подразделения, естественно, оплачивая это. 25 июня силы ХВО, при поддержке сербских подразделений, вошли в мусульманское село Тулице, блокировавшее движение из Киселяка к сербской Илидже, и в ходе нападения подразделение специального назначения «Матурице» из Киселяка, согласно приговору суда Боснии и Герцеговины от апреля 2008 года, расстреляло десять арестованных мусульман. С возобновлением боевых действий мусульмане начали наступление на хорватскую часть Фойницы 2 июля 1993 года, закончившееся падением Фойницы 10 июля от рук Армии Боснии и Герцеговины, а после упорных боев хорваты были выбиты со своих главных позиций на Малкоче 16 июля 1993 года. ХВО начало отступать, а за ним сбегало и почти все хорватское население Фойницы — 6 тысяч человек. Многие из оставшихся были убиты на месте или отправлены в созданные мусульманами лагеря, были сожжены и хорватские села Баковичи, Тешило, Лучичи, Рагале, Муяковичи. Успехом мусульман можно считать разгром сил ХВО в районах Кониц, Ябланица, Пазарич, Тарчин, чем, собственно, и были созданы условия для прорыва к Мостару сил Армии Боснии и Герцеговины, так как

находившиеся там силы ХВО угрожали существовавшим линиям снабжения Армии Боснии и Герцеговины, шедшими как в Сараево (через горы Игман), так и в Мостар (через горный хребет Преня). К тому же в Конице находилась важная для мусульман фабрика по производству боеприпасов, и позволить, чтобы она попала в руки хорватов, они не могли.

ФОТО 62. Район Ябланицы и Кониц

Для мусульман, чьи войска уже «набили руку» на местных сербах, хорваты особой проблемы не составили, и, «зачистив» больше десятка сел, в которых жили хорваты, а также сам Кониц и соседнюю Ябланицу, они поставили своеобразную точку, взяв 16 мая 1993 года штурмом село Трусуина и убив 22 пленных и гражданских лица, и тем самым поставили весь этот район под свой пол-

ный контроль. В сентябре 2009 года по обвинению в совершении военных преступлений в хорватском селе Трусина, с санкции Суда Боснии и Герцеговины, были арестованы бывшие военнослужащие отряда специального назначения «Зульфикар» Неджад Ходжич, Менсур Мемич, Джевад Салчин, а также бывший военнослужащий 45-й бригады Сенад Хакалович, тогда как в ноябре 2009 года по этому же обвинению был арестован бывший заместитель отряда специального назначения «Зульфикар» Армии Боснии и Герцеговины и бригадный генерал Объединенных вооруженных сил Боснии и Герцеговины Нихад Бояджич. Согласно Суда Боснии и Герцеговины на проведение процесса по военным преступлениям категории «А», основанном на фактах убийств 19 гражданских хорватов и трех пленных хорватов в селе Трусина под городом Кониц, дал Международный трибунал в Гааге.

Местное командование ХВО в 1993 году не проявило внимания к частым случаям конфликтов с мусульманами в этом районе с конца 1992 года, и за эту невнимательность заплатили местные хорваты, в особенности сел Савичи и Доляни под Ябланицей, десятки жителей которых в июле 1993 года были изгнаны из своих сел, а некоторые были убиты.

В противоположность силам армии Боснии и Герцеговины, в Жепче и Новом Шехере, в Бугойно силы армии Боснии и Герцеговины под командованием Шефкия Джиджича, быстро создав свои позиции в соседних к Бугойно селах, обеспечили успешные действия сил армии Боснии и Герцеговины в самом городе [10]. Когда 19 июля 1993 года, после убийства трех мусульманских полицейских, начались бои в Бугойно, местная бригада ХВО «Еуген Кватерник (Eugen Kvaternik)» уже к 27 июля была разгромлена 307-й бригадой Армии Боснии и Герцеговины под командованием Тахира Гранича, и мусульмане захватили артиллерию (7 гаубиц, 17 пушек, десятки ЗУ и ЗПУ) этой бригады в селении Цырнички Подови [10]. Около 200 военнослужащих ХВО сдалось в отеле «Калин» [10]. Боевые действия в Бугойно прошли быстро, и к 28 июля Бугойно пало, а села Удурля, Луга, Чаушлия, Бристова, Росуля, Кула и Вучиполье были захвачены силами Армии Боснии и Герцеговины [11].

ФОТО 63. Район Бугойно

Хорватские беженцы из Бугойно и соседних сел сначала собрались в селе Цырнчичи, а оттуда, через село Мрачая и город Купрес, бежали в Герцеговину и Хорватию. Погибло в боях за Бугойно около 90 военнослужащих ХВО, около 350 хорватов было взято в плен или арестовано, и в лагерях иные из них были убиты, а иные замучены, а 13 тысяч хорватов из этого города бежало на сербскую территорию, причем некоторые погибли в артиллерийских обстрелах армией Боснии и Герцеговины колонн беженцев и на минных полях [11]. Как результат всех этих поражений, десятки тысяч хорватов вместе с подразделениями ХВО были вынуждены уйти из районов Средней Боснии на территорию Республики Сербской. Так, на сербскую территорию отступило, а то и бежало из хорватских анклавов: из района Жепче и Зеницы — около ты-

сячи бойцов и 30 тысяч гражданских; из района Бугойно — 600 бойцов и 6,5 тысяч гражданских; из района Вареша — 1 тысяча бойцов и 26 тысяч гражданских; из района Травника — 2 тысячи бойцов и 20 тысяч гражданских (сообщение для прессы Главного Штаба ВРС на период 1993 года). Это поражение вызвало выступления против власти Туджмана в Загребе, выступления не только либеральной оппозиции, но и ряда хорватских националистов, как, например, Добросава Параги, лидера партии ХСП, которой подчинялись вооруженные силы ХОСа. Парага в апреле 1993 года в ходе выступления в американском Конгрессе открыто обвинил Франьо Туджмана в сговоре с Милошевичем и в предательстве интересов хорватов в Посавине и в Средней Боснии, а позднее, в 1997 году, он подал против Туджмана обвинение в совершении военных преступлений в Боснии и Герцеговине. Сербские обязательства проистекали из договоров сначала Туджмана и Милошевича, а затем и лидера Херцег-Босны — Мате Бобана и Радована Караджича — президента Республики Сербской. К тому же в 1992 году тысячи сербских беженцев из Витеза, Зеницы, Вареша, Киселяка и прочих мест Средней Боснии выходили на сербские территории, во многом благодаря помощи ХВО, в составе которого было одно время немало этих же сербов, и не так уж мало осталось их в ХВО и после событий 1993–1994 годов. В июле командование армии Боснии и Герцеговины предприняло и большое наступление на город Витез силами 7-й «Мусульманской», 17-й «Краинской», а также 303-й, 306-й, 325-й и 333-й бригад, по направлениям Качуни — Бусовача — Каоник — Витез, Зеница-Кубер (Лашва) — Каоник — Витез и Зеница — Преоница — Витез, тогда как вспомогательные направления шли на Витез с направления Крушчицы на Витез, с направления Враньске и Почулицы на Сиврино село, и с направления Хан-Била через Стару Билу, с целью пересечения дороги Травник-Витез, но оно силами ХВО остановлено [4]. Тем не менее силы 3-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины смогли занять господствующие над Витезом высоты и обеспечить относительную надежность своих коммуникаций из Травника в Зеницу, которым хорватские силы с этих высот до этого угрожали.

В июне, после трехмесячного перемирия, возобновились бои и за город Горни Вакуф, хотя последний оказался почти в полном хорватском окружении, имея выход на свою «основную» территорию лишь через горную дорогу. ХВО развернуло наступление на этот городок в июле 1993 года. Хотя особых приобретений силы ХВО здесь не получили, тяжелые бои шли в этом районе до февраля 1994 года.

ФОТО 64. Военнослужащий Армии Боснии и Герцеговины в боях за Горни Вакуф

Новое наступление сил ХВО, во главе с их новым, с октября 1993 года, командующим генералом Анте Росо (бывшим сержантом французского иностранного легиона), на позиции 3-го и 4-го корпусов Армии Боснии и Герцеговины началось в ноябре-декабре 1993 года, с главной целью по захвату города Горни Вакуф, но в итоге было остановлено. Несмотря на тяжелое положение в Горном Вакуфе, обстреливаемом с окрестных гор, мусульмане (оперативная группа «Запад») позднее несколько раз переходили в наступление. То, что ХВО не удалось взять Горни Вакуф, негативно сказалось на положении хорватских сил (центральной опера-

тивной группы) в Бусоваче и Витезе, оставшихся в полуокружении, так как главная дорога к ним шла через горный массив Враница, как раз через город Горни Вакуф.

В хорвато-мусульманской войне, конечно, не было однородности и где-то все заканчивалось простым переподчинением, а затем расформированием сил ХВО, как, например, в Бихаче, где 101-й полк ХВО просто был насильно включен в состав 5-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины, или в Сараево, где командование 1-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины сразу заставило местную бригаду ХВО «Краль Твыртко» участвовать в оборонительной операции против наступавших в июле 1993 сербских войск в районе горных массивов Игман и Белашницы. Затем, после трехдневных боев, в августе 1993 года эта бригада была переформирована в бригаду армии Боснии и Герцеговины, отличавшуюся от других бригад лишь повышенным процентом хорватов и сербов. Где-то столкновения шли короткое время и относительно умеренно, как, например, столкновения подразделений 107-й бригады ХВО (штаб в Градацце) с мусульманскими силами под Тузлой, либо 108-й бригады ХВО под Бырчко. Всего из 13 бригад ХВО в первой половине 1993 года было разгромлено пять силами Армии Боснии и Герцеговины, что представляло собою поражение ХВО [4]. При этом ХВО, потеряв свои «анклавы», все равно не имело стабильной линии фронта в Средней Боснии, и силы армии Боснии и Герцеговины в Бугойно, Фойнице и в Горнем Вакуфе играли роль клиньев во фронте ХВО [4].

После того как 28 августа 1993 года Хорватска заедница Херцег-Босна была переименована в Хрватску републику Херцег-Босна (Хорватскую республику Херцег-Босну), новым начальником штаба ХВО генералом Слободаном Пральком было начато создание профессиональных бригад — 1-й гвардейской, с штабом в Чаплине; 2-й гвардейской, с штабом в Томиславграде; 3-й гвардейской, с штабом в Витезе; 4-й гвардейской, с штабом в Орашье, и отдельного 116-го батальона «Людвиг Павлович (Ludvig Pavlovic)», на базе одноименного разведывательно-диверсионного отряда со штабом в Чаплине, тогда как существовавшие бригады ХВО были переформированы в «домобранские» полки [4]. Однако

из-за недостатка сил и средств продолжала сохраняться необходимость отправки регулярных сил армии и полиции Хорватии на фронт в Боснию и Герцеговину. Доказательств тому было достаточно предоставлено как в Совете Безопасности ООН, так и в Международном трибунале в Гааге; так, в номере от 8 февраля 1994 года в британской газете «Индепендент», в статье «Bosnia army finds more proof of Zagreb troops» журналист Кристофер Беллами (Christopher Bellamy) описал факты нахождения мусульманами документов хорватских военнослужащих, как и боевой техники армии Хорватии, в ходе боев под Прозором. Впрочем, особого успеха хорваты в Средней Боснии все равно не достигли. Безуспешны для них были попытки вернуть Фойницу силами как ХВО Киселяка и Крешево (94 и 95 полки ХВО), так и 3-й гвардейской бригады ХВО «Ястребовы» из Витеза и 93 полка ХВО (до этого — бригада ХВО «Никола Зриньский») из Бусовачи, а также подразделений армии Хорватии.

Фойница, небольшой городок в паре десятков километров от Киселяка, хорватам была необходима, так как через Фойницу могла обеспечиваться прямая связь ХВО с Киселяком, на практике снабжавшегося через Сербское Сараево, с хорватскими силами в средней Боснии. Однако еще более необходима была Фойница мусульманам, ибо соединяла их силы в Средней Боснии с их силами в Герцеговине — 4-м корпусом армии Боснии и Герцеговины. Поэтому хорватское наступление оказалось неудачным, и не помогло им ни привлечение к боевым действиям на своей стороне и сербских войск, главным образом артиллерии и танков. К тому же собранная для этих действий сербская пехота, составленная из добровольцев, так и не пришла к ним на помощь, хотя была договоренность о ее хорошей оплате. Возможно, это была сербская ошибка, ибо с падением Фойницы нападения мусульманских войск на сербские позиции на Игмане, Белашнице, Трескавице, без сомнения, сократились бы. Одновременно, вследствие пресечения неприятельских коммуникаций, открылась бы возможность к быстрому сербскому продвижению на Кониц. Фойница тогда обеспечивала бы фланговое прикрытие правого крыла наступавших (со стороны Хаджичей) сербских войск. При этом противник,

оборонявшийся против этого крыла, не имел бы ни надежных путей сообщения, ни надежного тыла. За его спиной находились бы горные массивы Студеница (1937 м) и Височица (1700 м), затруднявшие переброску резервов из Средней Боснии, где он и так вел тяжелые бои с хорватскими войсками.

С захватом Фойницы в июле, силы Армии Боснии и Герцеговины в августе продолжили наступление силами, выделенными из состава 3-го и 6-го корпусов армии Боснии и Герцеговины. Этим наступлением они пытались отделить силы ХВО в районе Киселяка от союзных им сербских сил в районе Илиджи и Хаджичей. Однако, хотя 11 августа силы армии Боснии и Герцеговины смогли захватить село Баковичи, дальнейшее наступление 21–26 августа было остановлено ХВО. В сентябре 1993 года в этом районе Армия Боснии и Герцеговины начала новую операцию «Неретва-93», которая была проведена под командованием тогдашнего начальника Генерального штаба генерала Сефера Халиловича.

ФОТО 65. *Генерал Сефер Халилович*

ФОТО 66. План операцији «Неретва-93»

К тому времени отношения между последним и новым командующим Армией Боснии и Герцеговины генералом Расимом Деличем обострились. Дабы укрепить свой авторитет, генерал Халилович лично взялся командовать операцией и привлек к ней 9-ю и 10-ю бригады 1-го корпуса, отличившиеся в июльском бунте в Сараево, когда эти бригады отказались подчиняться штабу 1-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины [12]. Рамиз Делалич, заместитель командира 9-й бригады, и Мушан Топалович, командир 10-й бригады, оставались последней опорой Халиловича в Сараево, а, помимо этих бригад, к операции были привлечены 2-й отдельный батальон, отдельный «Прозорский» батальон 6-го корпуса, отряд Зульф리카ра Алишпаго — «Зуки», командовавшего в то время Игманской оперативной группой.

Правда, на практике было затруднительно точно определить, кто руководил операцией, ибо операция к тому же имела два направления: одно к Прозору, а другое — к долине реки Неретва. Впрочем, в силу того, что в местном ХВО боевого опыта было меньше, чем у сил армии Боснии и Герцеговины, последняя смогла относительно успешно провести операцию. Они отбросили вглубь хорватов, захватили два села — Грабовицу (в долине Неретвы) и Уздол (по направлению к Прозору), взяв десятки пленных — «боевиков» ХВО — и перебив до 60 пленных и гражданских лиц, согласно материалам процесса в Международном трибунале в Гааге, на котором за данные убийства сам Халилович был освобожден из-за отсутствия командной ответственности. Впрочем, успех операции Халиловичу не помог. После убийства Топаловича и ареста Делалича в конце октября, 9-я и 10-я бригады прошли переформирование, а сам Сефер Халилович был снят с должности начальника Генерального штаба в ноябре 1993 года и заменен командующим 3-м корпусом генералом Энвером Хаджихасановичем.

Хорватские войска как из местного ХВО, так и из вооруженных сил Хорватии, хоть и были остановлены в Средней Боснии, но были близки к победе в Мостаре. Уже 9 мая 1993 года силы ХВО (южная оперативная группа) захватили штаб 4-го корпуса в Мостаре (командующий корпусом тогда был Ариф Пашалич). Одновременно в городке Столац, на востоке от Мостара, силы ХВО установили

свою власть, выбив из города мусульман, взрывая дома мусульман, как и их мечети, дабы воспрепятствовать их возвращению. С направления Прозора хорватские силы стремились перерезать единственную горную дорогу, проходившую через горные хребты Глогошница и Прень на высоте 2000 метров из городка Ябланица в Восточный (мусульманский) Мостар. Сам Мостар находился в котловине, причем с верха горы Хум, находившейся в хорватской западной части Мостара, до хребта Вележа, где находились сербские позиции, было по воздушной линии около двух километров. Тяжелое положение 4-го корпуса хорошо описано в книге генерала Армии Боснии и Герцеговины Рамиза Дрековича, занимавшего в 1994–1995 годах должность командующего 4-м корпусом, в состав которого тогда были включены и части расформированного 6-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины. Мостар, разделенный на две части — хорватскую, Западную, и мусульманскую, Восточную, — пережил тогда ожесточенные городские бои, вполне сравнимые в вуковарскими, ибо для хорватов Мостар был столицей, а для мусульман — путем к морю, и никто здесь отступить не хотел.

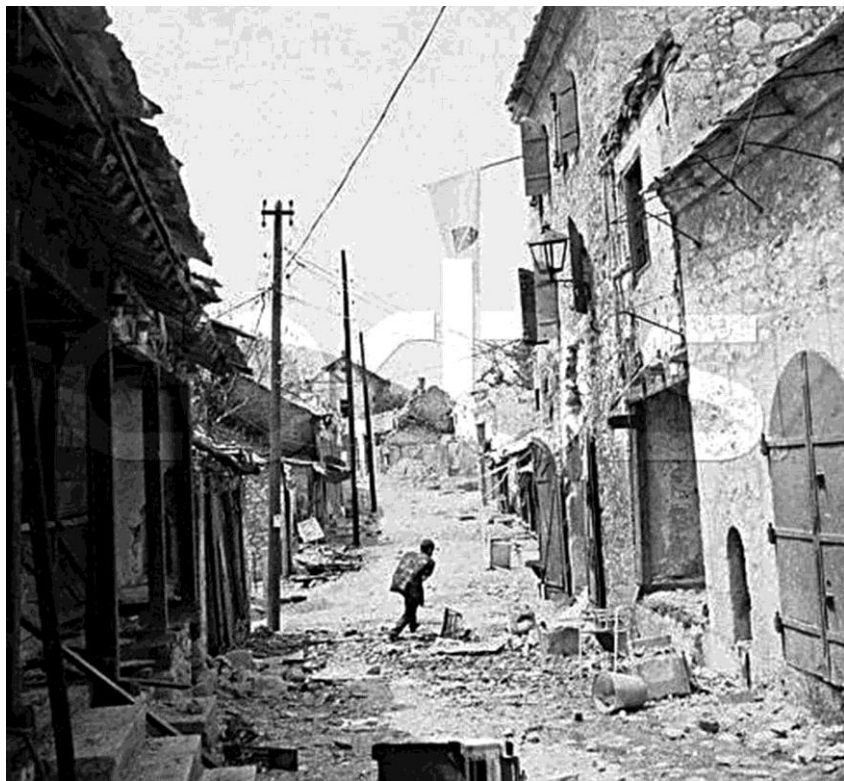
В самом 4-м корпусе, хоть и не испытывался недостаток личного состава (в общей сложности его численность составляла 8000 человек) вследствие притока беженцев, однако положение с боеприпасами обстояло хуже, ибо к началу боевых действий весной 1993 года на его складах было всего около 60 тысяч патронов [13]. Позже положение исправилось благодаря поступлениям боеприпасов с фабрики «Игман» в Конице, а также прохождениям «гуманитарных» конвоев и воздушных перебросок НАТО и прочих союзников. Из двух батальонов ХВО, пополненных мусульманами и перешедших с началом мусульmano-хорватской войны на сторону Армии Боснии и Герцеговины, была создана 48-я бригада [13]. В 4-м корпусе имелась одна (1-я) моторизованная бригада, четыре пехотных бригады, два отдельных батальона (Невесеньский и Гатчинский, игравших роль ударных отрядов), а также артиллерийский дивизион и противотанковая рота, батальон военной полиции, разведывательно-диверсионные отряды «Акрепи» и «Мудэриз» [13]. На фронте мусульмане имели главную задачу — выстоять против превосходящих вооружением хорватских сил в почти полном

окружении хорватских и сербских войск. Упорные бои происходили в самом центре Мостара, в первую очередь на Шантичевой улице, и шли они с переменным успехом. Река Неретва была более-менее устойчивой линией фронта. Все же 30 июня 1993 года мусульмане произвели удачное нападение на хорватские позиции в «Северном лагере» и в Белом поле [13]. Следующее нападение мусульман произошло на поселок Блажуй 15 июля, но оно закончилось неудачей. После этого попыток масштабных наступлений ими не предпринималось. Более упорные бои велись в районе горного хребта Прень, через который шло снабжение 4-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины. В этих боях мусульмане смогли выстоять, а на некоторых участках даже перейти в наступление. Важную роль в действиях 4-го корпуса сыграли «ударные» отряды, в частности отряд «Зульфикар» (командир — Нихад Бояджич), в отряде находилось немало добровольцев из Санджака, албанцев из Косово, Метохии и Македонии, как и самих моджахедов [13]. В апреле 1994 года в 4-м корпусе была создана 4-я мусульманская бригада численностью ранга батальона, под командованием имама из Кониц Незима Халиловича — «Мудериза», на базе одной разведывательно-диверсионной роты [13].

Уровень потерь достигал в частях 4-го корпуса до 20% только погибших за всю войну, и фактически они держались на последних запасах людей, боеприпасов и продуктов питания [13]. Снабжение 4-го корпуса велось из Ябланицы через горные хребты Глогошницы и Прень, по горной дороге, которая проходила через узкое горло между хорватскими позициями в долине реки Неретва и сербскими позициями на горном массиве Вележ [13]. Этот участок обороняла всего одна 4-я бригада Армии Боснии и Герцеговины. Ее командир, Хасе Хакалович, и его заместитель, Юсуф Хаджалия — «Хомейни», отличились тем, что один раз арестовали заместителя начальника Генерального штаба Армии Боснии и Герцеговины генерала Йована Дивяка (серб по национальности) и следовавшего с ним имама Табаковича, а в следующий раз они арестовали американского посла Виктора Яковлевича [13]. Бригада насчитывала около 2–2,5 тысяч бойцов и была фактически такой же «мусульманской» по личному составу, как 7-я и 4-я бригады, и обладала достаточно вы-

соким боевым духом, однако у нее было недостаточно боеприпасов [13]. Созданная позднее из отдельного «Прозорского» (беженцев из Прозора) 446-я легкая бригада, кроме стрелкового вооружения, имела всего 6 минометов калибра 81, 82 и 120 мм и вряд ли могла бы оказать большую поддержку 45-й бригаде [13].

ФОТО 67. Солдат Армии Боснии и Герцеговины в бою в Старом городе в Мостаре

Само существование 4-го корпуса в почти полном окружении сербских и хорватских войск было успехом для мусульман и неудачей для Белграда и Загреба. Последние показали в этом случае, что все их планы, поддерживаемые авторитетом государственной власти, не выдержали испытания на низшем уровне, то есть на уровне людей, готовых их провести. Количество денег и разнообразные политические

связи отступали перед человеческим фактором, о котором эти верхи забыли, надеясь на свою силу, и потому ХВО и ВРС совместными усилиями так и не поразили армию Боснии и Герцеговины.

ФОТО 68. Район Вареша

Большое поражение ХВО потерпел в Вареше. В Вареше, после бегства оттуда большей части сербов, было приблизительно одинаковое число мусульман и хорватов, и местное руководство ХДЗ было против конфликта с мусульманами. В силу этого после прибытия осенью сил ХВО в Киселяк, через сербские позиции, местный хорватский начальник общины и хорватский начальник полиции были ими арестованы, а затем сменены со своих должностей. Силы ХВО развернули 22 октября 1993 года наступление на село Ступни Дол в паре километров от Вареша. Село Ступни дол под Варешем было

центром торговли с ХВО и сербами, согласно заявлению командира «мусульманской» ТО Экрема Махмутовича, приведенного в книге «Мусульмано-хорватская война в Центральной Боснии — Военная история 1992–1994 года» Чарльза Шредера [4].

ФОТО 69. *Позиции ХВО в районе Киселяка*

После захвата села силы ХВО, согласно материалам процесса в Международном трибунале в Гааге, расстреляли до 37 пленных мусульман и гражданских лиц, за что Ивица Раич, командовавший операцией, был в 2006 году осужден на 12 лет лишения свободы. Однако в ноябре под Вареш были переброшены силы 7-й мусульманской бригады и с начавшимся 2 ноября мусульманским наступлением на позиции ХВО (96-го полка «Бобовац») были прорваны. С 3 на 4 ноября ХВО, как и все местное хорватское население, бежали на территорию под контролем сербов в районе Илияша и Илиджи, а оттуда были переброшены в Киселяк. Район в Киселяке оказался в итоге в полном окружении и снабжался благодаря торговле с сербами через находившийся под контролем сербов сараевский пригород Илиджу.

ФОТО 70. *Военнослужащий Армии Боснии и Герцеговины в поселке Махала под Витезом // Джеймс Мэсон (James Mason)*

Ключевым местом обороны ХВО в Средней Боснии стал город Витез, в котором, согласно воспоминаниям генерала Мехмеда Алагича, силы армии Боснии и Герцеговины встретили ожесточенное сопротивление ХВО. В сентябре 1993 года началось наступление 325-й бригады Армии Боснии и Герцеговины на Стару Билу в районе

Витеза, и 5 сентября было взято село Жабле, однако силы ХВО 11 сентября выбили их оттуда. 18 сентября силы Армии Боснии и Герцеговины, при поддержке артиллерии, предприняли новое наступление с целью пересечь дорогу Нова Биля-Бусовача и разделить силы ХВО в Средней Боснии. Однако за четыре дня им удалось на направлении Сиврино село-Пиричи-Ахмичи-Кратина продвинуться всего на пару километров, и в итоге наступление было остановлено.

27 сентября оно было продолжено, и было взято село Крушчица, где был размещен штаб 17-й «Краинской» бригады. Из Крушчицы было начато новое наступление, в результате которого было взято селение Забырджье, так что фабрика взрывчатых веществ СПС в Витезе оказалась под огнем прямой наводки Армии Боснии и Герцеговины. Под Витезом армия Хорватии интенсивно перебрасывала собственные части, ибо вопрос Витеза стал вопросом политического авторитета самого Туджмана в Хорватии, и так обвиняемого оппозицией в предательстве интересов хорватов в Средней Боснии. Дабы отсечь Витез от подхода хорватских подкреплений, 23 сентября было начато наступление армии Боснии и Герцеговины на Бусовачу, остановленное силами ХВО. В декабре 1993 года армия Боснии и Герцеговины начала новое наступление из Заселья и Старого Витеза, с целью захвата фабрики взрывчатых веществ СПС, однако хорваты смогли и в этот раз отразить нападение. В самом Витезе находилась фабрика взрывчатых веществ Витезит, и на ее базе хорваты развернули производство большого количества мин, сразу же ими использовавшихся для обороны Витеза и наносивших большие потери силам Армии Боснии и Герцеговины [14]. Однако через две недели, 22 декабря, армия Боснии и Герцеговины, под непосредственным командованием генерала Расима Делича, все-таки сумела нанести поражение ХВО и, прорвав его оборону, захватила Крижанчичево село, в котором погибло от 60 до 100 хорватов [14]. Тем самым Витез оказался перед угрозой падения. Попытки ХВО покончить со Старым Витезем, окруженным со всех сторон силами ХВО, оказались неудачными. 9 января 1994 года из района села Крижанчичево было начато наступление сил Армии Боснии и Герцеговины в направлении села Сандичи, а из района села Крушчица — по направлению к автодороге. 10 января позиции

ХВО были прорваны и наступавшие, прорвав окружение Старого Витеза, установили новую линию фронта, всего в сотне метрах, согласно Чарльзу Шредеру, от штаба оперативной зоны ХВО «Средня Босна» в самом Витезе. Затем наступлением мусульман с южной стороны сам Витез был отрезан от дороги на Бусовачу, и десятки хорватских бойцов было убиты или пропали без вести. Витез оказался в полуокружении, и было вопросом времени его падение. Хорватское контрнаступление, потребовавшее переброски войск из самой Хорватии, имело ограниченный успех, ибо результаты свелись к возвращению села Сандичи. Однако тут заработали привычные договорные отношения, и так как мусульманский Бихач находился в не менее тяжелом положении, а помощь ему поступала воздушным путем из Хорватии, то, как заявил сам Алагич, после войны он решил не брать штурмом Витез, дабы не испортить отношения с хорватами, тем более он предполагал, что его бойцы не пощадят в Витезе и гражданское население. Перемирие между Изетбеговичем и Туджманом, заключенное в феврале 1994 года при посредничестве США, спасло Витез от падения. Дополнительным средством давления на Загреб, дабы тот отказался от договора с Белградом о разделе Боснии и Герцеговины, послужило то, что Совет Безопасности ООН 3 февраля 1994 года потребовал от руководства Хорватии вывести свои войска из Боснии и Герцеговины, пригрозив, в противном случае, санкциями. Был дан срок для вывода войск — две недели. В итоге цель была достигнута тем, что в Вашингтоне был подписан договор о создании мусульmano-хорватской федерации, но главное — о военном союзе против сербов. В феврале 1994 года хорваты и мусульмане, под давлением Запада, подписали мир (Вашингтонский договор). Переговоры 9 и 10 января 1994 года Туджмана и Изетбеговича, увенчавшиеся довольно нереальным политическим планом мусульmano-хорватской федерации в Боснии и Герцеговине, в Конфедерации с Хорватией, от 18 марта 1994 года, куда реальнее послужили для хорватомусульманского военного союза, подписанного в Загребе 6 марта, который должен взять у сербов то, что хотел Запад. Благодаря этому союзу мусульмане стали готовиться к наступлению на сербов, получая в большом количестве оружие и боеприпасы.

3. Моджахеды в Боснии и Герцеговине

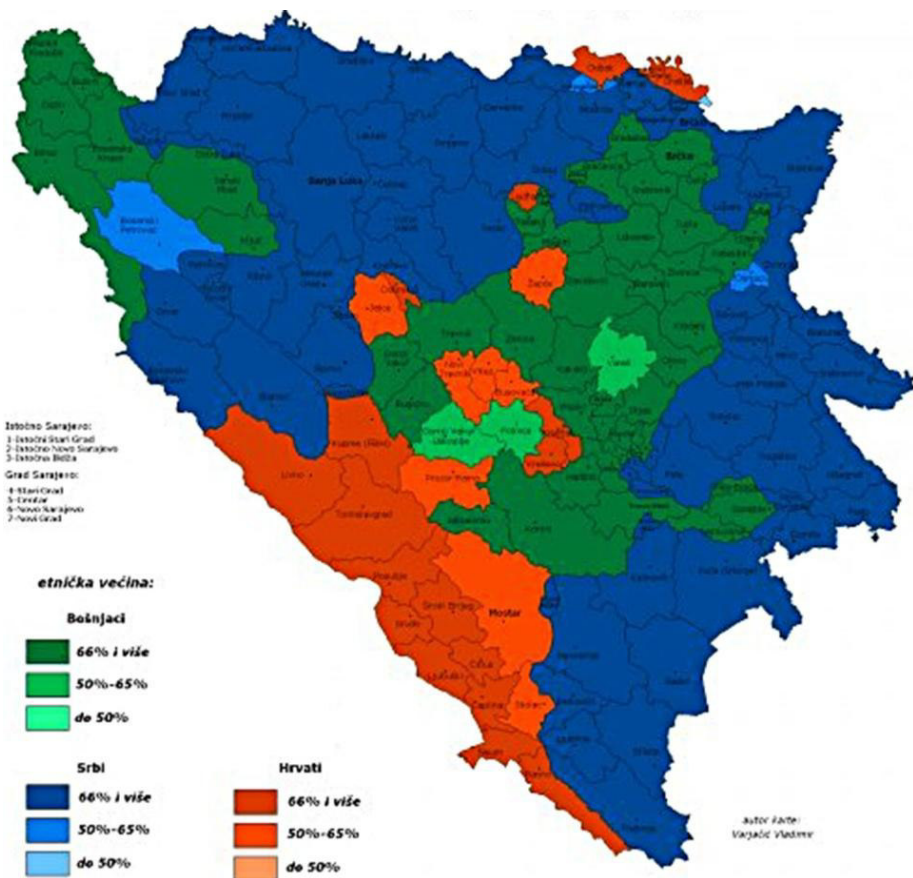
Главную роль в организации движения моджахедов в Боснии и Герцеговине сыграли фундаменталистские (салафитские) суннитские организации из исламских стран, в первую очередь из Саудовской Аравии, Египта, Палестины, Сирии, Иордании, Алжира, Пакистана и Афганистана. На территории бывшей СФРЮ в 80-х годах активно действовали члены организации «Братья-мусульмане», и здесь они скрывались от преследования спецслужбами Египта и Сирии, охотившимися на врагов правящих режимов этих стран, в том числе президента Египта Садата [49]. В данном случае главная опора у этой организации находилась в Иордании, в которой, в отличие от Египта и Сирии, исламские фундаменталисты (салафиты) поддерживали состояние мира с официальной властью, однако территория Иордании для террористов, находящихся в розыске, была не слишком надежна, и потому часто использовалась территория СФРЮ, где югославские спецслужбы, в первую очередь УДБ, обеспечивали их документами и оружием [40].

Впрочем, после операции «Требевиц», проведенной союзным управлением ДБ против исламских фундаменталистов в Сараево (группа Изетбегович, Пыргода, Салихбегович и Джурджевич) в 1983 году, и после аналогичной операции республиканского управления ДБ в 1984 году под обозначением «Яхорина» (группа Хатунича, Мехтича, Тулича) центр исламских фундаменталистов переместился в Загреб, очевидно, под защиту тамошнего управления ДБ, где многие из них получали паспорта [40]. К 1990 году на территории СФРЮ, главным образом в Хорватии, в Боснии и Герцеговине и в Македонии, действовало до 350 членов организации «Братья-мусульмане» [40].

Для них Босния и Герцеговина была полем борьбы за мировую победу ислама, и потому их нельзя называть ни наемниками, ни агентами спецслужб, хотя и такие в их рядах встречались. Две самые известные на тот момент «салафитские» организации — египетские «Гама-эль-ислами» и «Джихад», а также алжирская «ГИА», были представлены здесь в лице своих руководителей са-

мого высокого уровня — Абу Талата и Анвара Шабана из «Гамаль-ислами», Салмана Мехерзи из «ГИА», Аймана Завахри из «Аль-Джихад». В Боснии и Герцеговине они нашли базы, оружие, опыт, знания и связи и этим показали, что являются реальной и весомой силой в мире. По сообщениям сербских пленных (два доктора и один солдат), взятых на Озрене моджахедами в сентябре 1995 года, в плену они видели и Усаму бен Ладена, что на тот момент не было бы особо удивительно, если учесть, что известно о том, что в ходе войны он давал интервью в Сараево некоторым западным журналистам.

ФОТО 71. Этнорелигиозная карта Боснии и Герцеговины

По большому счету для моджахедов СФРЮ была приятельской страной с самого начала, так как СФРЮ, являясь одной из основательниц «Движения неприсоединения», согласно воле Тито, стала главной базой «антиколониальной борьбы» в мире. В Белграде в 70-х годах было открыто представительство «Организации освобождения Палестины» во главе с Мухамедом Набханом, служившее центром для действий в Европе таким палестинским организациям, как «Черный сентябрь» [40]. Данное представительство осуществляло тесные контакты со спецслужбами ДБ СФРЮ, в том числе с генералом Йованом Поповичем, являвшимся в 80-х годах ведущим руководителем по боевой подготовке, в т.ч. по минно-подрывному делу и по стрелковой подготовке в Управлении военной безопасности, оказывавшим услуги таким политикам, как Муаммар Каддафи, Саддам Хусейн, Роберт Мугабе, Ким Ир Сен и, разумеется, Ясир Арафат [40].

Одновременно с помощью данного представительства осуществлялся набор добровольцев из числа югославских граждан в отряды ООП, и так известны примеры Томислава Маринца из Загреба, Желько Будимировича из Сараево, Ивицы Радишича из Белграда [49]. Широко известный террорист и выпускник Института стран Азии и Африки в Москве «Карлос» (Илич Рамирез Санчез), заменивший в 1973 году на должности погибшего Мухамеда Буджа — руководителя европейского центра «Команды специальных операций Фронта освобождения Палестины-KOSE FPL», согласно собственной биографии, написанной им самим во французской тюрьме, часто бывал в СФРЮ, где получал оружие и взрывчатку [40]. И как раз он и организовал, по заказу Муаммара Каддафи, большого друга Иосипа Броза Тито, подрыв ресторана «Лабел» в Берлине 5 мая 1986 года [40]. Также было известно участие в «дружеском» аресте «Карлоса» на территории СФРЮ начальником государственной безопасности — ДБ Сербии — Обреном Джорджевичем и его помощниками Драганом Митровичем и Йовицей Станишичем (будущий руководитель ДБ при Слободане Милошевиче), по приказу тогдашнего министра внутренних дел СФРЮ Франьо Херлевича, выполнявшего указание Иосипа Броз Тито [40].

После ареста «Карлос» был на «дружеской» встрече с Херлевичем, как и с тогдашним начальником госбезопасности СФРЮ Митей Крайгером и затем без всяких проблем вылетел из Белграда, причем провожающим был Драган Митрович из управления ДБ в Белграде. В результате по рекомендации Вади Хадада, руководителя «Команды специальных операций Фронта освобождения Палестины-KOSE FPL», в Сербии было создано два центра подготовки «боевиков» ООП или «террористов» в Белграде и в Крушевце для обучения [40]. Там «Карлос» вербовал их из членов европейских леворадикальных организаций, таких как немецкие «RAF» и «Revolutionären Zellen» и итальянские «Красные бригады» [40]. При этом в Югославии «Карлос» сотрудничал с начальником сектора «АА» ДБ СФРЮ, ответственным за «спецоперации» ДБ в странах Азии и Африки, Йово Милошем [40].

Прекрасно известно, что первоначально «исламские фундаменталистские» движения в Египте и Сирии действовали на линии поддержки палестинцев в их борьбе против Израиля и тем самым, несмотря на идеологические расхождения с ФАТХом Ясира Арафата на практике, тем более в столь сложных операциях, как теракты в Европе, они действовали долгое время по одним и тем же каналам [40]. Так, в Хорватии в 2010 году в газете «Вечерни лист» («Večernji list») был опубликован документ государственной компании «Югоимпорт-СДПР» 1986 года, и данная статья затем была опубликована и в сербской газете «Блиц» в номере за 12 января 2010 года. Согласно этому документу, в июле 1986 года представительство «Югоимпорта-СДПР» в Белграде по инициативе предприятия «Генекс (Geneks)» (данное предприятие было создано югославскими спецслужбами для внешнеэкономической деятельности) посетил Усама бен Ладен с предложением о закупке большого ассортимента товаров, в том числе ПЗРК (на тот момент на вооружении ЮНА имелись советские ПЗРК «Стрела-2») и ПТРК (ЮНА тогда имела на вооружении советские ПТРК «Малютка» и «Фагот») на сумму в 100 миллионов долларов.

Хотя, согласно опубликованным документам, в просьбе было отказано, вряд ли представители из «Генекса» привели Усаму бен Ладена без предварительной оценки ситуации и предваритель-

ных договоренностей. К тому же показательно, что, согласно газете «Вечерни лист» («Večernji list»), после окончания войны в Афганистане Усама бен Ладен основал в Загребе организацию «Аль-Кифах», занимавшуюся переброской моджахедов в Боснию и Герцеговину, что он вряд ли мог сделать без помощи сотрудников бывшей ДБ СФРЮ. Другое дело, что белградские сотрудники ДБ СФРЮ либо не знали, либо не захотели знать то, что СФРЮ, сыграв свою роль в планах иностранных спецслужб (как, например, британской или израильской), была уже в том виде не нужна, и потому Боснию и Герцеговину и жертвовали исламскому миру, допустим, ради мира в Палестине. Однако «исламские фундаменталисты» в Боснии и Герцеговине попадали легальными каналами через Хорватию, чьи спецслужбы отлично знали, с кем имеют дело.

С началом войны в Боснии и Герцеговине очевидная нужда правительства Боснии и Герцеговины в «штурмовых» подразделениях в данном случае послужила лишь поводом для руководства правящей «мусульманской» партии СДА начать организацию в Боснии и Герцеговине отрядов моджахедов.

ФОТО 72. Президент Боснии и Герцеговины Алия Изетбегович

Боснийские мусульмане в своем большинстве в начале войны были настроены против моджахедов, хотя уже с августа 1992 года в Боснию и Герцеговину вместе с поставками оружия стали проникать добровольцы-моджахеды из уже фундаменталистских (салафитских) движений из многих исламских стран, как, например, из Алжира, Египта, Иордании, Йемена, Сирии, Ливана, Пакистана. Так, в частности, египетские организации «Гама-эль-ислами» и «Джихад», а также алжирская «ГИА» были представлены здесь в лице своих руководителей — Абу Талата и Анвара Шабана из «Гама-эль-ислами», Салимана Мехерзи из «ГИА», Аймана Завахири из «Аль-Джихад». Согласно оценкам местных аналитиков, к концу 1993 — началу 1994 г. в рядах армии Боснии и Герцеговины находилось до 3–4 тысяч моджахедов [41].

Первые группы моджахедов появились в Боснии еще в конце 1992 года, когда в ходе боев осенью 1992 года под Тешнем на горном массиве Бандера первый раз приняла участие группа из 25 моджахедов из Саудовской Аравии — ветеранов войны в Афганистане [42]. Согласно тексту «Шехиды Босны», опубликованному на салафитском интернет-портале «Islam Vosna», в ходе многодневных боев за высоту Църни Вырх в конце октября 1992 года группа сначала смогла выбить с позиций сербскую роту, но затем оказалась в окружении сербских войск, потеряв шестерых погибшими. Тела нескольких из них оставили на позициях. У погибших, согласно подготовленным в Центре общественной безопасности МВД Республики Сербской города Добой документам, были найдены фотографии взятых в плен на высоте Църни Вырх трех сербских военнослужащих: Благое Благоевича (1948 г.р.), Ненада Петковича (1971 г.р.) и Бранислава Джурича (1952 г.р.) из Теслича, которым моджахеды отрубили головы.

У этих же моджахедов из отряда, дислоцированного в Тешне, были найдены благословения имама из Мекки Гадафера-эль-Меккия, пославшего в этот отряд моджахедов и своего ученика Абу-абд-Аллах эль Аудия. Данные фотографии тогда обошли все сербские СМИ.

ФОТО 73. Отрубленные моджахедами головы сербских военнослужащих: Благое Благоевича, Ненада Петковича и Бранислава Джурича

ФОТО 74. Моджахед из Саудовской Аравии показывает отрубленную голову серба Благо Благоевича в сербской деревни Ясеновац

Однако число и значение этих моджахедов тогда не было велико, и командование армии Боснии и Герцеговины, заботясь о внутренней безопасности, тогда были против появления моджахедов в рядах армии. Против были и многие члены правительства, в частности заместитель премьер-министра Златко Лагумджия. Вопреки установившемуся в Сербии мнению, моджахеды появились в массовом количестве в Боснии и Герцеговине не из-за сербов, а из-за хорватов, чьи войска вели широкомасштабную наступательную операцию в Средней Боснии, благодаря чему возникла угроза падения Зеницы и Травника и краха всей мусульманской державности в Боснии и Герцеговине. Согласно судебному заключению Международного трибунала в Гааге (в ходе процесса против командующего 3-м корпусом армии Боснии и Герцеговины генерала Энвера Хаджихасановича и командира 7-й бригады этого корпуса полковника Амира Кубуры), первые моджахеды в Среднюю Боснию попали как работники «гуманитарных» организаций с началом боевых действий хорватских войск против мусульман. Их первая группа, в которую входили и местные мусульмане-военнослужащие 7-й и 306-й бригад, появилась в лагере Полянце под селом Мехуричи.

Затем и в Зенице и в Травнике, как и в соседних селах, таких как Мехуричи, Орашац, Бело Поле, Арнаути, Равни Ростово, появились сначала отдельные группы моджахедов, а затем там стали возникать целые отряды. Известно о существовании отряда моджахедов «Абдул Латиф» в Какне. Автор из Сербии Драган Джамич в своей книге «Псы войны на Балканах (Пси рата на Балкану)» писал, что центры подготовки моджахедов находились под Зеницей в селах Арнаути и Немила, в санатории Бистричак в Зенице, в школе в Страненима, в селах Цырквицы и Касапович. Согласно Джамичу, группы моджахедов были также замечены в Тузле, в окрестностях Тешня и Брезы, в селах Горня Копривна и Злополяц в Цазинской Краине. Всего, по различным оценкам местных аналитиков, к концу 1993 — началу 1994 гг. в мусульманских вооруженных силах находилось до 3–4 тысяч моджахедов. Основной частью моджахедов стал отряд моджахедов «Эль-Моджахедин», находившийся в составе 3-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины со штабом в хорватском селе Орашце.

ФОТО 75. Колонна бойцов 7-й Мусульманской бригады

Согласно документам Международного трибунала в Гааге (судебное решение по делу полковника Амира Кубуры и генерала Энвера Хаджихасановича), отряд моджахедов «Эль-Моджахедин» создан согласно приказу начальника Генерального штаба Армии Боснии и Герцеговины генерала Расима Делича 13 августа 1993 года в составе 3-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины, со штабом в хорватском селе Орашце, и насчитывал около полутысячи добровольцев как из Египта, Пакистана, Алжира, Саудовской Аравии и Сирии, так и из самой Боснии и Герцеговины. Очень часто различные «эксперты по исламскому терроризму в бывшей Югославии» делают большую ошибку в оценке численности иностранных моджахедов, участвовавших в войне в Боснии и Герцеговине в 1992–1995 годах. Опираясь числами в тысячи и десятки тысяч моджахедов, данные эксперты, возможно, и выполняют определенный заказ тех или иных политиков, но, опираясь неточной информацией, делают еще более неточные заключения.

Между тем саму ошибку достаточно легко обнаружить. Ведь, согласно как воспоминаниям самих моджахедов, например, опубликованных на сайте фонда кавалеров ордена «Zlatni Liljan (Злат-

ни Лилян)» (высшей награды армии Боснии и Герцеговины войны 1992–1995 годов), так и вышеупомянутому судебному решению Международного трибунала в Гааге (в процессе против бывшего командира 7-й «Мусульманской» бригады полковника Амира Кубуры и командующего 3-м корпусом армии Боснии и Герцеговины генерала Энвера Хаджихасановича), численность единственной созданной на постоянной основе части моджахедов — отряда «Эль-Моджахед» — насчитывала 500–600 военнослужащих, из которых половину составляли добровольцы из боснийских мусульман, откомандированных, согласно собственному желанию, из других частей армии Боснии и Герцеговины в этот отряд [43]. Остальные же отряды моджахедов были небольшими отрядами размерами с взвод, иногда с роту.

Как правило, в число моджахедов вышеупомянутые эксперты включают «мусульманские» части армии Боснии и Герцеговины. Подобные части возникали и в начале войны из добровольцев из рядов местных боснийских мусульман, и хотя иностранные моджахеды встречались в них, но ключевой роли не играли. Данные о подобных частях правительство Боснии и Герцеговины старалось скрывать, но известно о существовании еще в начале войны подобного отряда «Аль-Фатих», принимавшего участие в 1992 году в боях за Ступ в Сараево. Однако образцом подобных частей была так называемая 7-я «Мусульманская» бригада 3-го корпуса армии Боснии и Герцеговины.

Данная бригада была создана на базе 7-го батальона 1-й Зеничкой бригады 17 ноября 1992 года и включала в свой состав только мусульман, которые обязаны были придерживаться шариата, чьи правила указаны были в книге «Наставления исламскому бойцу (Urpute muslimanskom borcu)». Эта бригада, помимо военного командира (Асима Коричича, Амира Кубуры, Шерифа Патковича, Халила Бырзины), имела собственного эмира Махмута Эфендию Каралича. Впоследствии по ее примеру в составе Армии Боснии и Герцеговины была создана 4-я «Мусульманская» со штабом в Кониц, а из состава 7-й бригады на базе ее 1-го батальона была создана и 737-я «Мусульманская» для действий в составе созданного в 1994 году 7-го корпуса армии Боснии и Герцеговины со штабом

в Травнике, а затем также в Травнике была под конец войны создана и 9-я «Мусульманская» бригада, но затем, в силу сопротивления в части руководства Боснии и Герцеговины и давления международного сообщества, с их формированием было приостановлено. Правда, своего рода их заменой стало именование отдельных бригад «Босанскими», и, в частности, в 1-м корпусе Армии Боснии и Герцеговины на горном массиве Игман была создана 1-я «Босанская», являвшаяся своего рода эквивалентом «Мусульманской» бригаде.

ФОТО 76. Колонна «мусульманского» подразделения
Армии Боснии и Герцеговины

Данные части обеспечивали более успешную «исламизацию» армии, а вместе с тем отрядам моджахедов было легче действовать в составе этих частей. Вместе с тем возникал закономерный вопрос: каким образом тысячи моджахедов были переброшены в Среднюю Боснию в разгар мусульмано-хорватской войны? Очевидно, что ни сербы, ни хорваты видеть их там не желали. Если исключить период начальной неразберихи, тяжело найти иной путь сюда, нежели через хорватское побережье. С сербской стороны путь был герметически закрыт не только Югославией, но и территориями Республики Сербской и Республики Сербской Кра-

ины. Возможность прохода там групп моджахедов была практически равна нулю. Даже если бы кто-то из местных «шверцеров» (контрабандистов) за большие деньги и смог бы выбить где-то желаемую поддержку у местной власти, все равно кто-то бы проговорился и это вызвало бы настоящий взрыв в местном обществе.

К тому же вряд ли моджахедам был смысл рисковать, пробираясь сотни километров по незнакомой территории, находившихся под контролем местных армий, знавших все тайные пути и дорожки. Если же исходной точкой была бы Албания, то и в Албанию моджахедам можно было попасть только Адриатикой, где находились ВМС НАТО и Евросоюза. После войны ответ дал бывший командир 206-й «Витезской» бригады, действовавшей в данном районе, полковник Шемсудин Муминович. В интервью в телепередаче «60 минут» 28 февраля 2005 года он обвинил «западные» миротворческие войска ООН в организации прибытия в Среднюю Боснию моджахедов. Между тем в Средней Боснии на тот период единственными миротворческими войсками был усиленный батальон британской армии со штабом в Витезе.

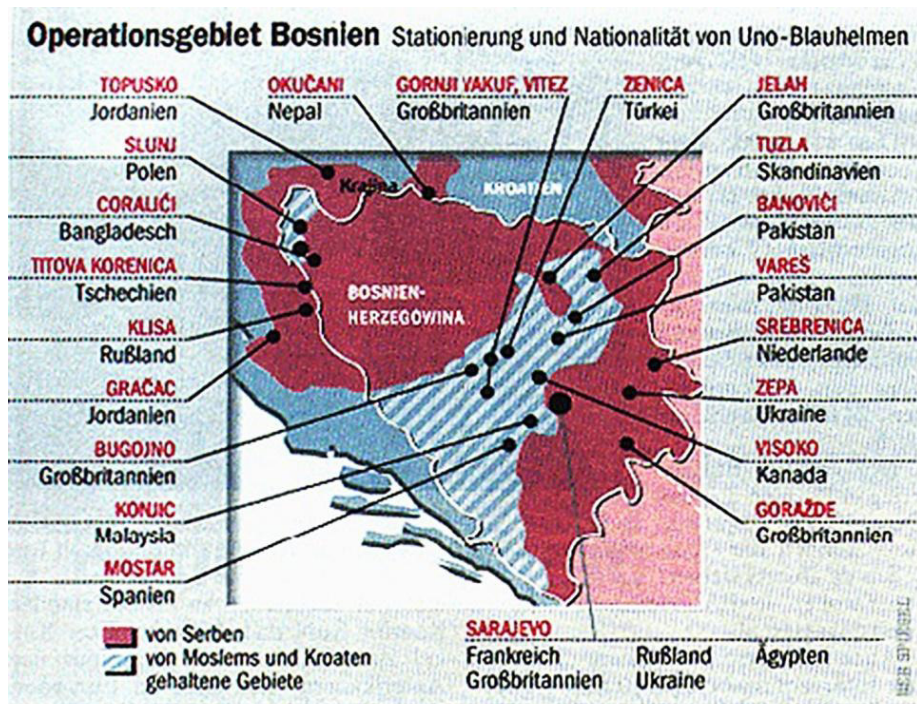
Помимо этого, британцы исламского вероисповедания присутствовали в отрядах моджахедов, тогда как в хорватской бригаде «Краль Томислав», сыгравшей большую роль в начале войны, было много британских наемников, а также добровольцев из западноевропейских праворадикальных движений, в том числе британских. Естественно, если кто и мог сюда перебрасывать моджахедов, то это были не британские солдаты или добровольцы, а британские спецслужбы, пользовавшиеся услугами агентуры как среди вышеупомянутых категорий, так и среди местного населения. Показательно, что в Средней Боснии два британских наемника Тэд Скиннер (Ted Skinner) и Дерек Арнольд (Derek Arnold), захваченные в плен 5 февраля 1993 года, были убиты моджахедами с формулировкой «агенты британской спецслужбы» [35].

На хорватском сайте иностранных добровольцев-ветеранов «The International Volunteer Movement (Udruga međunarodnih dragovoljaca hrvatskih oružanih snaga)» описывается роль Скиннера и Арнольда в ведении разведки в интересах британского контингента миротворцев (1-го батальона Чеширского полка), как и в по-

мощи в приведении первого конвоя в Тузлу, что без связей среди мусульман сделать было невозможно. Понятно, что британцы не могли напрямую руководить моджахедами, поэтому можно предположить, что речь идет о политике договоров двух силовых структур — британской и исламских фундаменталистов. С местными мусульманами последним было проще договориться, тем более что сменивший Халиловича Расим Делич, как и группа бывших офицеров Югославской Народной Армии (ЮНА), отличалась полной послушностью по отношению к Алие Изетбеговичу.

ФОТО 77. Дислокация миротворческих сил ООН в Боснии и Герцеговине

Один из этих офицеров, бригадный генерал Сакиб Махмулин, ставший в 1994 г. командующим 3-м корпусом Армии Боснии и Герцеговины, неоднократно был замечен в тесных связях с моджахедами [44].

ФОТО 78. Сакиб Махмулин (слева), Алия Изетбегович (в центре) и Расим Делич (справа) на параде Армии Боснии и Герцеговины // RTS Vesti

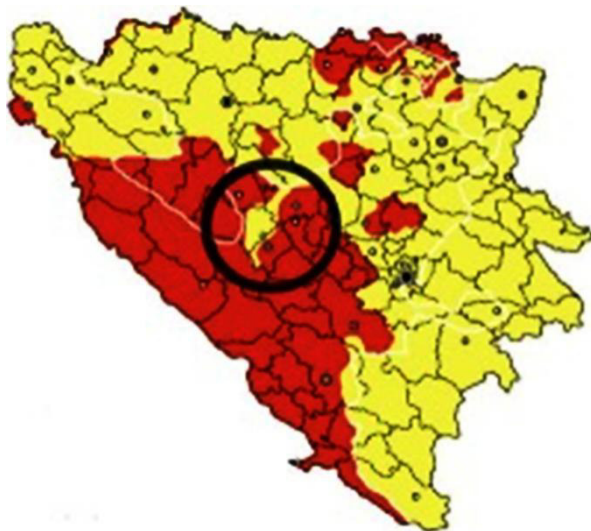

Это было результатом лукавой стратегии мусульманского руководства, больше не нуждавшегося в командирах «бандитского» типа из «Патриотской лиги», а предпочитавшего послушные ему кадры ЮНА. Ведущей личностью в СДА, ответственной за сотрудничество с исламским миром, был Хасан Ченгич, распоряжавшийся полевым аэродромом, созданным под Високо. Именно под Високо находилось отделение Генерального штаба Армии Боснии и Герцеговины, чьим начальником до июня 1993 года и был Расим Делич. На этот аэродром самолеты прибывали только с ведома командования южного крыла ВВС НАТО, и поэтому путь прибытия моджахедов в Боснию и Герцеговину, оказывается, был и не столь сложным.

Несколько тысяч моджахедов, находившихся в армии Боснии и Герцеговины, подтверждают успешность исламского экспорта революции. В «штурмовых» отрядах этой армии, составлявших ее главную силу, моджахеды были важной частью, сыграв ключевую

роль в успешной операции сил 2-го и 3-го корпусов Армии Боснии и Герцеговины. Операция началась штурмом сербских позиций под Возучей и закончилась под Добоем захватом большей части горного массива Озрен и разгромом сил Тактической группы «Озрен», состоявшей из четырех бригад Оперативной группы «Добой» 1-го «Краинского» корпуса Войска Республики Сербской.

ФОТО 79. Район Озрена в Боснии и Герцеговине

Возуча являлась ключевым пунктом обороны Тактической группы «Озрен» и одновременно была клином в мусульманской территории, препятствовавшей движению по главной дороге Зеница-Тузла. В силу этого на этот участок выделялись не только лучшие силы этой Тактической группы, но и всей Оперативной группы «Добой», как и всего 1-го «Краинского» корпуса ВРС. Президент РС Радован Караджич, посетивший эти позиции 19 мая 1994 года, заявил местным сербам следующее: «Мы здесь защищаем не только Баня-Луку и Белград, но и Москву. Хотя они об этом и не знают». С самого начала войны в Боснии и Герцеговине «Озренский выступ» представлял из себя длинный «палец» сербской территории, врезавшийся в мусульманские земли к юго-востоку от Добоя. Горный массив Озрен протянулся от Добоя более чем на 40 километ-

ров. «Выступ», населенный преимущественно сербами, в самом широком месте составлял 25 км и занимал площадь в 500 кв. км.

Согласно воспоминаниям участников тех событий, как раз этот отряд сыграл главную роль в операции «Фетул-мубин» (Fethul-tubin) по прорыву 27 мая хорошо укрепленных сербских позиций под Возучей на доминирующем над Озреном гребне Подселово, состоящим из высот 715, 726, 702 и 706 [43]. Отряд, согласно данным воспоминаниям «Эль-Моджахед», тогда насчитывал около полутысячи человек, из них было 230 боснийских мусульман и 270 «энсариев» — иностранных добровольцев [43]. Отряд перед операцией был поделен на двенадцать ударных групп, каждой из которых были подчинены подразделения из состава 3-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины — сил 328-й бригады из Завидовичей, 329-й бригады из Какня и из 3-го, 4-го и 5-го отдельных «мобильных» батальонов этого корпуса [43]. При этом данными подразделениями командовали не командиры, а именно моджахеды [43].

Согласно воспоминаниям участников прорыва, эти двенадцать ударных групп в первой же атаке прорвали линии обороны сербов, уничтожив или взяв в плен свыше 170 военнослужащих из состава Пырняворской бригады ВРС [43]. 20 июля разведка моджахедов, столкнувшись с сербами, проводившими разведку, убила командира сербского батальона, у которого были найдены планы готовящейся операции ВРС на высоту Подселово с целью сбросить с нее противника. В последовавшей операции «Аль-Керама (El-Kerama)», начавшейся рано утром 22 июля, отряд «Аль-Моджахед» атаковал сербские траншеи в нескольких местах, захватив высоты 551, 571 и Квырге, и продвинулся вглубь на два километра [43].

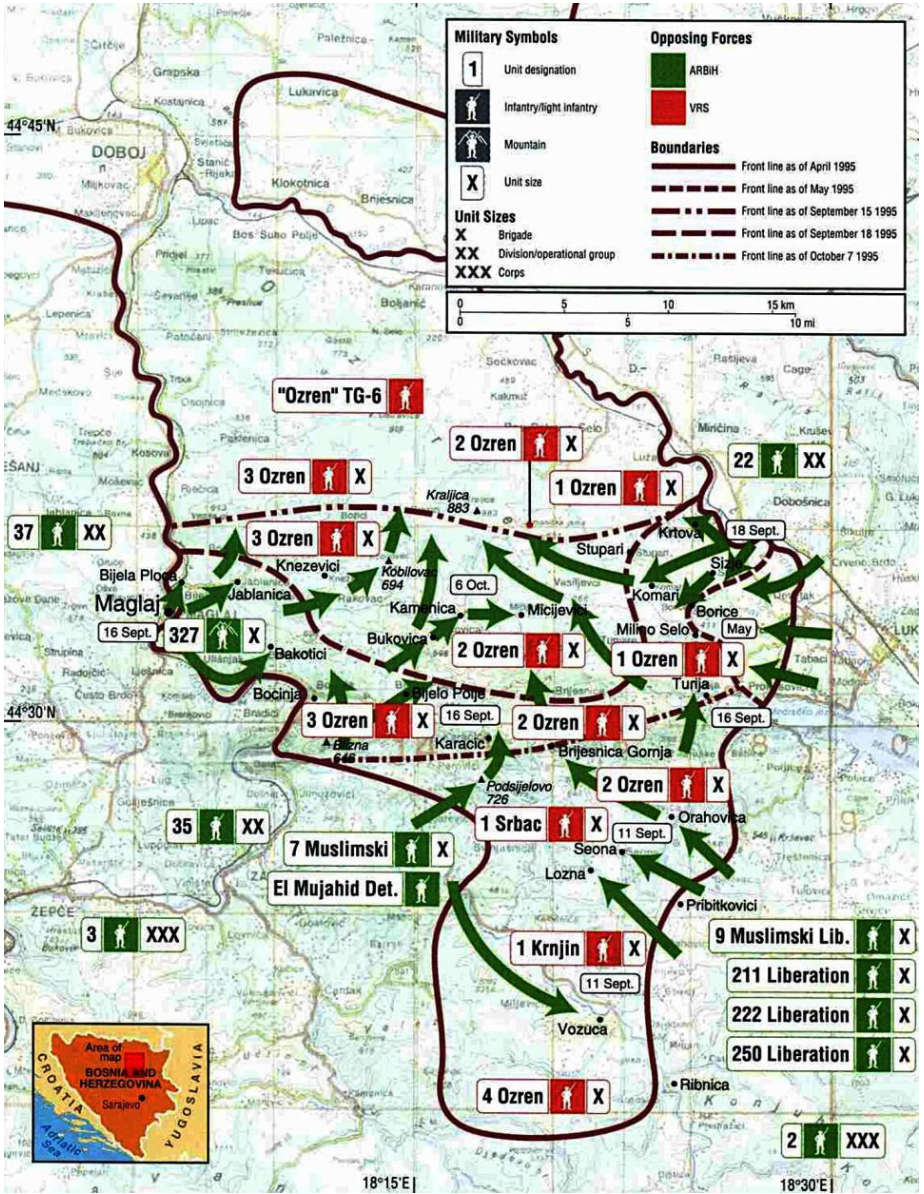
На захваченных сербских позициях были обнаружены штабные документы, в том числе план, предусматривавший отступление из Возучи в случае падения ключевой высоты Паленик в ее обороны [43]. При этом, согласно воспоминаниям, некоторые сербские подразделения на фланговых позициях в ходе операции «Аль-Керама», в частности с высоты «Николино брдо», сами оставили эти позиции, услышав о прорыве моджахедов [43]. Для главной операции по захвату Возучи, получившей имя «Аль-Фаждр», были привлечены силы 2-го и 3-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины. В частно-

сти, из состава 3-го корпуса были привлечены силы 375-й «Тешаньской», 328-й «Завидовичской», 329-й «Каканьской» и отдельной разведывательно-диверсионной роты общей численностью 12–14 тысяч человек, тогда как со стороны 2-го корпуса были привлечены силы общей численностью до пяти тысяч человек [43]. При этом следует учесть то, что как раз силы 2-го корпуса участвовали в июльской операции по обеспечению выхода части сил 28-й дивизии Армии Боснии и Герцеговины из Сребреницы в числе 3–4 тысяч человек. Известная интерпретация событий в Сребренице и в Тузле вызвала тогда всплеск ненависти к сербам. Однако главную задачу по штурму высоты Паленик поручили отряду «Аль-Моджахед».

О значении моджахедов свидетельствуют и такие данные, что командование 3-м (Сакиб Махмулин) и 2-м (Сеад Делич) отложили запланированное начало операции с 5 на 10 сентября по причине того, что амир моджахедов в ходе молитвы не получил одобрения Аллаха на проведение операции в этот день [43]. Рано утром 10 сентября 1995 года моджахеды, преодолев ползком минное поле по открытой местности, в 5 часов 55 минут заняли исходные для штурма позиции под позициями сербов на высоте Паленик. В это время, согласно воспоминаниям участников, сербы стали кричать с позиций мусульманам, призывая их пойти в атаку, и в это же время «эмир» моджахедов дал приказ на штурм [43]. Позиции, согласно упомянутой статье, были взяты в течение семи минут, и все сербы на этих позициях были либо убиты, либо взяты в плен [43].

Сербы с остальных позиций, как и писалось в захваченном моджахедами приказе сербского командования, стали отступать, оставляя Возучу. В этот же день остальные части 2-го и 3-го корпусов начали общее наступление на горный массив Озрена, захватив за несколько дней до 400 квадратных километров, составлявших две трети территории, удерживавшейся до этого сербами, в том числе поселки Близна, Бела Плоча, Ябланица и еще с полтора десятка сербских сел. Было восстановлено движение по дорогам Маглай-Завидовичи и Бановичи-Завидовичи. Согласно боснийской интерпретации событий, силы Армии Боснии и Герцеговины остановились перед городом Добоем лишь из-за давления международного сообщества на руководство Боснии и Герцеговины [43].

ФОТО 80. Наступательная операция Армии Боснии и Герцеговины в районе Озрена

В конце 1995 года пресс-служба отряда «Аль-моджахед» провела интервью с командующим 3-м корпусом Армии Боснии и Герцеговины генералом Сахибом Махмулиным, в котором он заявил следующее:

«...Операция, которая была проведена на озренско-возучком фронте, как сказал и сам президент Изетбегович, сломала хребет противнику. Но чтобы этот хребет начал ломаться, нужно было сломать несколько позвонков. Хребет Подселово, Паленик, Подмалован — это те позвонки, которые удар за ударом сламывал отряд «Аль-Моджахед», и это и было условием успеха операции. С Божьей помощью мы эту операцию провели, и, по мнению аналитиков, эта операция была примером для учебников. Отряд «Аль-Муджахед» сыграл ключевую роль в психологическом плане для остальных частей, ибо всегда считалось, что отряд свою задачу выполнит. Важно отметить, что подготовка операции, проведенная моджахедами, была исполнена успешно и эффективно. В последней фазе операции одно из ключевых мест в освобождении Возучи, высота Паленик, была захвачена менее чем за четыре минуты, и это доказывает тщательность планирования. Моджахеды — это сознательные бойцы, и для них больше нет преград, дабы исполнить любую задачу. Моджахеды сделали большой вклад в отстаивание Боснии и Герцеговины» [43].

Следует также заметить, что судьба приблизительно 50 сербских пленных и гражданских лиц из всех ста, взятых тогда в плен под Возучей, долгое время была неизвестна, пока не были найдены их массовые захоронения, в которых были найдены тела с отрубленными головами. Для мусульман же эта операция означала месть за Сребреницу, тем более что часть беженцев (мухаджиров) из Сребреницы была поселена как раз на захваченных у сербов территориях на Озрене.

Успех отряда «Аль-Моджахед» в ходе операции «Аль-Фаждр» 10 сентября 1995 года, согласно статье «Возуча 1995 — Великая победа», вышедшей на сайте фонда кавалеров ордена «Zlatni Liljan (Златни Лилян)», представлял большую проблему для «неприятелей ислама» (очевидно, в командовании Армии Боснии и Герцеговины) [43]. Хотя в этой операции отряд «Аль-Моджахед»

потерял 98 убитыми, в том числе своего командира Муатеза Билаха, погибшего в конце операции, и свыше 150 ранеными, однако с этого момента большое количество местных мусульман, в особенности молодежи, начало вступать в отряд. И тем самым моджахеда стали представлять серьезную политическую силу.

ФОТО 81. *Расстрелы пленных сербов в районе Озрена*

Как пишется в упомянутой статье, после взятия Возучи шейх моджахедов Энвер Шабан сказал моджахедам: «Это наш великий успех. Враги ислама и мусульман не допустят нам продолжить начатое, они нас остановят и с сегодняшнего дня начнут преследовать нас» [43].

Сам престиж моджахедов в Боснии оставался высоким и после войны, и многие мусульмане, в том числе в государственном аппарате, продолжали их поддерживать вопреки давлению США и НАТО. В силу такого престижа, а также благодаря хорошей организации и финансовой поддержке иностранные моджахеда долго оставались на Озрене, в селе Бочиня, а затем просто расселились по другим селам и городам, в том числе в Сараево, либо уехали из Боснии и Герцеговины. Однако к тому времени к руководству исламским фундаменталистским (салафитским) движением в Бос-

нии и Герцеговине пришли местные мусульмане, которые через 10–15 лет после войны оказались способными собирать по несколько тысяч человек на митингах в поддержку иностранных моджахедов либо на похоронах своих вождей.

После того, как было решено, что часть моджахедов должна покинуть Боснию и Герцеговину, сначала в середине января 1996 года около 20 иностранцев-моджахедов отбыло из Боснии и Герцеговины через Хорватию, тогда как остальные, боясь засады хорватов, отказались это сделать, остановившись в Бихаче [45]. Тогда около сотни моджахедов-иностранцев, в группах по 5–10 человек, самолетами были переброшены из Сараево в Стамбул, где многие из них при поддержке партии Рефах попали в центр «специальной» подготовки в турецкой части Кипра [45]. Остальные 200 были переброшены в Джелалабад, а оттуда в Чечню при поддержке турецкой спецслужбы МИТ (Millî İstihbarat Teşkilatı) [45]. Другая группа в 50 моджахедов турецким военно-транспортным самолетом была переброшена из Тузлы с аэродрома Дубравы в Албанию [45]. Однако часть из них осталась в Боснии и Герцеговине, где вместе со своими сторонниками среди боснийских мусульман создала собственное общественно-политическое движение.

ФОТО 82. Демонстрация салафитов в Боснии

После окончания войны в Боснии и Герцеговине влияние идей исламского фундаментализма в среде боснийских мусульман продолжало расти. Одним из главных факторов было то, что многие моджахеды, прибывшие сюда по каналам исламских «фундаменталистских» организаций, остались жить в районе Зеницы, Какня, Травника и в первую очередь в бывшем сербском селе на Озрене — Доня Бочина и в нескольких соседних селах, ставших их базами и одновременно местом жительства до середины 2001 года. При этом долгое время не учитывался факт того, что к концу войны большинство моджахедов были местными мусульманами, что говорит о том, что движение моджахедов смогло «осесть» в местной среде в силу заданного прошедшей войной шовинистического антисербского и антихорватского, а тем самым и антихристианского вектора. Данному обстоятельству способствовало то, что большинство иностранных моджахедов получили в годы войны или сразу после нее гражданство Боснии и Герцеговины [46].

В интервью журналу «БХ Дани» в 2001 году тогдашний премьер-министр Боснии и Герцеговины и глава социал-демократической партии (СДП) Златко Лагумджия сказал, что в то время, чтобы получить гражданство, достаточно было рекомендации из Президиума Боснии и Герцеговины или работника консульства о том, что данное лицо «помогало Боснии и Герцеговине» [47]. Однако для особых случаев и не нужны были рекомендации, и так сам Алия Изетбегович, через своего сына Бакира, послал отличившимся моджахедам 50 паспортов [47]. При этом с документами граждан Боснии и Герцеговины бывшие моджахеды беспрепятственно ездили в Европу. Так, один бывший моджахед и член движения «Аль-Джихад» из Египта Юсуф Амгад, разыскиваемый в Египте, был арестован на границе Боснии и Герцеговины в июле 2003 года с фальшивыми бельгийскими и действующими боснийскими документами.

Моджахеды поселились не только в селе Доня Бочина, чье имя стало со временем на слуху. Поселились они и в других частях Боснии и Герцеговины. В 1997 году, в ходе интервью журналу «ВН Дани» (номер 93), Мирсад Веладжич, губернатор Унско-Санского кантона Федерации Херцег-Босна (мусульманско-хорватская часть нынешней Боснии и Герцеговины), подтвердил присутствие в своем

кантоне (с центром в Санском Мосте) бывших моджахедов. Каково было их влияние, показывает то, что, согласно книге «Гариби-моджахеды в Боснии и Герцеговине в 1992–1995 годах» Эсада Хечимовича [48], как и целому ряду иных источников, в том числе документов международной полицейской миссии ИРТГ, два захваченных моджахедами под Возучей сербских пленных — капитан Ненад Шкырбич и «заставник» Душан Шкречич по личному приказу бывшего командующего 3-м корпусом генерала Сакиба Махмулина весь 1996 и первую половину 1997 года удерживались тайно в тюрьме города Зеница, так как могли быть свидетелями убийств моджахедами сербских военнопленных. Лишь под давлением международной полицейской миссии «бошнякская» сторона согласилась их освободить, и 3 августа вертолетом войск SFOR они из Зеницы были переброшены в Баня-Луку.

При этом моджахеды послужили «инициативной» группой для создания в Боснии и Герцеговине движения ваххабитов, которому Саудовская Аравия через сеть различных «гуманитарных» организаций могла вполне легально помогать через их офисы в самой Саудовской Аравии. Так, после войны в Боснии и Герцеговине стараниями ваххабитов и моджахедов (что в первое время было, как правило, одно и то же) возникла «Организация исламской молодежи (Organizacija islamske omladine)», выпускавшая и свой журнал «Сафф (Saff)», и завоевавшая достаточно прочное влияние в среде местной исламской молодежи.

Моджахеды не скрывали своих претензий на всю Боснию и Герцеговину. Так, один их местных лидеров — алжирец Абу Салим — дал в 1996 году интервью лондонскому журналу «Europien», в котором утверждал, что мы «живем во времени, в котором победит ислам, и наше присутствие в Боснии должно это обеспечить». На американских солдат, по его словам, моджахеды нападать не собирались, если те не захотят «оккупировать» Боснию, а если правительство Боснии и Герцеговины потребует ухода моджахедов, то «защитит нас боснийский народ, так как мы этот народ защитили от сербов. Босния — святая исламская земля, и наша обязанность оборонять ее от оккупации».

В интервью 28 апреля 2006 года журналу «Сафф», выходящему

в Сараево, один из тогдашних лидеров в Боснии и Герцеговине Абу Хамза заявил, что сразу после подписанного в Дейтоне мира на встрече с атташе по культуре посольства Турции в Боснии и Герцеговине моджахедам было предложено переселиться в Косово, что последние, согласно Абу Хамзе, отвергли [49]. Нет смысла преувеличивать военное значение небольшой группы моджахедов, обосновавшейся тогда в Боснии и Герцеговине, но нельзя преуменьшать их политическое значение, ибо, как известно, все революции начинались с небольших групп революционеров. Моджахеда были, безусловно, революционерами в «классическом» понимании этого слова и при этом достаточно радикальными и решительными. С началом войны в Чечне в 1999 году в ряды чеченских сепаратистов стали отправляться моджахеда из Боснии и Герцеговины, причем, согласно публиковавшимся воспоминаниям самих этих добровольцев (например, в журнале «Сафф (Saff)»), в Чечне иные из них были саперами благодаря полученному в Боснии и Герцеговине опыту.

Так, согласно данным Международной полиции ООН, действовавшей по мандату СБ ООН в Боснии и Герцеговине — IPTF (International Police Task Force), в 1998–1999 годах из Боснии и Герцеговины была организована отправка исламских добровольцев в ряды албанской УЧК/УÇК (по-албански — Ushtria Çlirimtare e Kosovës, по-сербски ОВК — Освободительное войско Косово, а по-русски ОАК — Освободительная армия Косово).

ФОТО 83. *Шеврон УЧК*

В ходе войны в Косово в 1998–1999 годах моджахеды участвовали в боевых действиях против югославских вооруженных сил на стороне албанской УЧК. О сотрудничестве Албании с организациями исламских «салафитов» достоверной информации было мало из-за распада спецслужб Албании, которые могли предоставить такую информацию. Американские авторы Эндрю Хиггинс (Andrew Higgins) и Кристофер Купер (Cristopher Cooper) в журнале «The Wall Street Journal» писали, что в Албанию «салафиты» начали прибывать в 1992 году, так что в 1998 году в ячейке «Аль-Каиды» в Тиране насчитывалось 20 членов. Взятый в плен при попытке перехода границы боевик Алия Рабит, уроженец села Цырнолица под Прешево (Сербия), в своих показаниях заявил, что в Мюнхене была создана группа из моджахедов из Саудовской Аравии и Македонии. 3 июля она была переброшена в Бари (Италия), а 5 июля — в порт Драч. Откуда, в свою очередь, вместе с группой в 50 боевиков она была переброшена в Тропою на границе с Косово [50].

Когда в июле 1998 года было штурмом взято село Дони Преказ в районе Дреницы сербскими войсками, то, преследуя отступавших боевиков, сербы взяли в плен и семерых моджахедов, причем все они оказались местными албанцами. Среди них оказался и командир формирования моджахедов Экрем Авдия, рожденный в 1973 году в Косовской Митровице и закончивший среднюю исламскую религиозную школу в Приштине и Исламский институт в Саудовской Аравии. Экрем Авдия в июле 1998 г. создал отряд «Абу Бекир Садик», действовавший в области Дреницы [51]. Экрем Авдия успел поучаствовать в боях как доброволец-моджахед в войне на просторах Боснии и Герцеговины в отряде «Аль-Моджахед» армии Алии Изетбеговича, что, видимо, способствовало выделению ему правительственной стипендии Саудовской Аравии. У Авдии был найден дневник, позднее опубликованный в журнале МВД Сербии «Безбедност» («Абу Бекир Садик» «Безбедност», № 5, Београд, 1998 г.) и в белградском еженедельнике «Воскресный телеграф» от 26 августа 1998 года [52].

Из этого дневника видно, что Авдия, чей псевдоним был Абу-Сухейб, формирование отряда моджахедов начал по приказу Абдулаха Духаймана — руководителя организации «Бюро исламско-

го зова», со штаб-квартирой в столице Саудовской Аравии городе Эр-Рияде. Абдулах Духайман был одним из командиров отряда «Аль-Моджахед» в составе мусульманской армии Боснии и Герцеговины во время войны, и там с ним и познакомился Авдия. Последний в январе 1998 года создал в Косовской Митровице отделение этого «Бюро» при финансовой поддержке не только Духаймана, но и ряда других спонсоров из исламских стран, в том числе из Боснии и Герцеговины [53]. Еще в 1997 году Авдия посетил Абу-Маали, командира формирования «Моджахед», который со многими своими бойцами продолжал оставаться на территории Боснии и Герцеговины, и оттуда в Косовскую Митровицу пришли не только деньги, но и оружие, которого только до конца 1997 года на складах Авдии находилось до 300 автоматов и десятков гранатометов, а также большое количество боеприпасов [53].

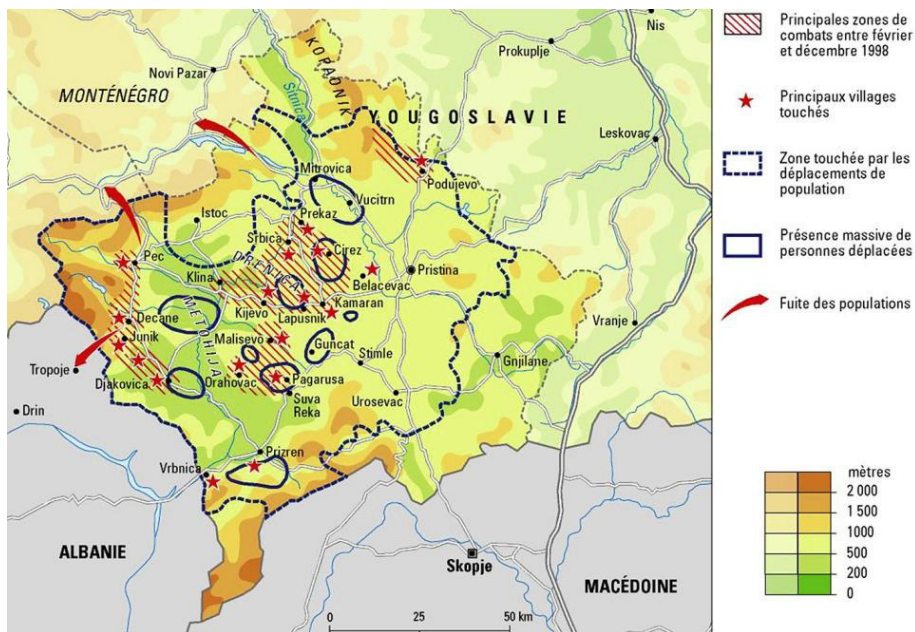
Получил Авдия и десяток автомашин, так что проблем с оснащением у него не было и денег ему давали достаточно. Так, в его дневнике помечено получение денег из Алжира. Уже в июне 1998 года в селе Дони Преказ было создано формирование «Абу Бекир Садик», почти исключительно из местных албанцев, общей численностью в начале 70 человек, отмеченных Авдией как «правоверные мусульмане», затем появились и иностранцы-моджахеды, в общей сложности до 40 человек [53]. Таким образом, в районе Дреницы был создан отряд моджахедов общей численностью до 120 человек, действовавший несколькими группами по 15–20 человек в течение полутора месяцев [53]. За это время десятка два моджахедов погибло, но на смену им пришли новые бойцы. Действовали моджахеды в координации с УЧК, но приказы получали исключительно от Духаймана [53].

Показательно, что Экрем Авдия и его соратники Шпенд Коприва и Неджмедин Лауш были амнистированы в 2001 году [54].

Австрийский автор Молте Олшевский в своей книге «Война за Косово» пишет, что в Косово и Метохии в войне участвовала тысяча добровольцев из исламских стран [55]. Сам факт, что в подготавливаемых ими силах УЧК действуют подразделения моджахедов, вряд ли мог быть ими не замечен, и так, в частности, немецкий автор Юрген Эйзесер (Jürgen Elzesser), бывший член комиссии бундестага по контролю над спецслужбами, в своем ин-

тервью журналу «Нин» (Сербия) подтвердил, что бывшая супруга одного из моджахедов Рэда Зайама немка Дорис Глик также говорила ему о контактах ее бывшего мужа, являвшегося одним из помощников тогдашнего руководителя моджахедов в селе Бочиня — «Абу Маали» (получившего еще в 1995 году гражданство Боснии и Герцеговины) с сетью террористов «Аль-Каиды» в Германии.

ФОТО 84. Карта боевых действий в Косово и Метохии в 1998 году

Об опасности моджахедов в Боснии и Герцеговине во второй половине 90-х годов говорили, главным образом, хорватские политики, ибо в Боснии и Герцеговине уже в послевоенное время были убиты и ранены десятки хорватов, как в открытых нападениях мусульман, так и в террористических актах последних. В течение трех послевоенных лет в Средней Боснии произошло восемь так и не раскрытых убийств хорватов, в которых хорватские политики обвиняли моджахедов и саму США. При этом центром нападений на хорватов был Травник, и именно здесь в трех нападениях был убит 12 июня 1998 года хорватский полицейский Перица Билич

(находившийся вместе с ним в машине бошняк Алмир Мелич был ранен), а 31 июля в другом теракте был убит еще один хорватский полицейский этого же управления полиции в Травнике — Анто Валян [56]. Другой хорватский полицейский Владо Стояк был тяжело ранен 9 февраля 1999 года также в ходе теракта с применением такой же, как и в предыдущих случаях, противопехотной осколочной мины направленного действия МРУД [56].

Тех, кто привел в действие взрывные устройства, так найти и не смогли. Лишь в феврале 2006 года было арестованно трое боснийских мусульман — Аднан Субашич, Элведин Даутбегович и Эрмин Беврня, совершивших убийство хорвата Илии Шуты в Бугойно. Насколько глубоки были противоречия между хорватами и мусульманами, показывает то, что через 13 лет после окончания войны, 9 октября 2008 года, в Витезе, городке в Средней Боснии, в торговом центре ФИС (сеть торговых центров хорватского бизнесмена Перо Гуделя) было приведено в действие взрывное устройство и погиб один охранник Звонко Барбич, был тяжело ранен один из менеджеров, а десять человек получили повреждения легкой степени. По данному делу суд Боснии и Герцеговины осудил 11 мая 2010 года бошняка Сувада Джиджича на девять лет лишения свободы по обвинению в установке самодельного взрывного устройства, подготовленного самим Джиджичем.

Не было большой тайной, что за многими этими террористическими актами в этой «тихой» хорвато-мусульманской войне стояло местное движение моджахедов, точнее, в данном случае исламских фундаменталистов — «ваххабитов», использовавших взаимную хорвато-мусульманскую нетерпимость для разжигания исламского фанатизма в местной среде. Хорватская сторона тогда постоянно привлекала внимание «международного сообщества» к исламской угрозе, и ею даже было выпущено несколько фильмов об этом с использованием видеоматериалов самих моджахедов.

Сербская же сторона тогда к данному вопросу отнеслась без должного внимания, ибо нельзя считать серьезным отношением незначительное количество статей в военной прессе, в которых моджахеды, хоть и упоминались как явление в югославской войне, но их цели и причины их появления не изучались. Указывались

лишь отдельные имевшие место факты уголовных действий моджахедов, как, например, захват в 1997 году в мусульманском селе Тетово под Зеницей египетскими моджахедами мусульманской 15-летней девушки Эдины Мешанович либо арест мусульманской полицией Боснии и Герцеговины 9 марта 1997 года гражданина Франции и бывшего моджахеда в армии Боснии и Герцеговины Лионеля Димона, как и убийство джибутийского моджахеда Зеферина Бинияма, произошедшее при этом аресте, вызванном их участием в грабеже 15 февраля 1997 года одной бензозаправки, когда был убит один полицейский. Однако анализа ситуации не было, и подобного рода интерпретации данных фактов служила сербской власти лишь для «очернения» всей «мусульманской» Боснии и Герцеговины как «европейского Пакистана», что никакой реальной пользы сербской стороне не несло, зато отвлекало внимание от самой опасности моджахедов, да и всего фундаменталистского ислама.

В сербской среде аналитическая работа в отношении исламского фундаментализма находилась под спудом и интереса для политиков и военных чинов, за небольшим исключением, не представляла. Во всей югославской политике и прессе движение моджахедов не было оценено соответствующим образом, и его сводили к каким-то абстрактным понятиям «международного терроризма», «наемников» и даже, что вообще абсурд, к понятиям «бандитов и авантюристов». По сути это было отказом от серьезного изучения проблемы, ибо террор есть средство, но не цель.

После же смены власти осенью 2001 года в Белграде говорить об опасности исламского фундаментализма стало едва ли не неприлично, и те, кто об этом писал и говорил, почему-то связывались с военными преступлениями в Боснии и Герцеговине. Тем самым то, что реально происходило внутри сообщества исламских фундаменталистов (салафитов) на Балканах, сербская власть практически не знала. Единственные материалы спецслужбы Сербии получали разве что от спецслужб США, создавших в Боснии сеть своей агентуры, опиравшуюся на созданные им при новом центральном правительстве Боснии и Герцеговины спецслужбы ОСА (государственная безопасность) и СИПА (центральное полицейское управление — аналог американского ФБР).

Впрочем, переоценивать способности последних не стоит, так как во власти в мусульманской среде продолжала оставаться все та же США, а также созданная бывшим премьер-министром Боснии и Герцеговины Харисом Силайджичем партия СБХ (SBH — Savez za Bosnu i Hercegovinu). Харис Силайджич в годы войны являлся одним из ключевых лиц в организации прибытия моджахедов в Боснию и Герцеговину. Таким образом, то, что происходило в среде бывших моджахедов, с годами растворившихся в созданном ими же движении ваххабитов в 90-х годах, оставалось тайной за семью печатями.

Ситуация изменилась с началом «войны против терроризма» Джорджа Буша, хотя к тому времени многие моджахеды смогли отбыть из Боснии и Герцеговины. Победившая на выборах коалиция левого центра «Альянса перемен (Alijans za promjenu)» во главе с лидером социал-демократической партии Боснии и Герцеговины (СДП) Златко Лагумджией создала после событий 11 сентября 2001 года «Антитеррористическую команду», благодаря которой многие моджахеды были лишены гражданства, а некоторые депортированы, как, например, Имад аль-Мисри (Imad el-Misiri) был депортирован в свой родной Египет, где его разыскивала полиция [47]. А так называемая «Алжирская группа» — Лакдар Бумедин (Lakdar Bumedin), Мустафа Аит Идир (Mustafa Ait Idir), Мохамед Нехла (Mohamed Nehla), Хаджи Буделла (Hadži Budella), Сабер Лакмар (Saber Lahmar), Белкасем Белсайех) — была в декабре 2002 года выдана США и затем переправлена на базу Гуантанамо.

В ходе передачи шестерых арабов из «Алжирской группы» — участников движения ваххабитов — из центральной тюрьмы в Сараево американским войскам большая группа в несколько сот человек, как правило, членов движения ваххабитов, с 17 по 18 декабря устроили в Сараево демонстрации, вступив в столкновения с полицией. 29 января 2002 года Джордж Буш открыто похвалил правительство Боснии и Герцеговины за вклад в борьбу с терроризмом и выдачу «Алжирской группы», готовившей нападение на посольство США в Сараево. Однако многие мусульмане восприняли отрицательно выдачу граждан Боснии и Герцеговины араб-

ского происхождения американцам, отправившим тех на базу Гуантанамо. Началась общественная кампания с митингами и протестами правозащитников.

ФОТО 85. Демонстрации в Сараево против выдачи «Алжирской группы» // 24sata.info

Помимо этого, усилия коалиции левого центра «Альянса перемен (Alijansa za promjenu)» по борьбе с исламским фундаментализмом подрывались, прежде всего, политикой властей Республики Сербской, согласно которой все мусульмане в Боснии провозглашались «фундаменталистами» и, соответственно, факты военных преступлений против них в Боснии и Герцеговине, согласно такой логике, становились «актами борьбы против терроризма». Вряд ли нужно объяснять, что как только в США произошли события 11 сентября 2001 года и была начата «антитеррористическая» кампания, Златко Лагумджия и его СДП были обречены, и в 2003 году, не без поддержки британцев, СДА удалось вернуться к власти. Этому способствовало и то, что кадр СДП, руководитель

ФОСС (новая спецслужба Федерации Боснии и Герцеговины), Мунир Алибабич был 21 октября 2002 года снят с должности тогдашним шефом ОНР британцем Пэджи Ашдауном.

Тем самым та часть мусульманской демократической оппозиции, что поверила обещаниям о строительстве «демократической» Боснии и Герцеговины, довольно быстро оказалась обманутой, ибо, как оказалось, «международному» сообществу вполне подходили «экстремисты СДА» во власти, и в договорах с последними выделялись англичане. При этом часть руководства партии мусульман СДА во главе с Хасаном Ченгичем и Бакиром Изетбеговичем тайно продолжала поддерживать связи с исламским миром и вела подрывную деятельность против ОХР [57]. Боснию и Герцеговину в данном случае можно охарактеризовать как своеобразный «национальный парк», в котором действовали спецслужбы и террористические организации Востока и Запада и где «охота» была запрещена. Исламским фундаменталистам невыгодно было нарушать негласное перемирие, но, видимо, и Запад знал, что делает, и в конце концов если бы Запад не желал распространения исламского фундаментализма, он не допустил бы миграции миллионов мусульман в Западную Европу после распада колониальных империй.

Совершенно ясно, что Запад и после 11 сентября 2001 года не собирался всерьез бороться с моджахедами в Боснии и Герцеговине, тем более что в самой Европе с исламским фундаментализмом боролся он не слишком усердно. Полномочий же у сил НАТО в Боснии и Герцеговине было более чем достаточно. Так, Сабахудина Фиулянина, одного из боснийских ваххабитов, американские силы СФОРа арестовали в октябре 2002 года и держали его без предъявления обвинения до конца января 2003 года в своей тюрьме на базе «Орао» под Тузлой, так как получили информацию о том, что он готовил террористический акт. Затем 19 октября 2005 года в Сараево был арестован боснийский мусульманин Мирсад Бекташевич, имевший шведское гражданство, готовивший вместе с тремя своими сообщниками Байро Икановичем, Абдулкадиром Цесуром и Сенадом Хасановичем теракты. Для этого он приобретал в Сараево большие количества взрывчатки (счет шел на сотни кило-

граммов), из которых у него нашли только 20. Бекташевич как раз и принадлежал к движению ваххабитов и впоследствии, в 2007 году, согласно приговору Верховного суда Боснии и Герцеговины, получил 15 лет тюремного заключения, Цесур — 13 лет, Иканович — восемь лет, Хасанович — два с половиной года.

Затем, уже осенью 2006 года, в мечети «Араб джамия» в Грачанице в Боснии, как и в одноименной «Араб джамии» в Новом Пазаре в Санджаке в Сербии, произошли вооруженные столкновения между ваххабитами и сторонниками традиционного боснийского ислама. В ходе похорон неформального лидера ваххабитов в Боснии и Герцеговине Юсуфа Байрича из Калесии, погибшего в Тузле в автокатастрофе 30 марта 2007 года, появилось около 3 тысяч ваххабитов, главным образом из Боснии, хотя многие боснийцы приехали из Австрии и других стран Западной Европы. Тем самым стала ясна сила ваххабитов, тем более что глава управления мусульман эфендий Церич так и не назвал прямо ваххабитов виновниками инцидентов в Грачанице и в Новом Пазаре.

Однако каковы бы ни были причины, но факт остается фактом: Босния и Герцеговина стала первым местом в послевоенной Европе, где ислам появился не только как религиозный, но и как политический фактор.

Данный факт, соответственно, может повлечь соответствующие последствия, исходящие из самой сути ислама. Исторически ислам является идеологией, утверждаемой силою оружия, доказательством чему является сама история распространения ислама в Иране, Индии, Византийской империи, в Испании и на Балканах. Как при пророке Мухаммеде поднимался межрелигиозный диалог, ясно из строк самого Корана: «...А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» (Коран 47:4–6). Невозможно в здравом уме утверждать, что приход на чужие земли сначала арабских, а затем турецких войск может являться чем-то иным, нежели завоеванием и порабощением. Утверждать, что ислам тогда нес крестьянам социальное освобождение, значит приходиться к абсурдному выводу, что вожди исламских армий были альтруистами, не нуждавшимися в средствах для личного обогащения и

обогащения своей знати, как и для содержания своих армий. К тому же, помимо экономических нужд, эти вожди испытывали и идеологические требования ислама.

В данном случае весьма показательны законы халифа Омара, являющегося для исламских богословов «праведником». Можно привести небольшой отрывок из книги Л.И. Климовича «Книга о Коране, его происхождении и мифологии», где есть высказывание «праведного» халифа Омара: «...Девизом завоевателей стало следующее положение, приписываемое “праведному” халифу Омару I: Подлинно, мусульмане будут питаться за счет этих (зиммиев, платящих подать. — Л.К.), пока будут в живых; а когда мы умрем, и они умрут, то сыновья наши будут питаться за счет их сыновей вечно, пока будут существовать, так что они будут рабами последователей мусульманской веры, пока мусульманская вера будет оставаться преобладающей. Этот текст содержится в докладной записке “Китаб аль-харадж” (“Книга хараджа”) верховного судьи Абу Юсуфа (731–798) — произведении, составленном по поручению халифа Харун ар-Рашида и получившем значение юридического руководства» [58].

Вся история распространения ислама — это история завоеваний, начиная от битвы при Ярмук в 636 году, где армия арабских мусульман Халид ибн Валида разбила византийскую армию православной державы Ромеев (Византии) Феодора Сакеллария (в войсках которого были и отряды арабов-христиан, которыми командовал Джабала б. Айхама из династии Гасанидов). Нет смысла здесь описывать историю исламского мира, но хотя бы непреложный факт массовой работорговли в Турецкой империи невозможно отрицать, и в русской истории хорошо известны факты продаж тысяч русских на рынках в Крыму, захваченных в походах татарскими ордами. В сербской истории, в народных преданиях достаточно подробно описаны походы турок по христианским селам и городам в поисках рабов как при завоевании сербских земель, так и в ходе восстаний сербов против турок, с последующей продажей невольников, в том числе малолетних детей, на рынках.

Согласно книге британского историка Роберта Дейвиса «Христианские рабы, исламские хозяева: Белое рабство в Средиземноморье, Берберском побережье и Италии 1500–1800 (Ранняя совре-

менная история: Общество и Культура)», алжирские пираты с 1500 по 1800 год захватили не менее чем от 1 миллиона до 1 миллиона 250 тысяч рабов во Франции, Испании, Италии и ряде других прибрежных стран Европы [59]. Лучший пример отношения ислама к христианству существует в виде бывшей мечети Айя-София, созданной из храма Святой Софии. Точно также и в завоеванной Сербии турки многие православные церкви разрушали и на их фундаменте строили мечети. Так, в Чачке, в Сербии церковь Богородицы, построенная жупаном Стратимиром, братом первого короля Сербии Немани, была турками превращена в мечеть, и только после освобождения Сербии от турок, церковь была восстановлена. В самой Боснии и Герцеговине, в Биелине, при разборе завалов разрушенной в 1992 году мечети были найдены остатки сербской православной церкви, разрушенной турками в 1530 году.

Упадок исламских политических образований, естественно, не дал уже им безнаказанно заниматься работоторговлей и грабежом чужих земель, что создало обманчивую уверенность в Европе в том, что исламский мир цивилизуется. Однако уже во второй половине XX века возникновение организаций исламских фундаменталистов опровергло это заключение. В югославской войне 90-х годов джихад, как понятие, впервые после балканских войн (1912–1913 годов) опять появился в Европе, и то в постсоциалистической Боснии и Герцеговине конца XX века. Тем самым оценить последствия этого по сути глобального изменения в мировой политике можно будет лишь по происшествии определенного периода, когда и будет получен окончательный ответ. Сама деятельность исламских фундаменталистов в данном случае была достаточно показательна, ибо означала, что силы, способствовавшие появлению моджахедов в Боснии и Герцеговине, от своих планов продолжения «джихада» не отказались, пусть даже в ущерб интересам местных мусульман. Проблема моджахедов весьма сложна и представляет собой лишь верх того исламского айсберга, о который может окончательно разбиться корабль сербской государственности, но между тем детального исследования этого вопроса в Югославской войне не произошло, причем как раз сербская сторона меньше всего интересовалась им.

Западная стратегия ведения боевых действий «чужими руками» и «чужой кровью» требовала в Югославской войне привлечения исламского фундаментализма для борьбы не только с сербами, но и с усилившимися хорватами, также весьма националистически настроенными. Местные мусульмане сами по себе были достаточно «европеизированы» и «югославизированы», чтобы стать опорой исламского фундаментализма. Чтобы разжечь фундаментализм, и нужны были моджахеды из движений Ближнего и Среднего Востока, за два десятилетия до этого практиковавшиеся в джихаде. При этом сами хорваты часто возражали против переброски моджахедов через территорию Хорватии, и так как велась переброска оружия в полной секретности, очевидно, что существовали силы на куда более высоком уровне, нежели уровень руководства Хорватии, от которых это руководство зависело.

Переброска оружия мусульманам велась на основании финансовой помощи стран исламского мира, что, собственно говоря, и не скрывается в Боснии и Герцеговине, где против одного из ключевых лиц в тогдашнем руководстве СДА в Сараево — Хасана Ченгича — выдвигались обвинения не в том, что он эту помощь получал, а в том, что он якобы совместно с остальными членами руководства СДА часть этой помощи присвоил. О спонсировании Саудовской Аравией закупок оружия правительством Боснии и Герцеговины существует ряд свидетельств в средствах массовой информации, от публиковавшихся в боснийской прессе счетов консульских представительств и частных боснийских компаний с уплатами из стран исламского мира до вполне официальных сведений госдепартамента США об уплатах тогдашним союзником США — Саудовской Аравией — 300 миллионов долларов правительству Боснии и Герцеговины для закупок оружия, как, например, статья «Саудовцы финансируют оружие для Боснии» Майкла Доббса в номере «Вашингтон Пост» от 2 февраля 1996 года [60].

Еще одним игроком в снабжении боснийских мусульман оружием стал Судан, точнее, суданская компания TWRA, чьим руководителем был Эль Фатих Хасанеи — суданский дипломат и один из высших руководителей правящей суданской партии «Исламский фронт». В числе акционеров компании TWRA, помимо Эль

Фатих Хасанеи, были также ключевые члены СДА — Хасан Ченгич (позднее оказавшийся в «черном списке» Госдепартамента США), Хусейн Живаль и Ирфан Левакович [61].

ФОТО 86. *Хасан Ченгич* // www.bhdani.ba

Эль Фатих аль Хасанеи с самим Алией Изетбеговичем (по показаниям последнего на судебном процессе в Сараево в 1983 г.) был знаком еще с 70-х годов прошлого века в Югославии, коммунистическая власть которой поддерживала антиколониальную борьбу. В 1994 году в интервью журналу «Гази Хусрев-бег» («Gazi Husrev-beg»), выпускавшемся в годы войны в Сараево одноименной «Боснийской исламской ассоциацией Гази Хусрев-бег» (Bosnian Islamic Association Gazi Husrev-Beg), Эль Фатих аль Хасанеи заявил, согласно журналисту Джону Помфрету из «Вашингтон пост», что «...Босния в конце концов будет исламской Боснией, иначе все теряет свой смысл и война бессмысленна» [61].

Газета «Вашингтон пост» (в номерах от 24.09.96 г. и 25.09.96 г.) писала, что TWRA, открыв свои представительства в Вене, Будапеште, Москве, Стамбуле, собрала — только по официальным

данным австрийской полиции, которая тогда провела обыск в офисе TWRA в Вене, — около 350 миллионов долларов с 1992 по 1995 год и потратила их на закупку оружия. На «прикрытие» операций, вроде «информационного агентства» или фермы цыплят, ушли крохи. В документах, попавших в руки австрийской полиции, упоминается имя Усамы бен Ладена, жившего тогда в Судане, которого в 1993 года некоторые журналисты видели и в Сараево.

Австрийская полиция записала и телефонные разговоры Хасанеи со слепым шейхом Омаром Абдель Рахманом, осужденным в США на пожизненное заключение за организацию террористических актов, в том числе — во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке. В другом издании — французском журнале «Пари-Матч» от 19.07.95 г. — Жерар де Бильер описывал типичный канал TWRA, существовавший в мае 1995 г. Главным авиаперевозчиком была компания FDC International, зарегистрированная в Либерии австрийцем Дитером Хофманом, которого звали «Белый волк» и который поставлял оружие в Хорватию в самом начале войны. Этот австриец, благодаря связям в бывшем СССР и во всем бывшем соцблоке, мог без особых проблем арендовать российские, украинские, венгерские и прочие самолеты и вертолеты для своей авиакомпании «Летающие тигры».

Согласно журналу «Пари-Матч», со складов советской армии в ГСВГ Дитер Хофман перебрал только за два военных года несколько сот тонн оружия и снаряжения в Хорватию, Боснию и Герцеговину. Главной перевалочной базой была Словения («Вашингтон пост»), что подтверждается серией последующих политических скандалов в Словении, где главным обвиняемым был министр обороны Словении Янез Янша. Прямым доказательством его участия в торговле оружием были 10000 автоматов Калашникова китайского производства, 32 миномета и 19 гранатометов, а также большое количество боеприпасов и снаряжения, оставшихся на словенских складах со времен войны до 1997 года, а их принадлежность мусульманскому правительству Боснии и Герцеговины признало тогда и последнее правительство Словении.

Из Словении оружие и снаряжение транспортировалось по воздуху в хорватский город Сплит, а оттуда попадало в Боснию и

Герцеговину. Также, по свидетельству французского журнала «Пари Матч», был указан случай прибытия в хорватский порт Плоча, соседствующий с боснийской границей, украинского торгового судна «Адмирал Севков» с грузом пшеницы и 12-ю танками Т-34/85 и 12-ю 130-мм артиллерийскими орудиями и запасом боеприпасов к ним, закупленных ТWRA [62]. Также в журнале «Пари Матч» были указаны и многочисленные случаи использования для снабжения оружием даже действительно гуманитарных агентств, как, например, случай с несколькими самолетами, посланными из Германии для эвакуации мусульманских детей, а заодно привозивших в Боснию и Герцеговину оружие [62].

В 1994 году под Сараево военная полиция ВРС в одном конвое ООН обнаружила ящики боеприпасов [63]. Существуют неофициальные свидетельства политиков и военных о вооружении мусульманских войск миротворческими контингентами некоторых исламских стран, чьи правительства с самого начала стали в этой войне на мусульманскую сторону. Когда с началом хорватско-мусульманской войны весной 1993 года мусульмане получать оружие и боеприпасы уже не могли через Хорватию, так как конвоям приходилось бы следовать через территорию Херцег-Босны, где к политике вооружения своих противников-мусульман относились куда более отрицательно, нежели в Загребе, то в результате оружие стали перебрасывать военно-транспортными самолетами Ирана. Последние использовали хорватские аэродромы (у Загреба и на острове Крк) вполне открыто, и не видеть их американская авиация и авиация НАТО, в особенности самолеты ДРЛО — Е-3А и Е-2С, не могли, тем более к тому времени уже действовала резолюция Совета Безопасности о запрете полетов над Боснией и Герцеговиной, за чьим проведением была уполномочена следить авиация НАТО.

Даже при вылете из иных аэродромов иранским самолетам все равно приходилось бы пролетать над Адриатикой, где находились ВМС НАТО и Евросоюза, обязанные контролировать соблюдение международного эмбарго на поставки оружия в бывшую Югославию. В конечном итоге, как позднее заявил комиссии Конгресса США вице-секретарь Госдепартамента Питер Тарноф, в 1994 году

само американское правительство тайно одобрило «иранский» канал, руководствуясь «симпатиями к мусульманам». Вопреки широко распространенному мнению, американские самолеты использовались ради помощи мусульманам главным образом в последнем периоде войны, а из других стран НАТО в этом деле были замешаны, насколько известно, лишь ВВС Турции.

Советник Билла Клинтона по вопросам национальной безопасности адмирал Энтони Лэйк был против тайных поставок оружия боснийским мусульманам, обосновывая это резко отрицательным отношением к вооружению мусульман в Боснии союзников США — Великобритании и Франции, имевших свои войска в Боснии и Герцеговине [64]. В результате было решено прибегнуть к помощи Ирана и, под давлением Билла Клинтона, после заключения перемирия с Алией Изетбеговичем в Вашингтоне, в марте 1994 года, президент Хорватии Франьо Туджман разрешил Ирану использовать территорию Хорватии для переброски оружия и боеприпасов в Боснию и Герцеговину, а также для переброски туда военнослужащих Иранской революционной гвардии [64].

В данном случае схема сотрудничества американских спецслужб с Ираном была уже отработана при президенте Рейгане в ходе известного скандала «Ирангейт», вспыхнувшего в связи с методами вооружения «контрас» в Никарагуа со стороны американских спецслужб, и тогда, в частности, стало известно о существовании группы «Желтый фрукт (Yellow Fruit)», занимавшейся данным вопросом со стороны сил специального назначения США, хотя ответственным за скандал был «назначен» полковник Оливер Норт. Однако само сотрудничество революционного Ирана с США началось, впрочем, не в Никарагуа, а еще в Афганистане, и о роли иранцев в ходе войны в Афганистане пишет в своих воспоминаниях руководитель группы советских военных советников в Афганистане генерал Махмут Гареев.

Иран был достаточно выгодным союзником для США еще в ходе войны в Афганистане. В Иране находился штаб союза моджахедов под названием «Союз восьми», чьи формирования активно воевали против советских войск, а в событиях 1991–1992 годов в Баку активно участвовали представители Корпуса стражей ис-

ламской революции, поддерживавшего формирования Народного фронта Азербайджана. В Боснии и Герцеговине деятельность Ирана заключалась в исполнении заказа США по вооружению боснийских мусульман, что, собственно говоря, Иран успешно выполнил. Подобный союз стал очевиден и позднее в ходе войны в Ираке, но уже в Боснии моджахеды иранцев воспринимали как врагов и, согласно Владо Ажиновичу, автору работы «Аль-Каидиф или действительная опасность» («Al-Kaida u Bosne I Hercegovine-mit ili stvarna opasnost») опубликованной на сайте радио «Свободная Европа» на боснийском языке («Slobodna Europa») и ссылающемся на книгу «Джихад Аль-Каиды в Европе» американского автора Эвана Кохлмана [42], за подозрения в симпатиях к Ирану отчисляли добровольцев из своих отрядов, а по меньшей мере одного убили. Ажинович приводит также данные о том, что тогда в Боснию и Герцеговину прибыло, в общей сложности, около четырех сотен сотрудников Иранской революционной гвардии, в том числе иранского министерства безопасности ВЕВАК (VEVAK-Vezarat-e Ettela'at va Amniyat-e Keshvar).

ФОТО 87. Эмблема иранского министерства безопасности
ВЕВАК (VEVAK-Vezarat-e Ettela'at va Amniyat-e Keshvar)

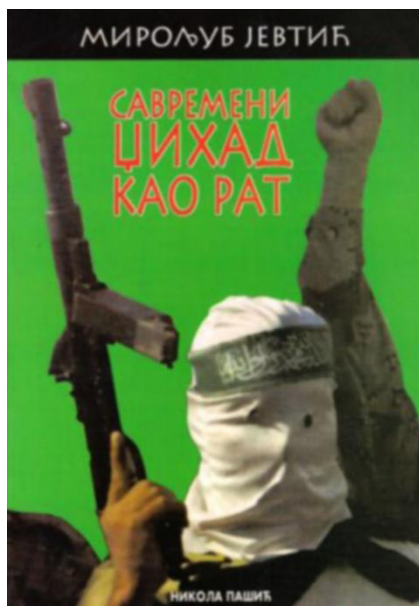
Иран по договору с правительством Боснии и Герцеговины начал создание своей разведывательной сети в Боснии и Герцеговине. Так, в 1993 году по указанию Али Иметбеговича была начата отправка сотрудников боснийских спецслужб на переподготовку в Иран в «центре» Кодса — подразделении Иранской Революционной гвардии. Согласно документам, представленным в передаче «60 минут» 14 декабря 2009 года государственной компании Федерации Боснии и Герцеговины — ФТВ, обучение прошли с конца 1993 по начало 1995 года 13 человек. Впрочем, тяжело оценивать сам баланс сил в иранском руководстве и то, какие интересы имели те или иные группы в нем. Очевидно, что создание иранцами влиятельной сети агентов в Боснии и Герцеговине явно выходило за рамки договоренности между Ираном и США, и в силу этого и произошел рейд войск IFOR (SFOR), действовавших по мандату Совета Безопасности как миротворческие войска Боснии и Герцеговины, в феврале 1996 года в лагерь спецподготовки Иранской революционной гвардии «Погорелица» под Фойницей, с арестом нескольких иранских инструкторов.

Создание этого лагеря спецподготовки курировали тогдашний министр внутренних дел Боснии и Герцеговины Бакир Алиспахич, начальник военной безопасности армии Боснии и Герцеговины Энвер Муезинович и начальник АИДа (мусульманская спецслужба, позднее распущенная) Кемаль Адемич. Высказывались предположения, что за провал (или сдачу) лагеря Погорелица 28 сентября 1996 года заплатил жизнью Неджад Углен, тогдашний заместитель шефа АИД, которого подозревали в слишком близких связях с ЦРУ. При этом совершенно ошибочно смешивать появление отрядов моджахедов в Боснии и Герцеговине с деятельностью Ирана и смешивать два различных явления — оказание Ираном поддержки Боснии и Герцеговине как государству с поставками оружия и отправку советников из Иранской Революционной гвардии с движением моджахедов, хотя и поддерживаемое Саудовской Аравией, но руководствующееся собственными религиозно-политическими целями.

В последнем случае Саудовская Аравия лишь способствовала отправке в Боснию и Герцеговину добровольцев, но не управляла их действиями, что ей и не было нужно, ибо само создание движения

моджахедов в Боснии и было ее целью. В силу этого прямых известных доказательств вмешательства Саудовской Аравии в войну в Боснии нет, за парой исключений фактов смерти или ареста отдельных граждан Саудовской Аравии в рядах моджахедов, что доказательство косвенное. Однако что касается политического влияния, то Иран в данном случае играл менее важную роль, нежели Саудовская Аравия, пользовавшаяся несравненно более значительным влиянием на саму политику США, нежели страна-«изгой» Иран.

ФОТО 88. Обложка книги: *Јевтић Миролуб*. Савремени цихад као рат. Београд: Никола Пашић, 2001.

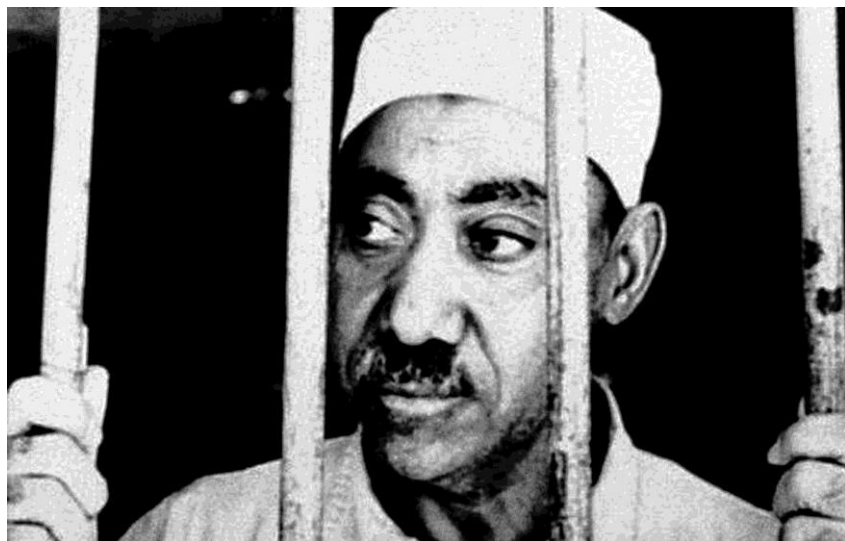

Саудовска Аравија же представља собою сили уже настојаше-го суннитског исламског фундаментализма, его сторонницима називаемим «истинним» или «чистим» исламом. Достаточно по-дробно понятие подобног «фундаменталистског» ислама, как и сопряженог с ним понятия «джихада», било истрадовано југо-славским (сербским) исламологом Миролубом Ефтичем в его ра-боте «Современный джихад как война» [65], первый раз вышед-шей еще в 1989 году в Белграде и, вероятно, хорошо знакомой

сербским политикам. Парадоксально, но в бывшей СФРЮ предупреждения «исламолога» профессора Сорбонны Миролуба Ефтича об угрозе создания исламского «зеленого коридора» (от Турции через Санджак к Боснии) оставались без внимания. Выход его книги «От исламской декларации до религиозной войны в БиГ» не произвел в сербском руководстве понимания, что они в Боснии и Герцеговине имеют дело с достаточно влиятельной и самостоятельной силой, а не с очередной операцией кого-то в ЦРУ или Ми-6.

Впрочем, такое поведение было характерно тогда и для Москвы, где иные оставшиеся не у дел преподаватели марксизма-ленинизма, переквалифицировавшиеся в политологов, иных факторов, кроме США, в мире не представляли, ассоциируя их с «мировым злом». Современное движение исламского фундаментализма основывается во многом на трудах египетского теолога Саида Эль-Кутба, казненного президентом Египта Насером в 1966 году [66].

ФОТО 89. Саид Эль-Кутб в египетской тюрьме

Работы Эль-Кутба «Знаки на дороге» и «В тени Корана» являлись настольными книгами лидеров исламских фундаменталистских движений и фундаменталистски настроенных теологов, при-

чем младший брат Саида Эль-Кутба — Мухаммед Кутб — также был подобного рода исламским теологом, и его учеником был погибший позднее в Ираке Айман Завахри. Миролуб Евтич в своей книге «Современный джихад как война» писал о том, что пока СССР и США заняты междоусобной борьбой, идеи исламского фундаментализма ширятся в исламском мире, причем он особо выделял суннитских мусульман, где, в отличие от шиитов, главными носителями исламского фундаментализма являются «миряне» — лидеры различных политических движений [66]. В суннитском богословии собственно богословие сведено к толкованию уже существующих положений Сунны и Корана, тогда как мнение любых, даже самых авторитетных исламских богословов остается не более чем их частным мнением, а у шиитов духовенство считает возможным устанавливать новые правила, которые для них могут быть не менее равноценными, нежели Сунна [66].

Движение современного исламского фундаментализма или, правильнее сказать, «чистого ислама» следует рассматривать и как политическое, и как религиозное явление. Отсутствие в анализе любой из этих двух составляющих — большая ошибка в оценке данного движения. Ведь ислам не просто политика и религия, а, как пишет российский исследователь ислама А.А. Игнатенко: «Ислам регулирует буквально все без исключения — жизненные направления, действия и поступки» [67]. Согласно Игнатенко, если в европейском мире жизнь человека, помимо религии, регулируется общественными нормами и государственными законами, то в исламе вся жизнь человека имеет свое обязательное и подробное толкование. При этом все нормы ислама базируются на Коране и высказываниях пророка Мухаммеда, называемых хадисами.

Вместе с тем в исламе, в отличие от православия, нет священников, которые могли бы ответить на некий вопрос, донося до людей истину, полученную ими от Святого Духа, и потому важную роль играют те, кто может истолковать те или иные положения ислама. В силу ограниченного числа — 114 стихов Корана и 500 хадис (высказываний), в исламе большое значение имеют ученые, толкующие Коран и Сунну в ходе «иджтихада» — процесса по выработке правовых норм и правил. Развитие исламского право-

вого порядка — шариата — является базовым, тогда как над шариатом есть большой пласт исламского правоведения, называемый «фикхом» [67].

Фикх — это материя, находящаяся в постоянном движении, основанном на появлении все новых толкований. Сложившаяся в таком виде система нормотворчества в исламе сделала данную религию исключительно динамичной, постоянно эволюционирующей, адаптирующейся к трансформирующемуся обществу и влияющей на его изменения [67]. В отличие от Священного Писания в христианской церкви, являющегося плодом наставлений Святого Духа самой церкви, фикх — это плод человеческого ума, поэтому в исламе для толкователя считается совершенно нормальным отвергнуть умозаключения предшественников, оставляя возможность выборочного использования тех или иных заключений, и напрямую обратиться к шариату, существовавшему при Мухаммеде и его праведных халифах Абу-Бакре, Омаре, Османе и Али.

Существует хадис Мухаммеда о том, что после его смерти исламская община расколется на 73 секты, причем все попадут в адский огонь, кроме одной, состоящей из «тех, кто держится (точно) того, что я (то есть пророк Мухаммед) и мои сподвижники сегодня» [67]. Таким образом, развитие исламского фундаментализма в мире является совершенно логическим развитием ислама, а все не его «использованием в политических целях», ибо ислам и есть политика. А.А. Игнатенко в своей книге «Ислам и политика» отмечал невозможность восприятия исламского фундаментализма как возвращения к истинному исламу, ибо любой исламский теолог, чьи работы будут использованы как обоснование пути возвращения к «истинному» исламу, может быть обвинен в том, что это всего лишь его «частное» мнение, могущее быть ошибочным. Упрощенно говоря, ислам — это вечный протестантизм, в котором нет привычного в православии или в католичестве «Священного предания» и потому можно говорить даже не столько об исламском фундаментализме, сколько об исламском радикализме, хотя и это будет неправильно с исламских позиций, ибо, как пишет Игнатенко, правомерно говорить с исламских позиций о возвращении к вере предков «салафизме» (ас-салах ас-салих — праведные предки),

хотя, как уже указано, эта вера предков понимается по-разному различными богословами [67].

Как пишет Игнатенко А.А. в книге «Ислам и политика»: «различия между мусульманами и исламистами вполне осознаются (в том числе самими исламистами) и находят свое выражение в употреблении разных слов: «мусульманин» (мусульмане) для обозначения тех, кто понимает и практикует, «исламийюн» (исламисты) — для определения тех, кто рассматривает ислам как теорию и практику преимущественно политического действия». Процесс далеко не новый, базирующийся на хадисе, где говорится: «В начале каждого века Бог посылает того, кто обновляет этой (мусульманской) общины дело ее веры». Также в книге «Ислам и политика» Игнатенко пишет следующее: «... салафизм по замыслу есть обращение к Корану и к правильной Сунне, то есть к Божественным источникам норм, в реальности он представляет собой обращение к человеческим источникам (к Ибн-Таймийе и всему наследию салафизма). И оказывается, что обосновываемая салафитами обязательность для мусульманина вести джихад против правителей-вероотступников (будь то Хосни Мубарак в Египте, Ислам Каримов в Узбекистане, Магомед Али Магомедов в Дагестане и другие) обосновывается не обращением к вечному, абсолютному, истинному (ибо Божественному) источнику, а к источнику человеческому, и потому, очень вероятно, ошибочному. Ведь, строго говоря, надо еще доказать, что Ибн-Таймийя не ошибался, составляя свои “фетвы о татарах”, либо признать беспорочность этого ученого и безошибочность всех его суждений, что в исламе невозможно. Беспорочностью ислама характеризуется только один человек — Божий посланник пророк Мухаммед» [67].

В исламе нет правоверия и ересей в привычном смысле для христианства. В нем, естественно, есть расхождения во мнениях. Как уже выше указывалось, пророк Мухаммед говорил о разделении ислама на 73 секты, и лишь на Страшном суде будет определено, какая из этих сект «правоверная». Из этого логически следует, что правоверного ислама как такового нет. А.А. Игнатенко приводит строки из книги Мухаммада Ибн Абд ал-Карим аш-Шахрастани (1075–1153) «Книга о религиях и сектах», в которых

описана основная суть ислама: «И если мы обнаруживаем, что некто из имамов (исламской общины) обособился с каким-то (выраженным) мнением (макаля) из этих основополагающих вопросов (кава'ид), то мы считаем его мнение направлением (мазхаб), а общину (джама'а) (его последователей) сектой (фирка), чтобы учет высказанных мнений не шел до бесконечности».

Ни одно правило поэтому не может оставаться истиной, да и сами хадисы при необходимости могут меняться либо провозглашаться неверодостойными. Сами хадисы могут быть вымышленными — мавду'ат, слабой достоверности — да'ифа, достоверными — сахиха. В самом Коране также есть «отменяемые» (мансуха) и «отменяющие» (насиха) стихи. Для их понимания надо знать историю «ниспослания» Мухаммеду, ибо в Коране они последовательно не даются. Разумеется, некоторые секты, в первую очередь шиитские, нередко преподносят идеи, которые в остальном исламском мире принять бы не могли. Однако нет в исламе известной в христианстве процедуры по «низвержению» еретиков. С руководством подобной секты просто обрывают общение, ее члены нередко преследуются, но все равно их продолжают считать мусульманами. Ислам — это не церковь, это общественное движение. При этом бесполезны все попытки выделить какой-то истинный ислам на основании примеров в прошлом.

Таким образом, в религиозных диспутах в исламе истина в принципе не может быть выяснена и, следовательно, сторонники «чистого» ислама среди исламского духовенства рано или поздно должны прийти к заключению о доказательстве своей правоты вооруженной силой, пусть и не их руками, а руками светских последователей «чистого» ислама. Здесь нет иного пути, чтобы доказать свою правоту, кроме силового, тем более что применение вооруженной силы в решении религиозных вопросов практиковали еще Мухаммед и его ученики. Успех в вооруженной борьбе против неверных и «внешних» врагов есть доказательство правоты линии «чистого» ислама, тем более что это касается столь материалистического мира, как исламский, где насилие есть норма поведения в общественной жизни.

Столь же бессмысленны утверждения об исламе как о «религии добра», ибо четыре первых «праведных халифа» действовали про-

тив неверных с такой жестокостью, что все организации исламских фундаменталистов последних лет выглядят их слабым подражанием. Напрасно поэтому выделять в исламе какое-то отдельное «экстремистское» направление. Радикализация мусульманского сообщества в подобных случаях происходит не по схеме «обострение социально-экономических проблем — поиск идеологического выражения — исламский радикализм в форме салафизма», а по другой — «пропаганда салафитских идей — исламский радикализм» [67].

В Коране существует ясное изречение: «Те из верующих, которые отсиживаются дома, не испытывают тягот, не равны (по воздаянию Аллаха) тем, кто сражается во имя Аллаха (аль-муджахедун фи сабиль Аллах), жертвуя своим имуществом и жизнью, на целую степень выше над отсиживающимися дома. Хотя Аллах обещал наибольшее благо всем верующим, он отличил усердствующих (аль-муджахидун) от отсиживающихся дома великими вознаграждениями — степенями (поощрения) от Него прощением и милосердием, Аллах — прощающий, милосердный» (Коран 4:95–96). В то же время приводимый в пример противниками салафитов хадис о «Великом джихаде», о внутренней нравственной борьбе человека с искушением и его главенствующем положении над малым джихадом — войне против врагов ислама — часто оспаривается религиозными авторитетами, так как он приведен в книге «История Багдада» автором Аль-Хатибом Аль-Багдади со ссылкой также на часто оспариваемого автора Яхью Ибн-аль-Аля [67].

В то же время есть несколько хадис, которые являются более достоверными, по мнению исламских авторитетов, ибо исходили от людей, знавших лично пророка Мухаммеда, как, например, «Быть один час в боевых порядках на пути Бога лучше, чем быть (на молитве) шестьдесят лет», «Звон мечей его (погибшего за веру) головой были для него достаточным испытанием» [67]. Эти хадисы ясно указывают, что как раз такой джихад и является основополагающим столпом ислама. Из данного обстоятельства закономерно вытекает заключение, что ислам есть идеология, направленная на насильственное завоевание мира и устройство его согласно догмам ислама.

В ходе исламской истории составлялись списки обновителей, поэтому ничего нового в волне современного фундаментализма

нет. Подобный реформизм — ислах — есть постоянное явление в исламе, циклически повторяющееся, и предшественником подобного фундаментализма может считаться движение альмохадов в XII-XIII веках в северо-западной Африке и в Андалузии [67]. Исламская история — история цикличная, с возвращением к истокам в конце каждого цикла. При этом возвращение к истокам современными салафитами иногда понимается буквально, то есть существует тенденция к отказу от достижений современной цивилизации. С другой стороны, вести джихад без средств современной цивилизации нельзя, поэтому использование достижений цивилизации — зримое проявление сложностей проблемы, с которой сталкиваются салафиты. Для них это признак того, что они попадают в уже известный исламскому «фикху» цикл — следование истинной вере, постепенный отход от нее, кризис общины. И в этом процессе свою влиятельную роль играют конституционные характеристики ислама. То есть внутри сторонников «чистого ислама» — салафизма — существуют различные течения с возможностью очередного раскола в зависимости от их воззрений [67].

При этом любые теории салафитов могут быть подвергнуты сомнению как несоответствующие Корану, ибо любая теория есть человеческое суждение, не способное в исламе иметь право абсолютного закона. Сомнению могут подвергаться как современные теоретики, так и исламские авторы средневековья, даже если они являлись самыми «чистыми» на тот момент мусульманами. Соответственно, в исламе практически невозможно достичь полного согласия по какому-либо ключевому вопросу в случае, если кто-то будет несогласным [67]. При этом в рамках общемирового движения по возвращению к вере предков — «салафизма» (ас-салах ас-салих-праведные предки) — в виде отдельной ветви существовал ваххабизм.

В бывшем СССР по отношению к фундаменталистскому исламу вообще утвердился термин «ваххабизм» в силу большого влияния организаций из Саудовской Аравии. Однако фактически ваххабизм лишь одно, пусть и самое влиятельное направление в салафизме. Ваххабизм, как и подобные ему иные движения салафитов, не является консервативным в европейском понимании.

Он не стремится сохранять былые порядки, а постоянно реформируется в соответствии с «истинным чистым исламом». Ваххабитская идеология (в среде исламских фундаменталистов «ваххабизм» как теория отсутствует) распространилась в среде исламских фундаменталистов благодаря тому, что деньги и инструкции к действию поступали от спецслужб Саудовской Аравии. Ваххабиты, хотя и возникли как религиозное движение в XVIII веке, к полной власти в Саудовской Аравии пришли сравнительно недавно — в 1924 году, захватив Мекку у рода хашимитов, воспользовавшись разгромом Турции и поддержкой британских войск.

В рамках этого салафизма и существует как отдельная ветвь ваххабизм, которая благодаря поддержке правящей династии Саудовской Аравии получила в движении салафитов господствующее положение. Так же как в каждом посольстве Саудовской Аравии существует «исламский» отдел, играющий роль отдела бывшей КПСС по международному сотрудничеству, то естественно, что моджахеды, для которых различия в толкованиях тех или иных богословов — «салафитов» не представляли непреодолимой преграды, и сотрудничали в первую очередь с саудовскими ваххабитами [67].

При этом Саудовская Аравия «на экспорт» предлагала куда более радикальный вариант учения, нежели то, что было изложено в книге «Китаб Ат-Таухид (Книга Единобожия)» Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба, ибо некоторые положения из этой книги в распространяемой за границей литературе отсутствуют, тогда как остаются лишь те, которые идеологически обосновывают необходимость ведения как против немусульман (уже не делая различий, как иные исламские богословы, на «людей Книги» — христиан и иудеев — и на безбожников), так и против мусульман, в том числе тех, кто, соблюдая обряды, согласно мнению ваххабитов (а и всех салафитов), сохраняет внутри себя «неверие» [67]. А.А. Игнатенко при этом делал замечание, что современный «ваххабизм» является по сути «неоваххабизмом», ибо основывается не только на сочинениях Ибн-Абд-аль-Ваххаба и других авторов прошлого, но и на посланиях современных авторов, таких как Абдалла Аззам, Усама бен Ладен, Омар Абд-ар-Рахман.

И в неоваххабизме происходит трансформация идеологии, когда некоторые тезисы изначального саудовского ваххабизма не упоминаются. Например, из русскоязычной ваххабитской литературы были исключены выражения «джихада против души» и «джихада против шайтана», а выражения «джихада против неверных» и «джихада против лицемеров» сохраняются [67]. Ваххабитская идеология (в среде исламских фундаменталистов «ваххабизм» как теория отсутствует) распространилась в среде исламских фундаменталистов благодаря тому, что деньги и инструкции к действию поступали от спецслужб Саудовской Аравии.

Ваххабитами было введено понятие «мунафака». Согласно шариатско-юридической категории, «мунафака» — это лицемерие, под которое попадали те, кто «...заявляет, что мусульманин, и исполняет все исламские обряды, и поступает как мусульманин, но на самом деле таит в душе некую враждебность по отношению к исламу». Этим было легче оправдывать уничтожение тех, кто в отличие от открытых «неверных» — кяфиров (куфр — неверие) — придерживался норм ислама, но в это же время находился на nepřиятельной ваххабитам стороне. Ваххабиты в своей пропаганде

использовали Коран выборочно, строго исходя из своих сиюминутных нужд.

Кто-то этим может возмущаться, но в среде малограмотных исламских народов подобный подход давал большую силу политическим идеям ваххабитов. Для ваххабитов такие ценности, как исламская философия (фальсафар), теология (калям), правоведение (фикх), суфизм (тасаввуф), не имеют значения, и они отвергают их за исключением тех положений, которые подкрепляются доводами «неоваххабизма».

Таким выборочным «иджитихадом» (богословская деятельность по решению вопросов, связанных с повседневной жизнью мусульман, как и религиозных и правовых норм) исламские фундаменталисты в состоянии оправдать что угодно. Неоваххабиты фактически являются формой секты в общественном движении, и все, как немусульмане, так и мусульмане, не согласные с ней, теоретически могут объявляться врагами, и к ним может применяться смертная казнь. Согласно строкам из сочинения Мухаммада ибн Джамиля Зину «Исламские акидо — вероучения, убеждения, воззрения — по Священному писанию и Достоверной Сунне», мусульманин должен «...враждебно относиться к многобожникам и неверным. Сколько есть мусульман, чистых и свободных от излишества, но не питающих к язычникам вражды! В подобном случае человек не может быть мусульманином... Каждый истинный мусульманин должен в обязательном порядке проявлять к язычникам вражду и испытывать ненависть (ст.31–32). ...дружелюбие по отношению к неверным и оказание им помощи не разрешены» [67].

Ваххабизм сегодня используется как идеологическое обоснование «тотальной» войны, и иного применения ему быть не может. Террористический акт смертника в ваххабизме определяется формой уничтожения цели, в которой гибнет и сам исполнитель операции. В работах исламского аима Хаммуда бен Укла аш-Шуайби из Саудовской Аравии обосновывается справедливость терактов, проводимых смертниками-исламистами, вне зависимости от того, будут ли в этих терактах гибнуть женщины и дети или нет, как и будут ли среди погибших мусульмане [67].

ФОТО 91. Шахиды Боснии и Герцеговины

Обоснованные им положения основываются на цитатах из Корана, и посему нет смысла сомневаться в том, что в случае прямой военной оккупации какой-либо территории силами исламских фундаменталистов любые формы партизанской войны против них вызовут массовый террор против мирного населения [67]. Современный салафизм и, прежде всего, ваххабизм как раз и отличаются от бывшего ислама тем, что целью их джихада часто являются мусульмане, не соответствующие салафитским нормам поведения «правоверного мусульманина». Как пишет А.А. Игнатенко «...салафитские группировки трактуют джихад, во-первых, как вооруженную борьбу; во-вторых, вменяют в обязанность каждому мусульманину (соответственно, физически и умственно способному к этому) ведение джихада; в-третьих, объектом джихада определяются кяфиры. Но поскольку кяфирами — неверными — объявляются все, кто не согласен с салафитами, то этот джихад ведется, в первую очередь, против мусульман, в частности, против тех, кто не согласен с салафитской трактовкой джихада» [67].

Таким образом, салафизм — это по сути идеология, нацеленная, в первую очередь, на вооруженную борьбу во всем мире и против мусульман, и против немусульман. Шейх Омар Абд-ар-Рахман, осужденный 26 февраля 1993 года на пожизненное заключение в США за участие в подрыве Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, открыто заявлял о приемлемости террора для «осуществления целей истинного ислама». Тем самым салафизм функциональнее былого коммунизма в деле ведения партизанской войны, положения которой разрабатывал еще Клаузевиц, которые были переняты у него Лениным и Мао, ибо в салафизме нет каких-то лавирований в отношении первой начальной стадии этой войны — террористических действий, проводимых, в первую очередь, в собственной среде.

А.А. Игнатенко в работе «Ислам и политика» пишет следующее: «Салафистские группировки отличаются тем, что в их учении, которое они расценивают как единственно правильную трактовку ислама, присутствуют два непререкаемых системообразующих, органично присущих салафизму положения — о такфире и джихаде. Такфир — это обвинение в неверии (по-арабски «куфр») всех тех, кто не согласен с салафитами. При этом важно подчеркнуть, что главным объектом такфира не являются немусульмане, ведь они, с точки зрения ваххабитских салафитов, и так кяфиры — неверные.

Целью такфира являются мусульмане. Другими словами, салафиты провозглашают кяфирами всех мусульман (подчеркну это особо еще раз), которые не следуют той специфической интерпретации ислама, которую салафиты провозглашают единственно правильной. А в этом случае мусульмане, которых салафиты обвиняют в неверии — куфры, приобретают, по оценке самих салафитов, статус вероотступников (по-арабски «муртадд»), то есть людей, которые были мусульманами, а потом отошли от ислама. В отношении же вероотступников в шариатских нормах предусматривается исключительная мера — смертная казнь или убийство, которое становится похвальным делом для всякого мусульманина (правда, кровь вероотступника в шариатских терминах «разрешена» после выяснения действительного положения вещей и троекратного предложения покаяться и вернуться в лоно ислама, но салафиты

об этом как-то забывают). Такфир салафиты распространяют на представителей власти в исламских государствах, на правоохранные органы и на силовые структуры, которые это государство защищают и поддерживают, на тех мусульман, которые фактом отказа салафитам в поддержке ставят себя в один ряд с правителями — «вероотступниками». Что касается немусульман, например, иудеев и христиан, то их салафиты — ваххабиты, определенным образом интерпретируя Коран и Сунну, квалифицируют уж давно как неверных (кяфи́ров), с вытекающими отсюда практическими последствиями...» [67].

Для движения такого размаха, придерживающегося подобных методов, политическая цель может быть только одна — завоевание полной политической власти в мире, что могло бы оправдать понесенные жертвы и затраченные средства. Ислам коренным образом отличается от христианства, и непонимание этого ведет к большим ошибкам в анализе и в противодействии силовым действиям исламских фундаменталистов. Ислам не является религией в том понимании, как это принято в христианстве. Ислам — это постоянно меняющееся общественное движение, скрепляемое ничем не ограниченным насилием в обществах исламских народов, и строится на принципах как политических и личных интриг, так и на оккультных (мистических) методах управления сознанием. Для того чтобы понять ислам, необходимо жить в исламском обществе и при этом не только не быть мусульманином, но и иметь хотя бы начальные понятия о христианской теологии. Тогда без особого труда можно увидеть полное отсутствие свободы в исламском обществе при показательно высоком уровне аморальности.

В силу этого исламский фундаментализм есть лишь инструмент по завоеванию мирового господства для тех, кто и способствовал его появлению в современном мире, а ссылки на Коран являются только средством по религиозному управлению массами, в своем большинстве с безнадежно примитивной нравственностью и интеллектом. Исламский фундаментализм пропагандирует не полное, а выборочное восстановление норм Корана. Коран и Сунна, при желании, могут стать обоснованием какой угодно политической теории в исламском мире.

Исламский фундаментализм в руках политико-религиозной верхушки той же Саудовской Аравии является средством для «прошупывания» сил своих противников, как на Западе, так и на Востоке. Конечно, в исламском мире далеко не все в самых верхах поддерживают данное движение, но факты говорят о том, что существует мощная политико-религиозная финансовая структура, которая способствует становлению и развитию исламского фундаментализма. Периодические «зачистки» тех или иных лидеров и рядовых членов фундаменталистских организаций ничего не доказывают. В исламском обществе жизнь рядовых исполнителей мало что значит, а тем более жизни людей из самых низов, и поэтому политико-религиозные верхи в этом обществе могли позволить себе жертвовать лидерами и членами таких организаций ради достижения стратегических целей.

А.А. Игнатенко пишет: «...салафитские группировки трактуют джихад, во-первых, как вооруженную борьбу; во-вторых, вменяют в обязанность каждому мусульманину (соответственно, физически и умственно способному к этому) ведение джихада; в-третьих, объектом джихада определяются кяфиры. Но поскольку кяфирами — неверными — объявляются все, кто не согласен с салафитами, то этот джихад ведется, в первую очередь, против мусульман, в частности, против тех, кто не согласен с салафитской трактовкой джихада» [67]. Движение исламского фундаментализма было вызвано не социальными противоречиями в обществе, а притоком «нефтедолларов» в экономику Ирана и Саудовской Аравии, что и вызвало экспансию идей исламского фундаментализма.

В исламе духовенство не является очень закрытой группой, как в христианстве. Как нет в исламе церкви, так и нет настоящего духовенства. Исламское духовенство — имамы — лица выборные. Получение духовных званий такими боевыми командирами, как Зелимхан Яндарбиев, Мовлади Удугов, Руслан Гелаев, Шамиль Басаев, «эмир» Хаттаб и шейх Омар Абд-аль-Рахман, было в исламе скорее правилом, нежели исключением, и самый характерный пример — это движение «Талибан», которое возглавлял мулла Омар до своей смерти. Главной социальной группой, заинтересованной в распространении идей исламского фундаментализма — салафизма, является само ис-

ламское духовенство, потерявшее с «секуляризацией» мусульманских народов свое былое влияние в обществе [67]. Казалось, в данном случае возникает противоречие с фактом того, что в суннитских странах, в отличие от шиитских, руководство большинства фундаменталистских организаций — лица, к исламскому духовенству не принадлежащие. Но в данном случае противоречия нет, ибо суннитское духовенство оказалось дальновиднее шиитского, оказав поддержку движению своих фундаменталистов — салафитов, но в то же время не возглавляя его открыто.

Тогда и вышло на поверхность то, что главным центром салафизма и была Саудовская Аравия, в которой в 90-х годах действовали сотни имамов, хатыбов и муэдзинов, поддерживающих самые радикальные идеи в исламе. Именно они и определяли формы джихада, выпуская фетвы, на что лица, не принадлежащие к исламскому духовенству, права не имеют. Лишь после теракта 11 сентября 2001 года и ввода войск США в Афганистан правительство Саудовской Аравии начало предпринимать какие-то шаги по борьбе против салафизма. Так, в конце мая 2003 года в Саудовской Аравии были арестованы улемы Али аль-Худейр, Ахмад аль-Халиди, Насир аль-Фахд по обвинению в подстрекательстве к терроризму [67].

До этого свои проповеди и статьи эти и другие улемы, как, например, Али аль-Худейр, Ибн Укля аш Шуайби, Мухаммад бен Салих аль Усаймин, Хамд ар Райс, Абд аль-Азиз аль-Джарбу, Самир аль-Малики, Сулейман бен Насир аль-Альван, Абд-аль-Керим аль-Хамид, Абд-аль-Ваххаб ат Тариф, Сальман аль-Ода, открыто публиковали в Саудовской Аравии, используя при этом интернет-серверы в Саудовской Аравии, например в научно-техническом городке в Эр-Рияде [67]. Без сомнения, самым показательным примером влияния этой улемы и является война в Боснии и Герцеговине с 1992 по 1995 год.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jović B.* Poslednji dani SFRJ: Izvodi iz dnevnika. Beograd: Politika, 1995.
2. *Кадиевич В.* Контрудар (Мой взгляд на развал Югославии). М.: Московский издательский дом, 2007.
3. *Dreković R.* U obruču (Krajišnici i Hercegovci u borbama na dva fronta). Zenica: Dom Štampe. 2004.
4. Josip Boljkovac — posljedni svjedok dogovorenog rata Miloševića i Tuđmana // Slobodna Bosna. 10.12.2009.
5. *Karaveljić V.* Agresija na Bosnu i Hercegovinu (Severo-Istočna Bosna od 1991 do 1992 godine). Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovečnosti i međunarodnog prava, 2004.
6. *Latić N., Isaković Z.* Ratna secanja generala Alagića — Rat u Srednje Bosne. Zenica: Bemust, 1997.
7. *Sekulić M.* Jugoslaviju niko nije branio, a vrhovna komanda nju izdala. Bad Vilbel: Nidda, 1997.
8. *Hodžić Š.* Bosanski ratnici. Sarajevo: DES, 1998.
9. *Vikić D.* Kako smo 2. maja uspjeli zaustavili nadmoćnijeg i naoružanijeg neprijatelja // Slobodna Bosna. 02.05.2006.
10. *Dedić M., Avdić S.* Slučaj Delimustafić (srbijski tajni dokumenti) // Slobodna Bosna. 2002, februar.
11. *Srdanović S.* Pale — ratna hronika. Beograd: Svet knjiga, 1998.
12. *Burns John F.* Gangs in Sarajevo Worry Diplomats // New York Times. 04.10.1993 // www.nytimes.com/1993/10/04/world/gangs-in-sarajevo-worry-diplomats.html.
13. *Petrović–Piroćanac Z.* Juka brani Sarajevo // Duga. № 476.
14. *Selimbegović V.* Za koga je ubijao AID? // BH Dani. br.185. 15.12.2000.
15. *Suljak A.* Seve practiced by Shooting Civilians in Sarajevo // Slobodna Dalmacija. 12.09.2000.
16. *Delalić M.* Garaplija Case Again in Court // Slobodna Bosna. 13.07.2000.
17. *Pećanin S., Selimbegović V.* Kako ubijen Caco // BH Dani. 05.12.1997.

18. *Čatić Čuperak M.* Sjena nad Igmanom (ratni dnevnik, 1992–1996). Sarajevo: DALSA Bosna, 2000.
19. *Craig R.* War in the Balkans, 1991–2002. National Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2003.
20. Сайт «Heroji oslobodilačkog rata» // www.heroji.ba.
21. *Milutinović M.* VRS između politike i rata. Beograd: Srpska vila, 1997.
22. Наши миротворцы на Балканах / Сост. Гуськова Е.Ю. / Центр по изучению современного балканского кризиса (Институт славяноведения РАН). М.: Индрик, 2007.
23. Izvještaj Pola Grejdija o atentatu na Željka Kopanju // *Stav Magazin*, 23.02.2009. br. 19.
24. *Sekulić M.* Knin je pao u Beogradu. Bad Vilbel: Nidda, 2001.
25. *Kolar B., Kolar E.* Priča o tunelu. Sarajevo: Independent Institute for Social Studies, 2008.
26. *Ajnadžić N.* Odbrana Sarajeva. Sarajevo: Sedam, 2002.
27. *Šolaja M.* Diverzanti kao posljednje oružje // *Srpska vojska*. 18.11.1993.
28. *Veladžić N.* Kraiške gazije. Bužim: BZK «Preporod», 2004.
29. *Halilović S.* Lukava strategija. Sarajevo: Matica, 1998.
30. Operacija koja je povezala državu // *Oslobođenje*. 01.06.1998.
31. Operacija «Koridor-92» // *Vučnjak*. br. 4.
32. *Balkan Battlegrounds: A Military History of the Yugoslav Conflict, 1990–1995.* Washington, DC: Central Intelligence Agency-Office of Russian and European Analysis, 2002.
33. *Bahto H.* Sa braniocima Sarajeva i Gorazda. Sarajevo: Vijeće Kongresa bošnjačkih intelektualaca, 2008.
34. *Delalić M.* Tajni susret Radovana Karadžića i Mate Bobana // *Slobodna Bosna*. 14.02.2002.
35. *Shrader C.R.* The Muslim-Croat Civil War in Central Bosnia. A Military History, 1992–1994. Texas A&M-University Press. College Station.
36. Croatian Forces International Volunteers Association // www.cfiva.org.
37. Država BiH u kliničkoj smrti // *Borba*. 26.01.1993.
38. *Finlan A.* The Collapse of Yugoslavia 1991–1999. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 2004.

39. *Mlivočič I.* Zločin s pečatom: genocid i ratni zločini muslimansko-bošnjačkih snaga nad Hrvatima BiH 1992–1994. Zagreb: Centar za prikupljanje dokumentacije i obradu podataka o Domovinskom ratu, 1998.
40. *Lopušina M.* Ubij bližnjeg svog. Jugoslovenska tajna policija 1945–1995. Beograd: Narodna knjiga, 1997.
41. *Margetić D.* Islamistički terorizam na jugu Europe. Zagreb: Domagoj Margetić, 2006; *Dinić M.* Rampa za svete ratnike // Vojska. 15.02.1996.
42. *Kohlmann E.F.* Al-Qaida's Jihad in Europe: The Afghan-Bosnian Network. Oxford; New York: Berg Publishers, 2004.
43. Vožuća 1995 — Veličanstvena pobjeda. «Zlatni Liljan» // www.armijabih.com.
44. *Schindler J.R.* Unholy Terror: Bosnia, Al-Qa'ida, and the Rise of Global Jihad. Zenith Imprint, 2007.
45. *Azinović V.* Al-Qaeda u Bosne i Hercegovine — mit ili stvarna prijetnja. Prag: Slobodna Europa, 2007.
46. *Selimbegović V.* Putovnica za gori život // BH Dani. br. 224. 21.09.2001.
47. *Selimbegović V.* Zašto smo morali isporučiti Alžirsku grupu // BH Dani. br. 243. 08.02.2002.
48. *Hećimović E.* Garibi — Mudžahedini u BiH 1992–1999. Zenica: Fondacija Sina, 2006.
49. *Beganović E.* Al-Husin Imad — Abu Hamza: «Naš problem počinje otkad smo odbili zahtjev da selimo na Kosovo» // Saff. br. 169. 28.04.2006.
50. *Чунић М.* Отета земља. Београд: Полит, 2006.
51. *Мијалковски М., Дамјанов П.* Тероризам албанских екстремиста. Београд: Новинско – издавачки центар «Војска», 2002.
52. Dnevnik vođe kosovskih mudžahedina Ekrema Avdije // Nedeljni telegraf. 28.08.1998.
53. Абу Бекир Садик // Безбедност. 1998. № 5.
54. *Їоканович С.* Боевые действия в Косово в период до конфликта с НАТО // Экспорт вооружений. 2014. № 2.
55. *Гаћиповић Р.* Отимање Косово и Метохије. Београд: Новинско-издавачки центар «Војска», 2004.

56. *Hećimović E.* Trag čeličnih kuglica vodi do ubica // BH Dani. broj 243.
57. *Fazlić M.* SDA protiv OHR-a // Slobodna Bosna. 03.06.2002.
58. *Керимов Г.М.* Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978.
59. *Davis R.C.* Christian Slaves, Muslim Masters: White Slavery in the Mediterranean, the Barbary Coast and Italy, 1500–1800 (Early Modern History: Society and Culture). London: Palgrave Macmillan, 2004.
60. *Dobbs D.* Saudis Funded Weapons For Bosnia, Official Says: \$300 Million Program Had U.S. 'Stealth Cooperation' // The Washington Post. 02.02.1996.
61. *Pomfret J.* How Bosnia's Muslims Dodged Arms Embargo: Relief Agency Brokered Aid From Nations, Radical Groups// The Washington Post. 22.09.1996.
62. *Popović Č.* Kršenje embarga na uvoz oružja u Hrvatsku // Vojska. 1993, april.
63. *Petrović–Piroćanac Z.* Lekovi sa barutnim punjenjem // Duga. br. 615.
64. *Risen J., McManus D.* U.S. Had Options to Let Bosnia Get Arms, Avoid Iran // Los Angeles Times. 07.07.1996.
65. *Jevtić M.* Savremeni džihad kao rat. Beograd: Nova Knjiga, 1989.
66. *Јевтић М.,* Савремени џихад као рат. Београд: Никола Пашић, 2001.
67. *Игнатенко А.* Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.
68. *Zovak Jerko.* Rat u Bosanskoj Posavine 1992. Slavonski Brod: Posavska Hrvatska d.o.o., 2009. 770 str.